

Международная научная конференция

Государство и право: теория и практика (II)

Чита

УДК 340 (082)
ББК 67.0я43
Г72

Редакционная коллегия сборника:

*М.Н. Ахметова, Ю.В. Иванова, К.С. Лактионов, М.Г. Комогорцев,
В.В. Ахметова, В.С. Брезгин, А.В. Котляров, А.С. Яхина*

Ответственный редактор: *Г.А. Кайнова*

Государство и право: теория и практика (II): материалы междунар. заоч. науч. конф.
Г72 (г. Чита, март 2013 г.). — Чита: Издательство Молодой ученый, 2013. — iv, 84 с.

ISBN 978-5-905483-11-0

В сборнике представлены материалы международной заочной научной конференции «Государство и право: теория и практика (II)».

Рассматривается широкий круг вопросов в сфере юриспруденции: теория и история государства и права, государственное право, гражданское право, уголовное право и пр.

Предназначен для научных работников, преподавателей, аспирантов и студентов юридических специальностей, а также для широкого круга читателей.

УДК 340 (082)
ББК 67.0я43

СОДЕРЖАНИЕ

1. ТЕОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

Агапов А.Н.

Личная безопасность человека и гражданина – основа безопасности личности1

Аникушин А.В.

Участие населения в формировании органов власти монархического Российского государства XVIII века на примере выборов в казенные службы купечества3

Мамазакиров Р.У.

Вопросы разработки и принятия концепции современной национальной правовой политики Кыргызской Республики5

2. ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

Буримов Р.Ю.

Исторические аспекты уголовной ответственности за хулиганство9

Кухалашвили Д.К., Бердзенадзе К.Г.

Historical Bases of an Intelligence and Counterintelligence of Rome11

3. КОНСТИТУЦИОННОЕ (ГОСУДАРСТВЕННОЕ) ПРАВО

Каминский Р.Е.

Роль конституционных (уставных) судов в реализации принципа разделения властей в субъектах РФ 13

Кравченко О.А.

К вопросу об организационных гарантиях обеспечения достоверности волеизъявления народа при бумажной системе организации голосования 16

Кучура П.И.

К вопросу об основаниях конституционно-правовой ответственности 20

Рыкунов А.А.

Исполнение решений Европейского суда по правам человека Россией и Францией: сравнительно-правовое исследование 23

Чекрыжев С.А.

Влияние решений Европейского суда по правам человека на конституционное право Российской Федерации25

4. МУНИЦИПАЛЬНОЕ ПРАВО

Моисеева Т.Р.

Проблемы управления экономикой в сельских муниципальных образованиях в Саратовской области31

5. АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО

Габалова Н.В.

Административная деликтология как наука 34

6. ИНФОРМАЦИОННОЕ ПРАВО

Овчухова О.Ю.

Современное состояние и перспективы развития электронного правительства в России37

9. ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО И ПРОЦЕСС

Полтавский И.А.

Некоторые проблемы соотношения договора оказания услуг с договором подряда 40

Хлуднев А.А.

Динамика гражданского процессуального законодательства в сфере повышения гарантий реализации прав лиц, в отношении которых рассматривается дело о признании их недееспособными42

13. СЕМЕЙНОЕ ПРАВО

Карлыханов А.А.

Условное наказание в уголовном праве. 46

14. ЭКОЛОГИЧЕСКОЕ, ЗЕМЕЛЬНОЕ, ЛЕСНОЕ, ВОДНОЕ И ВОЗДУХООХРАННОЕ ПРАВО

Стасюк Д.А.

К вопросу о значимости определения понятий «пруд» и «обводненный карьер» в Водном кодексе Российской Федерации 48

17. УГОЛОВНОЕ ПРАВО И ПРОЦЕСС

Безвершенко Д.А.

Соотношение функций единого следственного комитета и прокуратуры РФ52

Бидова Б.Б.

Социально-экономические и политические причины религиозного экстремизма.
Религиозно-политический экстремизм и пути его преодоления55

Дядюн К.В.

Особенности трактовки понятия «необоснованность» как признака объективной стороны состава преступления, предусмотренного ст. 145 УК РФ..... 59

Ефимова М.П.

Уголовно-правовая характеристика состава преступления, предусмотренного ст. 159.4 УК РФ61

Янкина М.А.

Освобождение от уголовной ответственности по нормам Особенной части Уголовного кодекса РФ 64

18. КРИМИНОЛОГИЯ И КРИМИНАЛИСТИКА

Плахотнюк Ю.И.

Взаимодействие органов предварительного следствия с оперативным и другими подразделениями при расследовании уголовных дел по преступлениям против семьи и несовершеннолетних 68

19. УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО

Щербакова Н.Е.

Изучение феномена «эмоционального выгорания» и социальной депривации женщин, работающих в условиях ИТК71

20. МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО

Кривогин М.С.

Международно-правовые аспекты борьбы с кибернетическими преступлениями77

21. ГОСУДАРСТВО И ПРАВО ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН

Велковски В.В.

Основные направления национальной жилищной стратегии Республики Болгария 80

1. ТЕОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

Личная безопасность человека и гражданина – основа безопасности личности

Агапов Алексей Николаевич, аспирант
Пензенский государственный университет

Безопасность человека и гражданина проявляется во всех сферах общественных отношений, значимых для существования и развития личности, и выходит за рамки областей повышенной опасности [1]. Это требует серьезного научного подхода к анализу проблем теории и практики обеспечения прав и свобод индивида в Российской Федерации через категорию безопасности, включая изучение действующей нормативно-правовой базы.

Сегодня многими учеными продолжается активное исследование различных аспектов реализации конституционных прав и свобод личности. В научно-практической литературе все больше внимания уделяется вопросам социально-экономических прав (прав «второго поколения»). Это закономерный процесс отхода от либерально-индивидуалистического подхода к субъективным правам. Между тем, проблема реализации и защиты, личных прав и свобод человека и гражданина, формирующих сферу личной безопасности, по-прежнему остается не менее актуальной.

Следует согласиться с мнением Н.И. Матузова о неудовлетворительном обеспечении и защите тех прав и свобод, которые не требуют «непосильного финансового обеспечения». Ссылаясь на президентское послание Федеральному Собранию Российской Федерации 1995 года, автор пишет: «Гражданин чувствует себя беззащитным перед лицом стихии и неуправляемости. При этом слабым утешением является то, что ни в одной стране мира права человека не обеспечены на 100 процентов, в каждой есть свои проблемы. Но у нас они стоят особенно остро» [2].

Здесь вновь встает вопрос о регулятивном потенциале конституционных норм, адекватности их конструкций и сопутствующей им конституционно-правовой доктрины реальным потребностям человека и общества.

Анализируя содержание статьи 20 Конституции Российской Федерации, нельзя не заметить ее неоправданного сужения не только на практике, но и в российской конституционно-правовой науке. В этой связи представляется довольно упрощенным подход некоторых авторов, отождествляющих его лишь со смертной казнью и эвтаназией [3].

Как справедливо пишет Т.М. Фомиченко, «право на жизнь имеет широкое содержание и не сводится к какой-либо одной проблеме, например, к отмене смертной казни... Государство... призвано создавать благоприятные

для жизни человека условия всеми имеющимися средствами» [4].

Одновременно, автор обозначил взаимосвязь безопасности личности с правом на жизнь: «Право на жизнь, как и другие права человека, гарантируется государством. Следовательно, оно должно обеспечить полную безопасность каждому гражданину, находящемуся на территории государства или, как минимум, гарантировать своевременный розыск, поимку и наказание лиц, покушающихся на права человека» [4]. Видимо, осознавая всю сложность и даже невозможность полного устранения угрозы жизни человека, автор связывает личную безопасность с эффективным государственным преследованием за любые посягательства на это основное право.

Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах [5] (статья 11) еще больше расширяет право человека на жизнь, дополнительно предусматривая право на «достаточный жизненный уровень для него и его семьи, включающий достаточное питание, одежду, жилище и непрерывное улучшение условий жизни». Иными словами, речь идет о минимально необходимом объеме этого права, обеспечивающем, по крайней мере, выживание человека, и создающем предпосылки для дальнейшего развития личности.

Как сложный и всеобъемлющий конституционный институт рассматривает право на жизнь Г. Силласте. Автор ассоциирует право на жизнь с ответственностью государства за ухудшение лечения, отсутствие контроля за производством и продажей лекарств, несвоевременной оплатой труда, хронической нехваткой денег на самое необходимое, что нередко приводит к перманентному стрессу и самоубийству [6].

Впервые внимание всех органов публичной власти на состояние в сфере личной безопасности граждан было обращено в послании Президента Российской Федерации от 16 февраля 1995 года «О действенности государственной власти в России» [7]. В частности, указывалось, что «гражданин вправе требовать от государства обеспечения личной безопасности — защиты жизни, здоровья, достоинства и имущества. Государство еще неудовлетворительно справляется с этой обязанностью».

Далее, в Послании Президента Российской Федерации от 6 марта 1997 года был сделан акцент на необхо-

димости преодоления «синдрома неприкасаемых фигур», который препятствует честным судьям, оперативным и следственным работникам правоохранительных органов успешно противодействовать экономической преступности и коррупции [8]. Между тем, сама президентская власть (и, к сожалению, представительная) дают пример очевидного расхождения между собственными политическими заявлениями и политико-правовой практикой. Распространение неприкосновенности на главу государства после его отставки дискредитирует власть в глазах граждан, умаляет идею правового государства и противоречит Конституцию Российской Федерации (ч.3 ст. 17, ч.1 ст. 19) [9].

Остается необеспеченным конституционное право на доступную юридическую помощь. Одной из причин служит отсутствие конкретного механизма его реализации в условиях существенной диспропорции между доходами большинства населения и стоимостью юридических услуг [10]. Между тем, безопасность человека в правовом государстве во многом зависит от возможности воспользоваться правовыми, цивилизованными средствами защиты.

Принятый относительно недавно Федеральный закон от 31.05.2002 № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» не устранил расхождение между формой данного права и его реализацией. Не были созданы стимулы для активной и качественной работы адвокатов по оказанию бесплатной юридической помощи. Указание в законе на непредпринимательский характер адвокатской деятельности принципиально не меняет ситуации. Некоторые положения закона (например, статья 3) содержат в себе явное несоответствие реальному положению дел.

Значимость права на юридическую помощь подчеркивается Европейским судом по правам человека (решение по делу Эйри, 9 октября 1979 года). Суд признал, что для охраны основных прав и свобод, гарантированных Конвенцией о защите прав и основных свобод, недостаточно одного лишь невмешательства государства в личные, семейные дела. Напротив, государство должно создавать условия эффективного доступа к правосудию лицам, которые по объективным финансовым причинам не в состоянии обратиться за судебной защитой [11].

Необходимо дальнейшее расширение государственного участия в развитии сети учреждений, в том числе адвокатуры, предоставляющих бесплатные либо общедоступные юридические и иные услуги населению. Государственная поддержка общедоступной адвокатуры возможна в форме прямых финансовых дотаций, налоговых льгот тем лицам, кто постоянно обслуживает на бесплатной или льготной основе социально незащищенные категории граждан.

Не получила должного правового развития норма о достоинстве личности, выступающая одновременно как отдельное субъективное право и как один из принципов главы второй Конституции Российской Федерации, элемент общего принципа гуманизма.

Статья 21 Конституции Российской Федерации определяет достоинство как отдельную, самостоятельную ценность человека. Представляется, что конструкция данной конституционной нормы неоправданно сужена, что негативно отражается на дальнейшем развитии категории достоинства в отраслевом законодательстве. Например, в гражданском праве достоинство рассматривается наравне с такими понятиями, как «честь», «доброе имя», «деловая репутация», что препятствует реализации его конституционного потенциала в полной мере.

Между тем, если проанализировать нормы Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах, а также Международного пакта о гражданских и политических правах, достоинство служит главным ориентиром для всей системы международно-признанных прав и свобод.

Самостоятельную роль ему отводят многие другие международно-правовые акты. Собственное понимание конституционного содержания достоинства личности постоянно проводится в решениях Конституционного Суда Российской Федерации. Суд рассматривает достоинство в первую очередь как принцип, из которого вытекают неотъемлемые человеческие права. Именно такой подход лежит в основе правовых позиций Конституционного Суда.

Для возвращения категории «достоинства» ее имманентного содержания представляется необходимым пересмотреть законодательные и подзаконные акты, а также характерные тенденции правоприменительной практики, в которых используется «категория достоинства».

В частности, полагаем недостаточно разработанным с конституционно — правовых позиций институт компенсации причиненного ущерба (вреда), в том числе морального. Учитывая абсолютный характер достоинства и руководствуясь конституционным принципом равенства, нельзя допускать крайностей: присуждать символические суммы, если человек не в состоянии подтвердить официальными актами, справками, квитанциями и т.п. факт умаления собственного достоинства, либо взыскивать крупные суммы, руководствуясь преимущественно должностным, имущественным положением человека, его популярностью и т.п. Такая практика явно не способствует формированию у российских граждан чувства собственной защищенности.

В этой связи представляется целесообразным дополнить статьи 52 и 53 Конституции Российской Федерации соответствующими указаниями на *достойную* компенсацию причиненного ущерба и на *достойное* возмещение государством вреда. Одновременно следует провести четкое разграничение на уровне Гражданского кодекса Российской Федерации между достоинством и честью (деловой репутацией). Достоинство человека должно выступать как абсолютное основание присуждения достойной суммы компенсации морального вреда, размер которой судья вправе дифференцировать на основе понятий «честь», «деловой репутации» («доброго имени»).

Завершая исследование вопросов личной безопасности человека и гражданина в Российской Федерации, можно отметить, что право личности на жизнь, человеческое достоинство выступают фундаментальным критерием полноты реализации всех остальных конституционных прав и свобод. Они позволяют провести черту между обычными недостатками правоприменительной

практики и критической ситуацией, потенциально угрожающей жизненно важным параметрам существования человека. Последнее будет означать, что необходимо помимо принятия неотложных защитных мер серьезно пересматривать направления государственной политики в соответствующей сфере общественных отношений, предпринимать все возможные шаги по их стабилизации.

Литература:

1. Щедрин Н.В. Меры безопасности: развитие теории, отличительные признаки и классификация // Правоведение. 1994. № 4. С. 93.
2. Матузов Н.И. Теория и практика прав человека в России // Правоведение. 1998. № 4. С. 30.
3. Долгов М.А. Международно-правовые и конституционные аспекты права человека на жизнь / Конституционные чтения. Вып. 1 Постановка научных задач по конституционному и муниципальному праву / Под ред. Т.Д. Зражевской. Воронеж: Изд-во Воронежского государственного университета, 2002. С. 207–212.
4. Фомиченко Т.М. Право на жизнь в системе прав и свобод человека и гражданина в российском законодательстве / Новое в российском и международном праве / Институт национальной стратегии реформ. М.: Б.И. Вып. 1. 2001. С. 124–125.
5. Международное публичное право. Сборник документов. Т. 1. М.: БЕК, 1996.
6. Силласте Г. Социально-политическая безопасность общества и личности / Социальная безопасность государства, общества и личности: состояние, проблемы, перспективы: Материалы научно-практической конференции ИСПИ РАН и Военно-научного общества «Безопасность Отечества» при Клубе «Реалисты» // Клуб «Реалисты». Инф.-аналит. Бюллетень, 1996. № 20. с. 28–29;
7. Спс консультант
8. О.О. Миронов // Беседа главного редактора журнала «Государство и право» А.И. Ковлера с Уполномоченным по правам человека Российской Федерации, доктором юридических наук, профессором О.О. Мироновым. С. 6.
9. Мамонов В.В. Конституционные основы национальной безопасности России. С. 133.
10. Полянский В.В. Конституционный процесс и политика. С. 62.
11. Гомьен Д., Харрис Д., Зваак Л. Европейская конвенция о правах человека и Европейская социальная хартия: право и практика. М.: Изд-во МНИМП, 1998. С. 294.

Участие населения в формировании органов власти монархического Российского государства XVIII века на примере выборов в казенные службы купечества

Аникушин Александр Валерьевич, аспирант
Юго-Западный государственный университет (г. Курск)

Вопрос определения понятия «форма правления» в теоретико-правовой науке до сих пор является одним из наиболее дискуссионных. Тем не менее, несмотря на существующие противоречия, объединяющим моментом большинства известных на современном этапе развития научной мысли подходов к определению является то, что их представители считают необходимым включать в понятие формы правления такой элемент, как участие населения в формировании органов власти [1, с. 30]. Особый интерес для исследования представляет изучение процесса такого участия в условиях Российского абсолютизма XVIII века.

Очевидно, что абсолютистское правление подразумевает сосредоточение всей полноты власти в руках монарха, однако, управление государством было бы невоз-

можно без наличия системы органов, которым частично делегировались властные полномочия. Широко распространенным способом взаимодействия государства и общества в исследуемый период являлось привлечение купечества и посадской общины в целом к осуществлению различного рода служб.

Все службы делились на казенные или государственные и общественные службы, иначе именуемые гражданскими. К гражданским службам относились службы, осуществляемые при различных учреждениях. Например, при магистратах существовали должности подьячих, канцеляристов, рассыльщиков, сторожей, ходоков, писарей. В словесных судах представители купечества привлекались подьячими, сторожами и пищиками; при гостинном дворе служили сторожами, старостами, целовальниками;

при соборе — осуществляли функции церковных старост, сторожей и звонарей. Еще одним направлением осуществления гражданских служб являлась организация пошлинных и налоговых сборов, состоящая в сборе подушной подати, сборов с гостиного двора, а также банных, кабацких и иных сборов [6, с. 171].

В условиях становления абсолютной монархии и распространения идей регулярного государства в столицах Российского государства в первой четверти XVIII века создаются самостоятельные специализированные полицейские отряды, носившие военизированный характер. Для исполнения данного вида служб в основном привлекался офицерский состав армии и команды военнослужащих. Помимо этого в Москве, Петербурге и некоторых иных городах была восстановлена полицейская повинность. Осуществление полицейской службы происходило на основе выборов из местного населения улиц и слобод.

Объективные условия развития абсолютистского государства, а также появление новых задач в начале XVIII века вынуждали все активнее привлекать посадское население к исполнению различных государственных служб. Осуществление казенных служб представляло собой результат весьма сложного процесса взаимодействия населения и органов государственного управления. В порядке повинности почти все тяглое население и большинство представителей торгово-промышленной сферы понуждались государством к обеспечению важных монополий и осуществлению ряда иных государственных функций.

Во многом структура государственных учреждений зависела от участия в их работе представителей посада, для чего складывались необходимые условия службы, вырабатывались определенные формы административного воздействия. Не удивительно, что процесс выборов в казенные службы являлся одним из первых и наиболее важных этапов посадских служб. Выборы, масштабность которых была обусловлена многочисленностью казенных служб, затрагивали большинство посадского населения и по общему правилу проводились ежегодно. Основным требованием, предъявляемым к кандидатам в большинство казенных служб, являлась грамотность, однако, в отдельных случаях, предъявлялся ряд дополнительных требований к компетентности в вопросах, связанных с осуществлением службы [4, с. 68–76, 85–86]. Вместе с тем, тяжесть материального положения купеческих низов и отсутствие обязательности даже начального образования приводили к тому, что грамотность была распространена лишь среди представителей первостатейного и среднестатейного купечества. В условиях наблюдаемого дефицита образованных кадров, можно предположить, что, несмотря на всю заинтересованность государства в «грамоте и писать умеющих» [5, с. 37], данные критерии во многих случаях являлись формальностью.

Сопоставляя сущность казенных и общественных служб, стоит отметить, что общими признаками обоих видов являлись выборность и, в подавляющем большин-

стве случаев, безвозмездность осуществления (исключение составляли службы портовых морских таможен) [4, с. 68–76]. На наш взгляд, именно возможность безвозмездного использования квалифицированных управленческих кадров послужила основной причиной активного использования института государственных и общественных служб во всех управленческих сферах. Тем не менее, многие ученые акцентируя внимание в большей степени на казенных службах, усматривают причину их существования в слабости государственного аппарата и его неспособности к самостоятельному управлению без опоры на выборных представителей посадского населения, которые наделялись значительной исполнительной властью [2, с. 29–43]. Так, или иначе, бесспорным остается лишь то, что именно институту казенных служб купечества отводилась важная роль в механизме функционирования Российского государства, что позволяет нам рассматривать казенные службы в качестве низового звена органов государственной власти, в то время как основная роль общественных служб сводилась к решению более мелких задач на уровне реализации местного самоуправления.

Непосредственный процесс выборов в казенные службы происходил на мирском сходе и оформлялся вынесением соответствующего решения. Однако зачастую, решения мирского схода подписывались лишь узким кругом наиболее состоятельных представителей купечества, то есть «сход — юридически общепосадский, фактически превращался в сход по преимуществу первостатейных тяглецов, без которых сход терял свое значение, но которые могли обходиться и без малотяглой массы» [6, с. 643–647]. Указанное обстоятельство нередко служило причиной столкновений малотяглого населения с обеспеченными общинниками при выборах в магистраты и ратуши, победители которых наделялись существенными властными полномочиями.

Необходимо отметить, что государство также было заинтересовано в избрании на высшие должности состоятельных первостатейных представителей купечества, поскольку шансы взыскать казенный долг в таком случае были гораздо выше, чем в случае замещения той же должности бедняком. К тому же, избрание проводилось обеспеченными представителями той же «статьи», которые были материально ответственны за избранного представителя.

Необходимость дифференциации выборов прямо закреплялась в указе 1731 года, где говорилось: «При выборах быть и выборы за руками подписывать к главным делам в бургомистры и бурмистры первостатейным и средним людям, а к ним в товарищи и в подчиненные как в целовальники, так и в счетчики меньшей статье, дабы первостатейные и средние, зная между собой, достойных людей к делам выбирали, и меньшей статьи в том выборе с ними не мешаться, а в товарищи и подчиненные меньшая статья с своей стороны, кому вверять, выбирали ж, и в том им от первостатейных и от средних не препятст-

зовать...» [3, с. 57]. Документ также запрещал государственным чиновникам осуществлять любое вмешательство в избирательный процесс: «...губернаторам и воеводам и прочим управителям до выборов ничем и никак не касаться, и приметок не чинить, и собою не переменять и других выбирать не принуждать, но кого купечество удостоит и выбор верящий на него дадут, тем и быть; понеже от таких выбранных, ежели будет какой недобор, или упущение, то взыщется на тех выборщиках» [3, с. 57]. Как следует из приведенной цитаты, подобный запрет был связан с тем обстоятельством, что нарушение процедуры выборов давало избирающим общинникам право заявить

о своей непричастности к недоборам, которые могли возникнуть в результате осуществления казенных служб избранным представителем.

Общий анализ сложившейся системы выборов в казенные службы показывает, что процедура осуществления избирательного процесса являлась сферой исключительной компетенции общины, однако первостепенное значение всей процедуры выборов сводилось к легитимации системы финансовой ответственности выборщиков за избранного в казенные службы представителя. Иными словами, наблюдается прямая подчиненность посадского самоуправления государственным интересам.

Литература:

1. Овчинникова О.Д. Эволюция формы правления Российского государства: историко-теоретический аспект: дис.... канд. юр. наук. Москва, 2008. — 220 с.
2. Миронов Б.Н. Американская буржуазная историография русского феодального города // Вопросы истории. 1984. № 7.
3. Именной «О службе купцов по различным должностям и о выборе к оным» от 28 июня 1731 г. // ПСЗ-И. Т. VIII. № 5794.
4. Козлова Н.В. Российский абсолютизм и купечество в XVIII в. (20-е — начало 60-х гг.). М., 1999. — 381 с.
5. Козлова Н.В. Некоторые аспекты культурно-исторической характеристики русского купечества XVIII в. Вестник МГУ. Сер. 8: История. 1989. № 4.
6. Кизеветтер А.А. Посадская община в России в XVIII столетии. М.: Университетская типография, 1903. — 810 с.

Вопросы разработки и принятия концепции современной национальной правовой политики Кыргызской Республики

Мамазакиров Рустам Умарович, кандидат юридических наук, доцент
Филиал Российского государственного социального университета в г. Ош (Киргизия)

В статье автором рассмотрены вопросы теоретической разработки концепции современной национальной правовой политики Кыргызской Республики и ее воплощение в практической деятельности.

Произошедшие в последние два десятилетия изменения социально-политического устройства Кыргызской Республики потребовали создания новых правовых средств социального регулирования системы общественных отношений, содержащихся в правовой системе. В связи с этим, теоретическая разработка концепции современной национальной правовой политики и реальное ее воплощение в практической деятельности, составляет одну из первоочередных задач, от решения которой зависят многие другие правовые проблемы, в частности, вопросы, связанные с совершенствованием права в целом, определением его места и роли среди других юридических явлений и социальных регуляторов. Это становится актуальным в условиях построения демократического правового государства, где право приобретает ведущее значение, а правовая наука нуждается в обобщающей категории, позволяющей оперировать ею при научном анализе всей правовой действительности.

Правовая политика есть научно обоснованная, последовательная и системная деятельность государственных и муниципальных органов, а также общественных объединений по созданию эффективного механизма правового регулирования, по оптимизации правового развития конкретной страны. Правовая политика — это более осознанное и ответственное отношение к совершенствованию правовой системы общества, возможному юридическому прогрессу, организации процесса конституционно-правового строительства страны, так как он не может протекать в стихийном ключе, а в данной сфере нужны стратегия, логика и система действий.

Правовая политика имеет собственное содержание, свою природу и должна полноценно реализовываться наряду с экономической, социальной, национальной и другими видами политики. Правовая политика во многом обусловлена потребностями упорядочивания и целена-

правленного развития такой самостоятельной формой жизнедеятельности общества, как правовая жизнь.

В настоящее время в Кыргызской Республике разработка и принятие концепции правовой политики станет одной из ключевых составных частей стратегии сбалансированного и устойчивого развития страны. Так, распоряжением Президента Кыргызской Республики от 25 февраля 2011 года № 37, в целях осуществления системной правовой политики, утверждения принципов верховенства права, а также эффективной защиты прав и свобод человека и гражданина была образована рабочая группа по разработке проекта Концепции правовой политики, из числа представителей органов государственной власти, международных организаций, высших учебных заведений и гражданского сообщества¹.

Проект Концепции правовой политики Кыргызской Республики на 2012–2016 годы, подготовленный рабочей группой представила на рассмотрение Правительства Кыргызской Республики, в котором особое внимание уделено прогнозно-аналитическому обеспечению правотворческой деятельности, основанной на мониторинге тенденций развития отраслей права и анализе правоприменительной практики.

Сегодня назрела необходимость осуществлять системную правовую политику, утверждения принципов верховенства права, а также эффективной защиты прав и свобод человека и гражданина. Существующая практика и действующая нормативная правовая база свидетельствуют о несогласованности действий государственных органов при проецировании путей развития для достижения одной цели. Такая тенденция четко прослеживается при осуществлении реформирования судебной системы и правоохранительных органов. Требуют комплексного подхода и вопросы реформирования адвокатуры, юридического образования и науки, правового просвещения. Единый системный подход в проведении правовой политики позволит скоординировать усилия государственных органов и привлекаемых партнеров на формирование единого и согласованного правового пространства.

Необходимо освободить правовую систему Кыргызской Республики от мелочного регламентирования социально-экономической и общественно-политической жизни общества, от карательно-репрессивных методов деятельности правоохранительных органов, обвинительного уклона в судопроизводстве и приоритета государственных интересов во взаимоотношениях государства и частного собственника.

Действующее законодательство, обеспечивающее функционирование правовой системы страны в соответствии с Конституцией Кыргызской Республики 2010 г.², общепризнанными принципами и нормами международного права, требует дальнейшего развития, в частности,

поэтапного совершенствования действующих законов, а также принятия при необходимости новых нормативных правовых актов, отвечающих требованиям дальнейшей демократизации общества и задачам его социально-экономического развития.

Конституционные идеи правового государства должны найти свое воплощение в формировании законодательства на идеях права, справедливости, гуманизма, в создании эффективных средств укрепления правопорядка, материальных, организационно-правовых, политических гарантий прав и свобод человека и гражданина. В то же время следует повышать ответственность государственных служащих и иных граждан, которые должны неукоснительно выполнять свои конституционные обязанности. Чрезвычайно важное значение имеет реализация конституционной идеи социального государства. Эта работа в первую очередь осуществляется государственными органами, которые должны создавать необходимые условия для самореализации и экономической свободы личности, гармонизировать сферы социальной жизни, оказывать помощь социально уязвимым слоям общества, не допуская патернализма, поляризации общества, противостояния различных социальных групп.

При этом следует признать неприемлемыми идеи «демократии без предела и границ», которые ничего общего не имеют с подлинной демократией. Важно осознание и отстаивание светского характера государства в условиях многонационального, поликонфессионального населения страны, роста вблизи границ Кыргызской Республики религиозного экстремизма, терроризма. Конституционные идеи светского государства должны воплощаться в законодательных актах и иных мероприятиях, которые создавали бы заслон влиянию религиозных течений на государственную идеологию, проявлениям экстремистских религиозных идей, в то же время не ограничивали бы деятельность религиозных объединений в рамках конституционного порядка.

Исходя из того, что в Конституции речь идет об основополагающих принципах деятельности общества и государства, общественное согласие и политическую стабильность должны обеспечивать как общественные, так и государственные институты. Так, основополагающий конституционный принцип — экономическое развитие на благо всего народа — должен воплощаться в жизнь и реализовываться и в государственном, и частном секторе экономики, поскольку собственность обязывает, пользование ею должно одновременно служить общественному благу.

Решение наиболее важных вопросов государственной жизни демократическими методами, как основополагающий конституционный принцип деятельности республики, возможно также на основе совместных усилий государственных институтов, политических партий, других

¹ См.: www.president.kg/ru/posts/4d6cf5537d5d2e720d000867.

² Принят Законом Кыргызской Республики «О новой редакции Конституции Кыргызской Республики» от 27 июня 2010 г. / Эркин Тоо от 6 июля 2010 года N 61.

общественных объединений, неправительственных организаций, различных социальных слоев и групп населения.

При этом организация и оценка деятельности государственных органов не должна ограничиваться формально-статистическими показателями их работы. Следует принимать во внимание в первую очередь реальные результаты работы по защите конституционных прав и свобод граждан, законных интересов юридических лиц и государства.

Указанные в Конституции Кыргызской Республики основополагающие принципы деятельности республики нашли в той или иной степени закрепление в законодательстве. Этот процесс должен углубляться и расширяться соответственно потребностям новых политических, экономических и социальных условий как внутри страны, так и в отношениях Кыргызстана с другими государствами. Но, тем не менее, на сегодняшний день, как справедливо отмечает вице-премьер-министр Ш. Атаханов, «парламент Кыргызстана вносит законопроекты совершенно противоположные друг другу. Некоторые вынесенные депутатами постановления не соответствуют законам Кыргызской Республики. В связи с этим было принято решение разработать концепцию правовой политики. Этот документ будет определять правовую рамку деятельности государства. В частности реформирование правоохранительной системы и развитие судебной системы»¹.

Структура представленного проекта концепции правовой политики Кыргызской Республики на 2012–2016 годы включать следующие составляющие:

1. Цели и задачи Концепции правовой политики на период до 2016 года
2. Развитие нормотворческого процесса
3. Реформирование национального права
4. Развитие правоохранительной системы
5. Развитие судебной системы
6. Реформа юридического образования. Института правовой пропаганды

Как отмечается в целях и задачах данного проекта в концепции сформулированы основные направления совершенствования национальной правовой системы, основанные на современных тенденциях ее развития, накопленном отечественном и мировом опыте, научно обоснованных представлениях о перспективах развития нашего государства и права. Ввиду чего Концепция представляет собой программный документ, определяющий правовое развитие страны на ближайшую перспективу.

В процессе дальнейшего совершенствования законодательства необходимо неуклонно следовать принципам верховенства Конституции и соответствия норм актов нижестоящего уровня актам вышестоящего уровня.

Совершенствование норм действующего законодательства необходимо проводить путем реализации следующих мер:

— восполнения пробелов в правовом регулировании и углубления его в наиболее важных сферах общественных отношений;

— продолжения и расширения практики проведения научной экспертизы законопроектов, в том числе на предмет соответствия интересам национальной безопасности;

— формирования в целях унификации законодательства единого перечня используемых в нем терминов на государственном и русском языках;

— в целях создания условий для эффективной реализации всех принимаемых законов четкого соблюдения принципа достаточности их финансового обеспечения;

— в целях выявления предпосылок, прямо или опосредованно создающих условия для совершения преступлений, коррупционных и административных правонарушений, введения криминологической экспертизы проектов нормативных правовых актов;

— в целях улучшения планирования законопроектной деятельности введения практики ее перспективного планирования.

Следует планировать работу по систематизации массива национального законодательства на среднесрочную перспективу, вести научный анализ общественных отношений, требующих правовой регламентации. Такой упреждающий анализ позволит выявить сферы общественных отношений, не урегулированных нормативными правовыми актами и нуждающихся в разноразмерной регламентации.

Систематизация законодательства должна осуществляться посредством применения всех трех ее форм: инкорпорации, консолидации и кодификации.

В любом обществе, как известно, возможны противоречия интересов различных индивидуумов, социальных групп, организаций. В связи с этим такому явлению, как лоббирование, необходимо придать цивилизованные, законодательные рамки.

Сегодня законодательные акты содержат большое количество бланкетных (отсылочных) норм, позволяющих государственным органам принимать подзаконные акты, содержание которых не соответствует воле законодателя, а порой и прямо противоречит ей. В нормотворческой практике государственных органов не изжит узкоотраслевой, ведомственный подход, в результате чего имеют место коррупционные правонарушения, ущемление прав, свобод человека и законных интересов граждан и организаций. К тому же такая ситуация приводит к фактической подмене законов подзаконными актами. В связи с этим процесс разработки законодательных актов должен характеризоваться решительным уменьшением количества отсылочных норм и оптимально возможной конкретизацией законов. Наряду с этим следует усовершенствовать механизм введения в действие принятых законов, обеспе-

¹ См.: <http://www.kyrtag.kg/?q=ru/news/12723>.

чивающий их полную реализацию, в том числе своевременное принятие необходимых подзаконных актов.

Нуждается в повышении качества местное нормотворчество. При этом также необходимо предпринять дополнительные меры, направленные на реализацию норм законодательства об обязательности регистрации актов местных государственных органов, имеющих общеобязательное значение, межведомственный характер или касающихся прав, свобод и обязанностей граждан.

В настоящее время существует большое число учебных заведений, обеспечивающих получение высшего юридического образования. Однако качество подготовки специалистов в этих организациях зачастую оставляет

желать лучшего. Эта проблема требует своего скорейшего решения. Наряду с этим необходимо предпринимать меры по поддержке плодотворно развивающейся отечественной правовой науки. Вынуждены констатировать резкий дисбаланс между юридическим образованием и требованиями современного правоприменения. Анализ текущего состояния показывает, что стандарты юридического образования не удовлетворяют реалиям нашего времени.

Для разрешения этих проблем необходима целенаправленная политика государства направленная на развитие юридической науки через процессы глубокой научной проработки стандартов юридического образования.

2. ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

Исторические аспекты уголовной ответственности за хулиганство

Буримов Роман Юрьевич, кандидат юридических наук, преподаватель
Учебный пункт УФСИН России по Астраханской области

В представленной статье рассматриваются краткая история становления уголовной ответственности за совершения хулиганства в России.

Ключевые слова: Уголовный закон, наказание, лишение свободы, право.

Уголовное законодательство Российской империи второй половины XIX — начала XX в., в частности, Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. в редакции 1885 г. и Уголовное уложение 1903 г., в отличие от уголовно-правовых систем Германии, Голландии и некоторых других стран, не выделяло самостоятельного раздела или главы, где были бы сосредоточены нормы об ответственности за деяния, аналогичные тем, которые предусмотрены в гл. 24 разд. IX УК 1996 г. (преступления против общественной безопасности). Однако это не означает, что уголовное законодательство Российской империи не содержало ответственности за преступления, аналогичные тем, которые установлены в гл. 24 УК РФ. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. в ред. 1885 г. в различных разделах, главах и отделениях предусматривало достаточно большое число норм о деяниях, относимых в настоящее время к числу общеопасных преступлений [1, с. 71]

Например, в ст. 269 (ч. 1) главы первой «О сопротивлении распоряжениям правительства и неповиновении установленным от оного властям» раздела четвертого «О преступлениях и проступках против порядка управления» предусматривалась ответственность за устройство, договор к устройству или участие в публичном скопище, сопровождавшемся насилием или угрозой над личностью, похищением, самовольным завладением, истреблением или повреждением чужого имущества, вторжением в чужое обитаемое здание либо иное помещение, огороженное место или усадьбу, а равно руководство совершением указанных действий или подстрекательство к ним (аналог современного понятия «массовые беспорядки»). В ст. 867–869 (ч. 1) отделения шестого «О нарушении правил, установленных для продажи, хранения и употребления веществ ядовитых и сильнодействующих» главы первой «О преступлениях и проступках против постановлений, ограждающих народное здравие» раздела восьмого «О преступлениях и проступках против общественного благоустройства и благочиния» предусматривалась ответственность за нарушение правил обращения с ядо-

витыми и сильнодействующими веществами. В ст. 922–931 отделения первого «О составлении злонамеренных шаяк и пристанодержательства» главы третьей «О нарушении общественного спокойствия, порядка и ограждающих оные постановлений» раздела восьмого устанавливалась ответственность за организацию и участие в шайке для разбоев, зажигательства, краж и т.д. (некий аналог современного бандитизма). Аналогичная по содержанию норма предусматривалась и в отделении первом главы третьей «О похищении чужого имущества» раздела двенадцатого «О преступлениях и проступках против собственности частных лиц».

«Последним в истории Российской империи фундаментальным законодательным актом в сфере уголовного права было Уголовное уложение от 22 марта 1903 г.» [2, с. 198]. Оно существенно отличалось от предыдущих законодательных актов не только по технико-юридическому изложению, но и по содержательной стороне. Уложение вводилось в действие постепенно по отдельным главам и даже по отдельным статьям. В нем также предусматривались отдельные нормы об общеопасных преступлениях. В ст. 279 главы двенадцатой «О нарушении постановлений, ограждающих общественное спокойствие» предусматривалась ответственность за участие в шайке, составившейся в различных целях, и в том числе для воровства, разбоев, вымогательств или мошенничества, для повреждений чужого имущества, приобретения, принятия на хранение, сокрытия, заклада или сбыта чужого имущества, добытого заведомо посредством преступного деяния, а также за дачу пристанища заведомо участнику такой шайки или доставление средств для учинения преступных деяний. В этих случаях, если виновный не подлежал за преступное деяние, шайкой учиненное, более строгому наказанию, он наказывался заключением в исправительный дом.

«До 1917 г. уголовное законодательство об ответственности за общеопасные преступления не подвергалось каким-либо изменениям» [3, с. 90].

В первые годы советской власти не существовало кодифицированного уголовного законодательства, и ответ-

ственность за наиболее тяжкие преступления предусматривалась декретами. Однако подходы законодателя к оценкам деяний и, главное, к описанию конкретных составов были различны. Так, ответственность за бандитизм в современном его понимании предусматривалась Декретом ВЦИК от 20 июня 1919 г. «Об изъятиях из общей подсудности в местностях, объявленных на военном положении». В этом Декрете не только названо такое преступление, как бандитизм, но и впервые дано описание признаков состава: «участие в шайке, составившейся для убийств, разбоя и грабежей, а также как пособничество такой шайке и укрывательство ее». Ответственность за организацию скопища, участие в нем и подстрекательство к нему не предусматривалась. Однако встречается упоминание о другом деянии — о «погромах». В одном из первых воззваний Военно-революционного комитета Петрограда говорилось: «Воровство, разбой, нападения, погромные попытки будут немедленно караться. Виновные в этих преступлениях будут беспощадно судимы военно-революционным судом». Уголовный кодекс РСФСР 1922 г., как первый кодифицированный уголовно-правовой акт Советского государства, предусмотрел специальную гл. 8 «Нарушение правил, охраняющих народное здоровье, общественную безопасность и публичный порядок». В статьях данной главы Уголовного кодекса предусматривалась ответственность за следующие деяния: приготовление, хранение и сбыт ядовитых и сильнодействующих веществ лицами, не имеющими на то право (ст. 215); неизвещение подлежащих властей со стороны лиц, к тому обязанных, о случаях заразных болезней или падежа скота (ст. 216); неисполнение или нарушение при производстве строительных работ установленных законом или обязательным постановлением строительных, санитарных и противопожарных правил (ст. 217); неисполнение или нарушение правил, установленных законом или обязательным постановлением для охраны порядка и безопасности движения по сухопутным, водным и воздушным путям сообщения (ст. 218); неисполнение законного распоряжения или требования находящегося на посту органа милиции, военного караула, а равно всяких других властей, призванных охранять общественную безопасность и спокойствие (ст. 219); хранение огнестрельного оружия без надлежащего разрешения (ст. 220); нарушение иных правил (ст. 221).

Понятие «массовые беспорядки» впервые было дано в ст. 75 УК 1922 г.: «Участие в массовых беспорядках всякого рода, как-то: погромах, разрушении путей и средств сообщения, освобождении арестованных, поджогах и т.п., если при этом участники беспорядков были вооружены. В соответствии со ст. 34 УК 1922 г. пределы лишения свободы устанавливались от 6 месяцев до 10 лет.

По ст. 77 УК 1922 г. наказывалось: «Участие в беспорядках, не отягченных преступными деяниями, указанными в ст. 75, но сопряженных с явным неповиновением законным требованиям властей или побуждением их к исполнению явно незаконных требований, хотя бы неповиновение выразилось только в отказе прекратить угро-

жающее общественной безопасности скопление». Более точно было сформулировано понятие «бандитизм».

Уголовный кодекс 1926 г. сохранил в целом такие же подходы к классификации Особенной части, как и УК 1922 г. [4 с.78]. В уточненном наименовании предусматривалась и гл. 8 «Нарушение правил, охраняющих народное здоровье, общественную безопасность и порядок», в которой первоначально содержалось 14 составов преступлений, в том числе нарушение правил обращения с сильнодействующими ядовитыми веществами (ст. 179), взрывчатыми веществами, снарядами, огнестрельным и холодным оружием, легковоспламеняющимися веществами и предметами и едкими веществами (ст. 182), нарушение правил об установке механических двигателей (ст. 189).

С изданием в 1927 г. Положения о преступлениях государственных ответственность за бандитизм (ст. 17) и массовые беспорядки (ст. 16) стала регулироваться этим общесоюзным законом. Впоследствии в Положение и, соответственно, в уголовные кодексы был внесен еще ряд норм: ст. 59 (тайное или открытое похищение огнестрельного оружия, частей к нему и огневых припасов), ст. 59.3б, 59.3в, 59.3г, 75.1, 75.4 (транспортные преступления), ст. 108.1 (нарушение правил безопасности производства).

До конца 50-х годов законодательные формулировки анализируемых преступлений, за исключением хулиганства, не подвергались каким-либо изменениям, чего нельзя сказать о позициях судебной практики. Следующий этап в развитии законодательства об уголовной ответственности за общественно опасные преступления связан с принятием 25 декабря 1958 г. Закона СССР «Об уголовной ответственности за государственные преступления». В разделе «Иные государственные преступления» Закона содержались нормы, которые устанавливали ответственность за такие общественно опасные деяния, как бандитизм (ст. 14) и массовые беспорядки (ст. 16). Впоследствии эти нормы текстуально без изменений были восприняты Уголовным кодексом 1960 г.

В ст. 14 Закона (ст. 77 УК 1960 г.) бандитизм определялся как организация вооруженных банд с целью нападения на ими нападениях. Наказание за него предусматривалось в виде лишения свободы на срок от 3 до 15 лет с конфискацией имущества и со нападения вооруженной банды.

В последующие годы (1962, 1982, 1993, 1994) редакция ст. 77 УК изменялась и в конечном итоге бандитизм определялся как: «Организация вооруженных банд с целью нападения на государственные или общественные предприятия, учреждения, организации либо на отдельных лиц, а равно участие в таких бандах и в совершаемых ими нападениях [5 с.94]».

Массовые беспорядки, согласно ст. 16 Закона (ст. 79 УК 1960 г.), формулировались как организация массовых беспорядков, сопровождавшихся погромами, разрушениями, поджогами и другими подобными действиями, а равно непосредственное совершение их участниками указанных выше преступлений или оказание ими вооружен-

ного сопротивления власти. Представляют интерес тенденции конструирования системы преступлений против общественной безопасности в 40-х и 50-х годах. В Уголовном кодексе 1960 г., как и в кодексах 1922 и 1926 гг., была выделена специальная гл. 10, в которой наряду с другими деяниями предусматривалась ответственность за отдельные виды преступлений против общественной безопасности. При этом общественная безопасность по-прежнему выступала в качестве составной части объединенного объекта под наименованием «отношения общественной безопасности, общественного порядка и здоровья населения», а не самостоятельного родового объекта ох-

раны. Однако в отличие от предыдущих кодексов в наименовании главы Кодекса 1960 г. общественная безопасность была поставлена уже на первое место. Это свидетельствовало об усилении внимания к проблемам охраны общественной безопасности как наиболее важным из перечисленных в наименовании главы социальных ценностей.

В новой норме ст. 213 Уголовного кодекса Российской Федерации жестко ограничен объект уничтожаемого (повреждаемого) имущества; имеется в виду только чужое, тогда как для квалификации действий хулигана по признаку особой дерзости в прежней норме принадлежность уничтожаемого имущества на квалификацию никак не влияла.

Литература:

1. Змиев Б. Уголовное право. Часть Особенная. Вып. 2. Казань, 1925, с. 71
2. История государства и права России. Учебник / Под ред. Ю.П. Титова. М.: «Проспект», 1999, С. 198
3. Пионтковский А. Советское уголовное право. Т. 2: Особенная часть. М., 1966, С. 90
4. Змиев Б. Уголовное право. Часть Особенная. Вып. 2. Казань, 1925, С. 78
5. Пионтковский А. Советское уголовное право. Т. 2: Особенная часть. М., 1966, С. 94.

Historical Bases of an Intelligence and Counterintelligence of Rome

Кухалашвили Давид Константинович, доктор исторических наук
Академия Национальной и корпоративной безопасности (г. Тбилиси, Грузия)

Бердзенадзе Кристине Гочаевна, студент
Грузинский университет (г. Тбилиси)

David Kukhalashvili, Doctor of Historical Sciences
National and Corporate Security Academy Experts

Kristine Berdzenadze, student
Georgian University (Tbilisi)

Modern World represents the conglomerate of political, economical, military and scientific character's conflicts, where the main reason, in the worldwide for acquisition the dominant role represents strategic interests of their fighting states and their union. One of the main instrument to implement the interests is an intelligence activity, but the only way of eradication is a counterintelligence activity. Exactly the previous article allows us to conclude, that in the modern stage, similar to the period of BC, an intelligence and counterintelligence activity represents the main guarantee of the state security.

Historical analyses of an intelligence activity reveals, that world empires to their own interests helpful, are constantly working for expansion of territorial control, which is the base of the financial and military strength.

From the ancient period to the present day, the organization's activity of an intelligence and counterintelligence is granted with an important role; because of successful events in this direction are the main bases of territorial control or its enlargement insurance.

In this regard, before our BC period, one of the important and interesting subject represents the Roman Empire, where an intelligence and counterintelligence's ways of activity and method were featured and also their supporting legislation.

Before our BC period, social-political development pro-

cesses of Roman Empire were progressing in the background of constant political-economical tension and hostilities. Exactly the high level of intelligence and counterintelligence coordination was providing the high level of development. But the disruption of this coordination was the main cause of Empire's decomposition.

In old Rome during the activity of an intelligence and counterintelligence, there was functioning the strategic importance bridge's building service. Also collection the information of living rules of the people who were living in the territory which was controlled by the Empire.

In 391 [1] year before our era, during the hostilities with Galleys, it is significant such an intelligence and counterintelligence activities as they are:

Romanian error in the direction of counterintelligence; during the process of study of strategic territories and disinformation which was used by the adversary to siege the military force.

In the direction of intelligence, a successful recruitment in the implementing siege of military force, from which in the first stage of captured sub-unit informational insurance, and in the following stage it was possible to raise the siege.

For the purpose of removing informational vacuum, in 105 year before our era, as a result of diplomatic negotiations, the Roman Empire was able to collect such intelligence information, as they are: Spread of houses of Numidial soldiers (during hostilities, exactly these houses were the main target of damage), construction, quantity of armed soldiers and the type of equipment.

Before the planned war, in 55 year of BC, diplomatic mission had been sent in Britain for the intelligence purposes made it possible to mobilize public opinion about the obedience of Rome with Britain's own will.

In 100–14 [2–3] year before our era, it is signified active counterintelligence organization, when in the Roman Empire there was constant political tension, which was supporting the slave's constant rebellions and increased the dangers in Roman Empire.

In this period for the Imperial government most unacceptable political figure was the Senator Tisiteroni, [4–5] who simply could mobilize desired public's opinion.

For suppression of Tisiteroni's activity, Roman Empire has received proper law, according to this law, he did not have right to approach 500 miles from Rome, also granting Asylum from the population, even he did not have the right to use water and fire. In addition, one portion of the property of Tisiteroni was burnt and other was sold out.

Except the discussed intelligence and counterintelligence directions, information under the secret services of Roman Empire was subordinated to: Emphyrean residents and officials sentiments, dependence of political events and conquered nation's morals and manners.

Counterintelligence organization should be regarded as a result of private insurance of Emperor and high-ranking imperial officials, also functioning of Pretorianels guard, which had been fulfilling also the police functions. «Special privileges were used by Kohits, they were accepting high salaries and were serving longer, than common legionnaires, especially Kohits were providing police services». [6]

Intelligence and counterintelligence activity's one of the contributing factor in the Roman Empire against the Imperial door, was the classification of treason, according to which such treasons were: treachery, reveal of military secret, disobedience of order, help of enemy, spread of rumors and superstitious, destruction of buildings, bribery, falsification of document, break an oath, non-fulfillment the law, bad performance of soldier's duty. In this regard, an important role also was the legislative insurance. This period also covers the creation of laws, which were aimed for rising the weakened Roman morals and manners, also for improving demographic and moral condition and for prohibition of Emperors movement inside the Empire without special permission etc.

In an intelligence and counterintelligence organization punishment was also very important role. With above mentioned crimes most remarkable were: death penalty, exile, expropriation and other.

In that way, in the period before our era of Rome we have:

- Insurance of Intelligence and counterintelligence's activity in the structural unit of strategic facilities and its adjacent areas of Imperial.
- Maintenance of informational insurance and recruitment by the Imperial intelligence, in the siege conditions of their own military force.
- Insurance the study of rules and manners of the population by the organization of intelligence and counterintelligence.
- Before starting hostilities by the Empire, in the organized vacuum conditions by the enemy, with organization of diplomatic negotiations intelligence-informational insurance.
- The conquered object by the Empire, with the organization of diplomatic mission in the country to the conqueror, obedience with their own and mobilization of desirable public opinion in the population.
- Counterintelligence study to the attitude of political processes of Empire's officials and population.
- By the Emperor and Imperial officials private insurance guard service, about possible anti-state activities, gathering of intelligence data.
- For the intelligence penetration and counterintelligence activity's contributing factors, classification of crimes, legislative insurance and types of sentences against the Imperial door must be considered.

References:

1. «Galeb for war with Rome». www.topswiat.eu;
2. «Gaius Julius Caesar (100–44BC)». www.roman-empirie.net;
3. «Augustus. First Roman Emperor», 63 B.C. - 14 C.E. www.lucidcafe.com;
4. «Wer war eigentlich dieser Ciceron, nach dem sogar Zeitschriften benannt werden». www.Bernard-koch.de;
5. Машкин Н.А., «Принципат Августа», Академия наук СССР, Институт истории Издательство Академии Наук СССР Москва. 1949. СТР.22;
6. Aleksandre NoneShvili. «Roman-Georgian relations, New the second half of the first century of BC», p.3»; <http://romcaucasus.files.wordpress.com>.

3. КОНСТИТУЦИОННОЕ (ГОСУДАРСТВЕННОЕ) ПРАВО

Роль конституционных (уставных) судов в реализации принципа разделения властей в субъектах РФ

Каминский Роман Евгеньевич, студент
Высшая школа экономики (г. Санкт-Петербург)

Вопрос о роли суда в разделении властей имеет огромное значение на текущем этапе развития системы публичной власти в России. Исторически роль судебной власти недооценивалась на этапе построения системы сдержек и противовесов, а основное внимание уделялось взаимоотношениям исполнительной и законодательной властей. Судебная власть рассматривалась как заведомо более слабая, уступающая по количеству и объему полномочий. В СССР принцип разделения властей отрицался, поэтому российская правовая система находится на этапе становления и первичного развития реализации данного принципа. В РФ даже законодательная и исполнительная власти не приобрели еще окончательного и устойчивого равновесия, а из-за недостатков законодательства и правоприменительной практики случаются нарушения очень хрупкой и несовершенной системы сдержек и противовесов. В подобной ситуации судебная власть уязвима, а изучению института конституционного контроля должно быть уделено особое внимание. Между тем необходимо осознавать, что без сильного и авторитетного органа конституционного контроля, обладающего достаточными полномочиями, принцип разделения властей реализован быть не может.

При этом судебная власть на уровне субъекта РФ находится в еще более тяжелом положении. На федеральном уровне КС РФ уже приобрел определенное значение и имеет достаточные полномочия для того, чтобы играть активную и самостоятельную роль в реализации принципа разделения властей. Во многих субъектах РФ конституционные (уставные) суды не созданы, иногда их создание даже не предусмотрено конституцией (уставом). Однако ввиду федеративного устройства РФ реализация принципа разделения властей на уровне субъекта РФ не менее важна, чем на федеральном уровне.

В Конституции РФ непосредственно принципу разделения властей посвящена ст. 10. В ней закреплено лишь то, что в РФ государственная власть разделяется на три самостоятельные ветви власти. Но уже из анализа ст. 10 и 11 в совокупности следует вывод о том, что принцип разделения властей, во-первых, должен действовать как на федеральном уровне, так и в субъектах федерации. А во-вторых, разделение властей и в субъектах должно реали-

зовываться на основе разделения властей именно на три ветви, включая судебную власть. Но уже в ч. 1 ст. 77 среди органов государственной власти субъектов РФ не упоминаются судебные органы. Возникает противоречие, которое разрешается в Конституции РФ, но не напрямую, а косвенно. Ст. 118 содержит бланкетную норму, отсылающую к ФКЗ «О судебной системе РФ», в котором установлен полный список судов РФ. Следовательно, в Конституции приведен не исчерпывающий список судов. Более того, существование судебной системы субъекта РФ следует из логики ст. 71 и 128. По ст. 71–73 конституционное (уставное) право субъекта отнесено к исключительному ведению субъекта кроме вопросов соответствия конституции (устава) субъекта Конституции РФ. В статье 128 говорится именно о *федеральных* судах, до этого же речь в Конституции велась просто о судах, то есть подразумевается возможность существования других судов, не являющихся, конечно, чрезвычайными. [1, с. 107; 6, с. 144] Таким образом, уже в Конституции РФ обнаруживается правовая основа для существования конституционных (уставных) судов в субъектах именно для реализации принципа разделения властей на уровне субъектов РФ.

В федеральном законодательстве принципу разделения властей в субъектах федерации посвящено немного норм, что, в целом, соответствует положению пункта «н» ст. 72 Конституции, который закрепляет, что установление общих принципов организации системы органов государственной власти находится в совместном ведении РФ и субъектов. В целях законодательного установления вышеупомянутых принципов был принят ФЗ «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов РФ». К принципу разделения властей в данном акте законодатель обращается несколько раз. Сначала указываются цели, ради которых законодатель считает нужным использовать принцип разделения властей. Ст. 1: «Разделение государственной власти на законодательную, исполнительную и судебную в целях обеспечения сбалансированности полномочий и исключения сосредоточения всех полномочий или большей их части в ведении одного органа государственной власти либо должностного лица».

Затем, в ст. 23 говорится о том, что принцип разделения властей заключается отчасти в том, что ветви власти «осуществляют свои полномочия самостоятельно». Закон не рассматривает принцип разделения властей подробнее, что от него и не требуется, однако в нём имеется серьезное упущение. Несмотря на положения Конституции и самого закона, роль судебной власти в субъекте никак не регламентируется, за исключением нормы, касающейся назначения судей конституционных (уставных) судов законодательными органами.

Возможность существования конституционных (уставных) судов закрепляется другими законами, такими как ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации», где можно найти и круг полномочий, придаваемых данным органам. Тем не менее, необязательность учреждения конституционных (уставных) судов на уровне федерального законодательства значительно снижает роль судебной власти в реализации принципа разделения властей, и, по мнению некоторых исследователей, даже нарушает сам принцип. [3, с. 84]

Законодательство субъектов крайне разнообразно. В Уставе Санкт-Петербурга закреплён принцип разделения властей в том виде, в котором он был сформулирован федеральным законодателем — в ст. 15 Устава говорится о разделении государственной власти на три ветви и самостоятельности каждой из них в пределах своих полномочий. В отличие от федерального закона Устав в ст. 49–51 закрепляет основы судебной системы Санкт-Петербурга. В законах об органах государственной власти Санкт-Петербурга разъяснение принципа разделения властей полностью следует пониманию, заданному федеральным законодательством. В законе «Об Уставном суде Санкт-Петербурга» осуществление судебной власти Уставным судом характеризуется не только как самостоятельное, но и независимое. Таким образом, роль судебной власти с учетом порядка назначения судей Уставного суда, его полномочий и юридической силы решения достаточно велика для признания факта реализации принципа разделения властей в Санкт-Петербурге.

При этом в отношении большинства субъектов федерации невозможно сделать подобное признание. В некоторых конституциях (уставах) принцип разделения властей упоминается, но если законодательная и исполнительная власти в дальнейшем оформляются как нормативно, так и организационно, то роль судебной власти ограничивается одной констатацией её существования в тексте конституции (устава); примером может быть Конституция Республики Мордовия. Однако отдельные субъекты не стали использовать даже триаду ветвей власти, ограничившись разделением властей на две ветви, как это сделано в Уставе Псковской области.

Все вышесказанное позволяет подчеркнуть, что необязательность создания конституционных (уставных) судов и отсутствие специального закона, посвященного общим принципам организации судебных органов государственной власти субъектов РФ, однонаправлено влияют на

законодательство большинства субъектов. Из-за этого законодатель во многих субъектах пренебрегает ролью судебной власти в реализации принципа разделения властей и фактически заявляет о возможности реализации данного принципа вообще без участия судебной власти, что представляется нарушением положений Конституции РФ. Также это может поставить под угрозу осуществление ч. 2 ст. 19 Конституции РФ: «государство гарантирует равенство прав и свобод человека и гражданина независимо от... места жительства», так как функционирование органов судебной власти в субъектах оказывает зачастую глубокое влияние на весь правозащитный механизм. [5, с. 10]

Нормативность правовых позиций Конституционного Суда РФ далеко не бесспорна, однако немало исследователей относят их к источникам конституционного права. [1, с. 75] Конституционный суд неоднократно высказывался по поводу принципа разделения властей в субъектах федерации. В качестве примеров можно привести:

1) Постановление Конституционного Суда РФ от 18.01.1996 г. № 2-П.

Это постановление содержит ряд положений, на которые впоследствии будет ссылаться Конституционный Суд РФ в своих решениях.

«Разделение властей предполагает установление такой системы правовых гарантий, сдержек и противовесов, которая исключает возможность концентрации власти у одной из них, обеспечивает самостоятельное и независимое осуществление всех ветвей власти и одновременно — их взаимодействие».

«Разделение властей закрепляется в Конституции Российской Федерации в качестве одной из основ конституционного строя для Российской Федерации в целом, т.е. не только для федерального уровня, но и для организации государственной власти в ее субъектах».

«Органы законодательной и исполнительной власти в пределах своей компетенции действуют независимо друг от друга, каждая власть формируется как самостоятельная, а полномочия одной власти по прекращению деятельности другой допустимы только при условии сбалансированности таких полномочий, обеспечиваемой на основе законодательных решений».

«Конституционный принцип единства государственной власти требует, чтобы субъекты Российской Федерации в основном исходили из федеральной схемы взаимоотношений исполнительной и законодательной власти».

2) Постановление Конституционного Суда РФ от 01.02.1996 г. № 3-П.

Конституционный Суд РФ постановил, что право законодателя влиять на исполнительную власть как один из элементов системы сдержек и противовесов не противоречит основам конституционного строя Российской Федерации. Однако недопустимо лишение органа вследствие этого факта возможности действовать в качестве самостоятельного исполнительного органа государственной власти в условиях разделения властей.

3) Постановление Конституционного Суда РФ от 30.04.1996 г. N 11-П.

В данном постановлении Конституционный Суд РФ проводит аналогию между порядком реализации принципа разделения властей на федеральном уровне и на уровне субъекта федерации, что дает основания для проведения подобных аналогий в целом, хотя, безусловно, при их проведении необходимо соблюдать разумность и учитывать принцип федерализма.

4) Постановление Конституционного Суда РФ от 10.12.1997 г. N 19-П.

Конституционный Суд РФ решил, что участие законодательного органа в формировании органа исполнительной власти укладывается в систему сдержек и противовесов, присущую принципу разделения властей в Российской Федерации: оно не прерывает осуществления исполнительной власти Администрацией области, не нарушает ее самостоятельности и в то же время позволяет осуществлять согласованное функционирование и взаимодействие органов государственной власти области.

«Недопустимо неограниченное расширение полномочий областной Думы, в том числе в определении форм контроля, поскольку оно приводило бы к утрате самостоятельности исполнительного органа власти, что несовместимо с принципом разделения властей».

«...элементы подконтрольности и подотчетности исполнительной власти представительной не должны противоречить принципу разделения властей и служить основанием для умаления в целом статуса исполнительной власти как самостоятельной».

5) Постановление Конституционного Суда от 11.12.1998 г. N 28-П.

«Правовая логика Конституции заключается в том, чтобы в условиях разделения властей не допускать их противоборства, которое не согласуется с тем, что единственным источником, из которого они проистекают, и носителем воплощаемого ими суверенитета является многонациональный народ Российской Федерации».

6) Постановление Конституционного Суда РФ от 07.06.2000 г. № 10-П.

Конституционный Суд РФ ссылается на свои предыдущие постановления и подчеркивает, что разделение властей возможно только при системе сдержек и противовесов, при этом должен обеспечиваться баланс законодательной и исполнительной власти субъекта.

7) Определение Конституционного Суда РФ от 14.01.2003 г. N 1-О.

В этом определении Конституционный Суд РФ конкретизировал принцип разделения властей в следующем ракурсе: сбалансированность полномочий и стабильность двух властей достигаются только в том случае, если полномочия одного органа уравниваются адекватными полномочиями другого.

8) Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 6.03.2003 г. N 103-О.

Это определение является существенным для принципа разделения властей в области полномочий конституционных (уставных) судов, их правового инструментария. В определении Конституционный Суд РФ указывает, что «содержащийся в части 1 статьи 27 Федерального конституционного закона «О судебной системе Российской Федерации» перечень вопросов, для рассмотрения которых субъекты Российской Федерации могут создавать конституционные (уставные) суды, нельзя считать исчерпывающим». Более того, предоставление конституционным (уставным) судам дополнительных полномочий не противоречит Конституции РФ, «если эти полномочия соответствуют юридической природе и предназначению данных судов в качестве судебных органов конституционного (уставного) контроля и касаются вопросов, относящихся к ведению субъектов Российской Федерации в силу статьи 73 Конституции Российской Федерации». Это разъяснение относительно смысла закона усиливает роль судебных органов конституционного контроля, а значит всей судебной власти в реализации принципа разделения властей.

Обобщая все перечисленные акты можно сформулировать доктрину принципа разделения властей с точки зрения Конституционного Суда.

1. Отдельные полномочия по оказанию влияния на органы и деятельность органов одной ветви власти органами другой ветви власти или их частичная подотчетность, подконтрольность еще не нарушают принципа разделения властей сами по себе. Их конституционность должна оцениваться в совокупности со всеми полномочиями, которые ветви власти имеют в отношении друг друга.

2. Образцом для разделения властей до определенной степени и с известными оговорками может служить разделение властей на федеральном уровне.

3. В основе принципа лежат самостоятельность и независимость властей, обеспеченные системой сдержек и противовесов, сбалансированными полномочиями разных ветвей власти, которые исключают концентрацию власти у одной из ветвей власти, но в то же время не допускают противоборства властей, а гарантируют их взаимодействие. [4, с. 10]

Как уже было указано, создание органов конституционного контроля является правом, но не обязанностью субъекта РФ. Однако нужно заметить, что реализация принципа разделения властей, где бы она ни имела место, нуждается в базовом условии наличия всех трех ветвей власти. Об этом говорят и исследователи, и, как было доказано выше, сама Конституция РФ. [2, с. 43] В субъектах РФ, где отсутствуют органы конституционного контроля, их функции не могут исполнять суды общей юрисдикции, арбитражных суды или Конституционный Суд РФ, так как осуществление этих функций не специализированными органами конституционного контроля, а федеральными судебными органами является не соответствующим ст. 76 Конституции РФ, что Конституционный Суд РФ отметил в своем Постановлении от 16.06.1998 г. № 19-П.

Следовательно, нужно проанализировать функции уже созданных конституционных (уставных) судов и решить, являются ли эти функции существенными для реализации принципа разделения властей. Конституционные (уставные) суды на уровне субъектов выполняют функции в целом аналогичные функциям Конституционного Суда. Реализация принципа разделения властей на федеральном уровне была бы невозможна без Конституционного Суда.

В компетенцию конституционных (уставных) судов входят полномочия по рассмотрению дел о соответствии законов и иных нормативных правовых актов органов государственной власти субъектов федерации, органов местного самоуправления конституциям (уставам) субъектов, разрешение споров о компетенции между органами государственной власти субъектов, между органами государственной власти субъектов и органами местного самоуправления, толкование конституций. Все эти функции могут и должны быть использованы для реализации рассматриваемого принципа — для предупреждения конфликтов и разрешения споров между субъектами конституционно-правовых отношений, представляющих разные ветви власти, для придания стабильности и упорядочен-

ности самим конституционно-правовым отношениям между властями. [2, с. 35] Без исполнения специализированным органом данных функций реализация принципа разделения властей не представляется возможной.

Конституционные (уставные) суды призваны реализовывать принцип разделения властей в качестве гаранта, защитника конституции (устава) субъекта в тех случаях, когда речь идет о разделении законодательной и исполнительной властей. [7, с. 45] Конституционные (уставные) суды в данном качестве способствуют предотвращению конфликтов разных ветвей власти, разрешению споров о компетенции между ними, поддержанию баланса в системе сдержек и противовесов, удержанию в равновесии властных полномочий разных ветвей власти. [1, с. 107]

Итак, реализация принципа разделения властей в субъектах РФ при отсутствии конституционных (уставных) судов невозможна из-за того, что их функции существенны для самого принципа, а никакие другие органы их осуществлять не могут. Поэтому вполне убедительной является точка зрения о том, что в субъектах РФ, где не созданы конституционные (уставные) суды, нарушается конституционный принцип разделения властей. [3, с. 84]

Литература:

1. Бабай А.Н., Соловьев Ю.Н. Реализация конституционного принципа разделения властей в субъектах Российской Федерации (на примере Дальневосточного федерального округа) — Хабаровск.: Дальневосточный юридический институт МВД, 2005 — 140 с.
2. Брежнев О.В. Проблемы организации и осуществления судебного конституционного контроля в субъектах Российской Федерации — Курск.: Издательство КИГМС, 2005 — 108 с.
3. Ишеков К.А. Реализация конституционного права разделения властей в субъектах Российской Федерации — Саратов.: ГОУ ВПО «Российская правовая академия Министерства юстиции Российской Федерации», 2010 — 244 с.
4. Козырев А.А. Принцип разделения и взаимодействия властей в субъектах Российской Федерации — М.: РАСН, 2001 — 46 с.
5. Комкова, Г.Н. Конституционный принцип равенства прав и свобод человека и гражданина в России: Понятие, содержание, механизм защиты — Саратов, 2003 — 35 с.
6. Косов Р.В. Пределы власти — Тамбов.: Издательство ТГТУ, 2005 — 176 с.
7. Лазарев В.В. О взаимоотношениях Конституционного Суда России с органом законодательной власти // Конституционный суд как гарант разделения властей. Сборник докладов 6-го Международного форума по конституционному правосудию — М.: Институт права и публичной политики, 2004 — 287 с.

К вопросу об организационных гарантиях обеспечения достоверности волеизъявления народа при бумажной системе организации голосования

Кравченко Олег Александрович, кандидат юридических наук, адвокат
Ставропольский филиал Международной коллегии адвокатов «Санкт-Петербург»

Организационные гарантии служат обеспечению свободы волеизъявления избирателей различными средствами, которые в основном закрепляются нормами права, но в силу их специфического характера позволяют рассматривать их как особую группу гарантий. Они нацелены

на активное участие самих избирателей в организации выборов, создают условия для личного и тайного голосования избирателей, публичного опечатывания и вскрытия избирательных ящиков, гласного подсчета голосов избирателей [4, с. 8–9]. Организационные гарантии опреде-

ляют процедурные и технологические условия реализации активного и пассивного избирательного права [1, с. 21]. Организационные гарантии представляют собой условия, правила, процедуры, обеспечивающие реализацию избирательных прав граждан через механизмы назначения выборов, формирования избирательных комиссий, регистрации (учета) избирателей, составления списков избирателей, образования избирательных округов и избирательных участков, обеспечения участия в голосовании избирателей, создание надлежащих условий для деятельности избирательных комиссий [1, с. 64].

Выборы понимаются в Конституции Российской Федерации как высшая форма выражения воли народа, в ней же закреплено право граждан избирать, в связи с чем, обязанностью государства является организация выборов и обеспечение избирательных прав.

В нашей стране реализацией и обеспечением права избирать занимаются избирательные комиссии. К вопросу о принципах формирования избирательных комиссий в странах с устоявшимися демократическими традициями, реальным разделением властей и развитым гражданским обществом обеспечение права избирать возлагается на одну из ветвей власти. Там же где отсутствует многолетняя традиция независимости административных властей от органов политической власти, Венецианская комиссия рекомендует создавать независимые, беспристрастные избирательные комиссии [8, с. 630]. Отвечают ли названным критериям российские избирательные комиссии?

Существует мнение, которое ничем не подтверждено о том, что в настоящий момент исполнительная власть представляет своих кандидатов в комиссии всех уровней, получая реальный механизм лоббирования собственных интересов уже на первых этапах формирования представительных органов власти [5, с. 15].

Авторы Д.О. Парамонов, В.В. Кириченко, отмечают, что после того, как день разрешенной агитации прошел, полными хозяевами выборов становятся избиркомы [6, с. 27]. Исследователи отмечают, что часто достаточного, чтобы фальсификациями занимались один-два члена комиссии и лучше всего на эту роль подходят председатель и секретарь избирательной комиссии и они могут быть фальсификаторами поневоле, вынужденными выполнять указания начальства, от которого зависят [3, с. 41–43].

Каким образом избежать искажения волеизъявления народа (избирателей)? Какие организационные гарантии обеспечат достоверность волеизъявления народа?

В юридической литературе предлагаются различные механизмы. Так, по мнению В.В. Виноградова необходима избирательная система, основанная на добровольной регистрации избирателей [5, с. 19]. Чрезвычайно важной организационной гарантией использования гражданами своих избирательных прав, такой автор как А.В. Иванченко, называет включение их в списки избирателей, которые являются документированным подтверждением активного избирательного права [2, с. 202]. Такой автор как

А.В. Иванченко указывает, что возможен переход на заявительный порядок включения граждан в список избирателей непосредственно в день голосования по предъявлении документа удостоверяющего личность избирателя, но такой подход значительно снижает гарантии участия граждан в выборах и референдумах [2, с. 202].

Однако, указанные авторы, предлагая одномоментные меры, слишком просто подходят к проблеме выявления организационных гарантий обеспечения достоверности волеизъявления народа.

Представляется, что организационные гарантии обеспечения достоверности волеизъявления народа должны представлять собой стройную систему основные элементы которой различаются в зависимости от системы голосования (голосование на бумажных носителях и электронное голосование) и заключаются в следующем.

Предлагается следующая бумажная система организации голосования, которая основана на следующих положениях:

1) помещение для голосования должно быть организовано по типу конвейера. Конвейер состоит из одного входа в помещение для голосования, одного магнитного турникета на входе, одного места для идентификации избирателя на входе, одного электронного счетчика с циферблатом на входе, одного места для выдачи бюллетеня, одной или несколько прозрачных кабинок для голосования, одной или несколько прозрачных урн для голосования, одного магнитного турникета на выходе, одного электронного счетчика с циферблатом на выходе и выхода из помещения для голосования. Данный конвейер должен быть прямым. Очередь допускается только перед входом в помещение для голосования. Конвейер может состоять от одной до четырех избирательных дорожек, под которой понимается пространство от места выдачи бюллетеня до магнитного турникета на выходе. На избирательной дорожке может находиться только один избиратель. Помещение для голосования оборудовано несколькими видеокамерами (на входе, выходе и над урной для голосования) с записью на жесткий диск. За полную или частичную потерю данных для членов избирательной комиссии устанавливается административная ответственность в виде штрафа в размере не менее 300000 рублей;

2) за час до начала голосования каждый наблюдатель вправе проверить помещение для голосования и провести самостоятельный подсчет бюллетеней. После чего составляется протокол об общем количестве бюллетеней. В случае несоответствия количества бюллетеней, отраженных в протоколе об общем количестве бюллетеней и протоколе об итогах голосования, последний признается недействительным. Если имеются основания полагать, что член избирательной комиссии, наблюдатель, работник правоохранительных органов или любое другое лицо имеют при себе неучтенные бюллетени наблюдатель, член избирательной комиссии, работник правоохранительных органов вправе провести досмотр такого лица. В случае выявления неучтенных бюллетеней наблюдатель

поощряется в размере 10000 рублей за один бюллетень, а виновное лицо подлежит административной ответственности в виде штрафа в размере 10000 рублей;

3) член избирательной комиссии не имеет права покидать помещение для голосования во время проведения голосования и подведения его итогов. В случае неисполнения данной обязанности член избирательной комиссии подлежит административной ответственности в размере 50000 рублей;

4) после прохождения магнитного турникета в месте для идентификации избирателя устанавливается его личность по паспорту и право голосования на данном избирательном участке. Если избиратель еще не голосовал и имеет право голосования на данном участке, то в паспорте членом избирательной комиссии проставляется печать с отметкой о голосовании на соответствующих выборах. Наблюдатель вправе проверить самостоятельно паспортные данные и наличие отметки о голосовании каждого избирателя;

5) при прохождении электронного счетчика избирателем циферблат увеличивается на единицу, что позволяет показывать количество избирателей, принявших участие в голосовании в режиме on-line. Незаконный проход электронного счетчика избирателем, наблюдателем, членом избирательной комиссии влечет административную ответственность в виде штрафа не менее 10000 рублей. После завершения голосования на основе данных двух счетчиков составляется протокол о количестве избирателей, принявших участие в голосовании. В случае превышения данных на основе бюллетеней по отношению к данным на основе счетчиков о количестве избирателей, принявших участие в голосовании, голосование на данном участке признается недействительным;

6) после прохождения счетчика в месте для выдачи бюллетеня избирателю выдается один бюллетень. Член избирательной комиссии не вправе выдавать более одного бюллетеня одному избирателю. В случае неисполнения данной обязанности член избирательной комиссии, который выдает бюллетени, несет административную ответственность в виде штрафа в размере 10000 рублей;

7) обязательная уникальная нумерация бюллетеня, которая состоит из двух частей. Ведущие цифры позволяют идентифицировать конкретный избирательный участок, остальные — служат для индивидуализации и дальнейшей проверки достоверности волеизъявления избирателя и народа;

8) бумажный бюллетень должен состоять из частей, разделенных перфорацией. Каждая часть бюллетеня представляет определенный политический выбор. Для голосования избиратель в кабинке для голосования отрывает нужную часть бюллетеня и опускает в прозрачную урну. Каждая из частей содержит уникальный номер бюллетеня. В том случае, если избиратель опускает в урну более одной части, то его голос не учитывается;

9) уникальный номер бюллетеня должен находиться под защитной, непрозрачной клейкой лентой. В кабине для

голосования избиратель имеет право снять все или часть защитной клейкой ленты на частях бюллетеня для того, чтобы убедиться, что его волеизъявление будет учтено верно. После чего он делает свой политический выбор. В случае несоответствия номеров избиратель вправе поменять имеющийся у него бюллетень на другой. При этом составляется протокол о погашении бюллетеня;

10) каждая часть бюллетеня должна содержать место для указания фамилии, даты и подписи, которые избиратель может заполнить. Данное место должно скрываться (например, путем сгиба фрагмента части бюллетеня, по краям которого нанесена клейкая лента);

11) перед опусканием в урну части бюллетеня, он предварительно ламинируется;

12) на каждой части бюллетеня нанесен магнитный слой, содержащий уникальный цифровой код, совпадающий с уникальным номером бюллетеня. При входе избирателя в помещение для голосования, он должен пройти через магнитный турникет, который не подает сигнал и открывает дверь на входе в помещения для голосования только в том случае, если избиратель входит без частей бюллетеня. В том случае, если у него обнаруживаются части бюллетеня, то устанавливается, проходил ли он процедуру голосования, если да, то его не пропускают вовнутрь, если нет, то составляется протокол об административном правонарушении. При выходе избирателя из помещения для голосования, он должен пройти через магнитный турникет, который не подает сигнал и открывает дверь на выходе из помещения для голосования только в том случае, если избиратель выходит со всеми частями одного бюллетеня минус один. Во всех остальных случаях турникет подает сигнал. Это служит основанием для досмотра любым наблюдателем того избирателя, на которого сработал турникет. В том случае, когда у избирателя выявлены все части бюллетеней ему предлагается либо повторить процедуру голосования, либо по его желанию бюллетень признается недействительным, о чем составляется протокол. В том случае, если у избирателя отсутствует бюллетень (все части бюллетеня), то ему предлагается либо предъявить бюллетень, либо составляется протокол об административном правонарушении с суммой штрафа не менее 10000 (десять тысяч) рублей. В том случае, если у избирателя, имеется количество частей бюллетеня меньше необходимого (все части бюллетеня минус один), то ему предлагается предъявить недостающие части бюллетеня, либо по его желанию бюллетень признается недействительным, о чем составляется протокол. Кроме того составляется протокол об административном правонарушении с суммой штрафа не менее 10000 (десять тысяч) рублей;

13) должна быть создана единая электронная таблица на официальном сайте Центральной избирательной комиссии в которой должны быть отражены данные из всех протоколов об итогах голосования, а избиратель может проверить по уникальному номеру своего бюллетеня правильность учета его волеизъявления. Кроме того, данные

протокола об итогах голосования должны размещаться на официальном сайте избирательной комиссии и публиковаться во всех официальных местных газетах в течение недели после дня голосования;

14) общее время для голосования не должно превышать шесть часов;

15) списки избирателей не ведутся;

16) в протоколе об итогах голосования должны быть указаны идентификационные номера бюллетеней с указанием соответствующих им волеизъявлений избирателей;

17) протокол об итогах голосования должен быть подписан всеми членами избирательной комиссии и всеми наблюдателями, после чего все оригиналы ламинируются. Количество оригиналов протоколов составляется по количеству наблюдателей плюс количество партий плюс один оригинал для избирательной комиссии. Обязанность в выдаче необходимого количества оригиналов протоколов об итогах голосования лежит на членах избирательной комиссии. Неисполнение этой обязанности влечет административную ответственность в виде штрафа не менее 300 000 рублей. Отсутствие подписи кого-либо из членов избирательной комиссии или наблюдателя, влечет недействительность протокола об итогах голосования. Член избирательной комиссии или наблюдатель не вправе отказаться от подписания протокола об итогах голосования, за исключением того случая, когда протокол об итогах голосования не соответствует волеизъявлению избирателей. В противном случае член избирательной комиссии или наблюдатель несет административную ответственность в виде штрафа не менее 300 000 рублей. Бремя доказывания факта соответствия волеизъявления избирателей протоколу об итогах голосования, лежит на избирательной комиссии. В том случае, если наблюдатель представляет еще и политическую партию, то он получает два протокола об итогах голосования. Протокол об итогах голосования сразу же после его подписания сканируется и выкладывается на официальном сайте избирательной комиссии в сети Интернет. После чего, в государственную автоматизированную систему «Выборы» вводятся данные протокола об итогах голосования;

18) недопустимость проведения голосования на том избирательном участке, на котором отсутствуют наблюдатели от всех политических партий. Если же голосование произошло, то протокол об итогах голосования на данном участке является недействительным. При этом для членов избирательной комиссии устанавливается коллективная административная ответственность как за проведение голосования, так и составления протокола об итогах голосования при отсутствии наблюдателей в виде штрафа не менее 300 000 рублей;

19) обязательность направления наблюдателей на все избирательные участки от каждой политической партии. При этом один наблюдатель может представлять несколько (все) политические партии. Неисполнение данной обязанности влечет ликвидацию политической партии;

20) допускается непроведение голосования на избирательных участках, на которых не заявлены наблюдатели. При этом количество таких участков не должно превышать 10 % от общего количества участков на избирательном округе;

21) наблюдатели не могут быть удалены из помещения для голосования, они должны обладать избирательным иммунитетом в день голосования, любое применение к наблюдателям физической силы, лишение или ограничение его свободы, должно влечь уголовную ответственность;

22) недопустимо дистанционное голосование, то есть голосование вне помещения для голосования, в том числе и с использованием переносных ящиков для голосования;

23) досрочное голосование недопустимо;

24) недопустимо голосование по открепительным удостоверениям;

25) голосование избирателей за пределами Российской Федерации не допустимо;

26) голосование в Калининградской области проходит в то же время, что и в городе Москве;

27) члены участковой избирательной комиссии до дня голосования подписывают «Обязательство о полной политической ответственности за обеспечение достоверности волеизъявления народа», который содержит перечень прав, обязанностей и ответственность как за прямое, так и не прямое искажение волеизъявления народа;

28) искажение одного голоса влечет коллективную административную ответственность для членов избирательной комиссии в виде штрафа не менее 10000 рублей. При этом избиратель или наблюдатель, которые в установленном законом порядке выявили искажение волеизъявления избирателей подлежат поощрению в размере 10000 рублей за искажение одного голоса;

29) неисполнение законных требований наблюдателя влечет административную ответственность в виде штрафа не менее 10000 рублей;

30) наблюдатель или избиратель имеют право самостоятельно возбуждать административное или уголовное дело за любые правонарушения при голосовании, подведении его итогов и опубликовании результатов путем составления протокола об административном или уголовном правонарушении по факту и передачи соответствующего дела в суд;

31) Центральная избирательная комиссия должна состоять по два представителя от каждой политической партии, по одному представителю от общественной, религиозной, правозащитной организации, существующей не менее 20 лет, по одному академику от каждого отделения Российской академии наук;

32) в качестве заказчика избирательной документации и необходимых технических средств выступает только Центральная избирательная комиссия, при этом каждый член должен иметь право доступа к любой информации, касающейся закупки соответствующих товаров для обеспечения голосования.

Литература:

1. Веденеев Ю.А., Мостовщиков В.Д. Введение в избирательное право. Учебное пособие. М.: РЦОИТ, 2003.
2. Иванченко А.В. Избирательные комиссии в Российской Федерации: история, теория, практика. (Монографическое исследование). М.: Издательство «Весь Мир», 1996.
3. Любарев А.Е., Бузин А.Ю., Кынев А.В. Мертвые души. Методы фальсификации итогов голосования и борьба с ними. М.: 2007.
4. Нифанов А.Н. Институты народовластия в системе муниципального управления. Ростов-на-Дону: Северо-Кавказская академия государственной службы.
5. Новации законодательного обеспечения избирательных прав граждан и избирательного процесса в субъектах РФ. Материалы обсуждения проблемы за круглым столом в Астрахани 23 октября 2003 года. Астрахань, Астраханское региональное некоммерческое партнерство общественных организаций в защиту прав избирателей «ГОЛОС», 2003.
6. Парамонов Д.О., В.В. Кириченко. Методы фальсификации выборов. М.: Южно-российский институт информационных технологий, 2003.
7. Российские выборы в контексте международных избирательных стандартов: Материалы международной конференции. Под ред. А.В. Иванченко и А.Е. Любарева. М.: Аспект Пресс, 2006.
8. Свод рекомендуемых норм при проведении выборов. Руководящие принципы и пояснительный доклад. Документы Европейской комиссии «За демократию через право» (Венецианской комиссии) // Международные избирательные стандарты. Сборник документов. М.: 2004.

К вопросу об основаниях конституционно-правовой ответственности

Кучура Петр Игоревич, старший преподаватель
Международный университет «МИТСО» (г. Минск)

Центральным вопросом теории ответственности является вопрос о ее основаниях. Именно основание наступления ответственности является одним из признаков, отличающих один вид юридической ответственности от другого, а также важнейшим элементом того или иного вида ответственности. Основанием юридической, в том числе и конституционно-правовой, ответственности является совокупность следующих составляющих:

- 1) фактическое основание — совокупность юридических фактов;
- 2) нормативное основание — закрепление состава правонарушения в нормативно-правовом акте.

Основанием наступления любого вида юридической ответственности всегда является нарушение выраженного в норме права обязательного правила поведения, т.е. правонарушение, которое может выражаться в совершении конкретных противоправных деяний (действия или бездействия). Специфической чертой конституционной ответственности является то, что она наступает как за правонарушения, так и при их отсутствии [2, с. 38]. Шон Д.Т. обосновывает данное утверждение тем, что конституционная ответственность — это ответственность за ненадлежащее осуществление публичной власти и требование обязательного наличия вины в совершении конкретного правонарушения сузило бы диапазон ее применения и исказило бы социальное назначение данного вида ответственности. Субъекты конституционной ответ-

ственности — это органы и лица, полномочные принимать важные решения, которые затрагивают интересы всего государства или отдельного региона. Задержка, несвоевременное принятие решений или принятие не противоречащего закону, но неэффективного решения способны причинить огромный ущерб государству и его населению. Такой ущерб может иметь место и в случае неспособности должностных лиц или всего персонального состава органа справиться с возложенными на них сложными обязанностями, выбрать курс политики, соответствующий интересам общества и обеспечивающий его прогресс [2, с. 38].

Однако с подобным утверждением трудно согласиться. Основным постулатом теории юридической ответственности является то, что она наступает только за совершенное правонарушение. В данном случае происходит смешение конституционно-правовой ответственности с политической. Действительно, конституционно-правовая ответственность имеет порой ярко выраженный политический характер и тесно соприкасается с политической ответственностью по субъектам, основаниям ее наступления, неблагоприятным последствиям. Однако политическая ответственность не обладает признаками юридической ответственности. Когда идет речь о последней, то имеется в виду прежде всего мера принуждения, реализация санкции правовой нормы. Признание конституционно-правовой ответственности самостоятельным видом юридической ответственности предполагает обяза-

тельное наличие в деяниях субъекта конституционно-правовой ответственности нарушения норм права как основания применения к такому лицу мер государственного принуждения, как обязанности виновного лица претерпевать определенные лишения. Нарушение каких-либо моральных, нравственных, политических норм не может рассматриваться как основание конституционно-правовой ответственности, если эти нормы не нашли соответствующего закрепления в нормах права.

Содержание понятия конституционного правонарушения, предлагаемого различными авторами, зависит от того, какое понятие конституционно-правовой ответственности отстаивается ими. Например, В.О. Лучин определяет конституционное правонарушение как «деяние (действие или бездействие) субъекта конституционно-правовых отношений, не отвечающее должному поведению и влекущее за собой применение мер конституционной ответственности» [1, с. 12]. Представляется, что такое определение применимо при любом понимании конституционно-правовой ответственности. Можно лишь несколько расширить данное определение: конституционным правонарушением является противоправное, виновное (умышленное и неосторожное) деяние (действие или бездействие) органа публичной власти или его должностного лица, которое причинило или могло причинить существенный ущерб общественным отношениям в сфере осуществления публичной власти и за которое законодательством предусмотрена конституционно-правовая ответственность.

Предлагается определить основные из признаков конституционного правонарушения.

1. Конституционное правонарушение должно быть совершено в форме деяния — действия или бездействия. Юридическая ответственность не наступает за мысли и намерения, не выразившиеся в деянии или подготовке к осуществлению деяния. Не является исключением и конституционно-правовая ответственность. Однако в отличие от иных видов юридической ответственности конституционно-правовая может применяться и тогда, когда совершенные деяния не привели к результатам, сформулированным в конституционном законодательстве в силу объективных причин. При этом понятие ущерба, который нанесен (либо существовала опасность его нанесения) общественным отношениям в результате действия или бездействия субъекта конституционно-правовой ответственности, имеет различные аспекты: экономический урон, ущерб, нанесенный обороноспособности страны, ее достоинству и авторитету, доверию народа к органам государственной власти.

2. Данное деяние должно противоречить предписаниям правовых норм. Это может быть неисполнение или ненадлежащее исполнение обязанности, злоупотребление правом, превышение власти и полномочий конкретным органом или должностным лицом и т.д. При этом основанием наступления конституционно-правовой ответственности будет нарушение любых норм права, которые ре-

гламентируют порядок осуществления публичной власти, содержат обязанности для субъектов конституционно-правовых отношений, т.е. все конституционное законодательство, основное место в котором занимает Конституция Республики Беларусь и к которому относятся все нормативные акты, примыкающие к ней. Юридическая техника Основного Закона весьма своеобразна, существует вероятность не встретить прямого указания на обязанность, поэтому ее приходится выводить логическим путем. Статья 10 Конституции Республики Беларусь гарантирует гражданину Республики Беларусь защиту и покровительство государства как на территории Беларуси, так и за ее пределами, в чем проявляется обязанность определенных государственных органов, определяется их деятельность в данном направлении. Обязанностью законодателя является принятие таких законов, которые соответствуют Конституции Республики Беларусь, не умаляют права и свободы человека и гражданина. В подобных действиях проявляется ответственность, которую должностные лица добровольно возложили на себя, взявшись управлять государством, охранять права и свободы человека и гражданина.

3. Ответственность за такое деяние должна быть предусмотрена конституционным законодательством Республики Беларусь. Эффективность конституционно-правовой ответственности обусловлена применением мер принуждения и конкретных санкций к виновному субъекту исключительно за такое нарушение норм права, за которое законодательством установлена ответственность. Редко встречаются такие нормы, как часть 2 статьи 88 Конституции Республики Беларусь: «Президент может быть смещен с должности в связи с совершением государственной измены или иного тяжкого преступления». И в связи с этим в научной литературе высказано мнение, что «дать точный и исчерпывающий перечень обстоятельств, которые могут служить основанием конституционной ответственности, просто невозможно» [2, с. 39]. Данное утверждение обосновывается сложностью деятельности высших органов и должностных лиц при осуществлении ими государственной власти. В данном случае санкции конституционно-правовой ответственности применяются в зависимости от многих обстоятельств, в том числе от политической обстановки в стране. Данная позиция — отсутствие четких оснований и порядка привлечения к конституционно-правовой ответственности — предполагает во многих случаях решение вопроса об ответственности виновного лица оставлять на усмотрение субъекта, принимающего меры ответственности, приводит к злоупотреблениям, тем самым создается впечатление о ненаказуемости виновных, нарушается важнейший принцип неотвратимости наступления ответственности.

Потенциально субъектом конституционно-правовой ответственности может быть любой из участников конституционно-правовых отношений. Но предусматривать ее следует для тех случаев, когда неисполнение или ненадлежащее исполнение обязанностей причиняет суще-

ственный вред государству, обществу, правам, свободам и законным интересам граждан.

Одним из наиболее важных элементов субъективной стороны конституционного правонарушения как психического отношения субъекта к деянию признается вина в форме умысла или неосторожности. В настоящее время в научной литературе идет дискуссия о том, является ли наличие вины обязательным условием наступления конституционно-правовой ответственности. Поскольку конституционно-правовая ответственность является самостоятельным видом юридической ответственности, именно наличие в противоправных действиях вины совершившего их лица и является одним из оснований разграничения конституционно-правовой и политической ответственности. Таким образом, нарушение правовых норм может быть как умышленным, так и неосторожным. Общими критериями справедливости назначения мер ответственности за совершаемые правонарушения всех видов юридической ответственности, а значит, и конституционно-правовой, являются: степень общественной опасности, вредоносности правонарушения, степень вины нарушителя, личность виновного, смягчающие и отягчающие обстоятельства. В конечном же счете все эти критерии могут быть сведены к одному — к степени общественной опасности правонарушения, так как само деяние и его вредные последствия характеризуют внешнюю сторону правонарушения, а личность правонарушителя и степень его вины — сторону внутреннюю.

Таким образом, объектом конституционной ответственности являются такие общественные отношения, которые регламентируются нормами данной отрасли права, сущность которых состоит в том, что это фундаментальные отношения, в основе которых лежит порядок, при котором соблюдаются права и свободы человека и гражданина, а само государство действует в рамках демократической конституции. Объектом правонарушения могут быть, например, властные отношения в сфере реализации прав и свобод граждан, принятия актов государственных органов, избирательные права граждан и так далее. С объектом непосредственно связан другой элемент состава конституционного правонарушения (объективная сторона) — противоправное деяние, выраженное вовне в форме фактических противоправных действий либо в противоправном несовершении предписанного законом поведения. Мысли, убеждения, намерения, внешне не проявившиеся, не признаются действующим законодательством объектом преследования. К элементам объективной стороны правонарушения относятся причинная связь между деянием и наступившими последствиями и причиненный вред (негативные последствия). В юридической теории и практике под причинной связью понимают такую объективную связь между вредным деянием и наступившими последствиями, при которой противоправное деяние предшествует во времени последствию и является главной и непосредственной причиной, неизбежно вызы-

вающей данное последствие. Вред выражается в совокупности отрицательных последствий правонарушения, представляющих собой нарушение установленного Конституцией Республики Беларусь и законами правопорядка, стеснение свободы поведения других лиц (организаций), ущемление их субъективных прав, уничтожение какого-либо блага, ценности или ограничение пользования ими. Характер деяния и причиняемый при этом вред являются объективными основаниями для определения степени общественной опасности, разграничения конституционных правонарушений и иных отклонений от правопорядка. Объективной стороной нарушения по конституционному праву является противоправное поведение субъекта, которое не отвечает требованиям конституционного права Республики Беларусь. Особенностью этого элемента состава правонарушения является то, что законодатель лишь в наиболее общем виде, указывая только на родовые признаки, определяет объективные основания ответственности. Другой особенностью объективной стороны данного вида правонарушения является то, что, поскольку в конституционном праве отсутствует четко выраженный формализованный критерий состава правонарушения (как, например, в уголовном праве), его объективная сторона закрепляется чаще всего в конкретной регулятивной норме, которая определяет правовое положение виновного субъекта.

Безусловно, практика привлечения к конституционно-правовой ответственности требует совершенствования как правовой теории, касающейся этой сферы отношений, так и законодательства, устанавливающего механизмы ответственности в системе публичной власти. К сожалению, норм законодательства, устанавливающих данный вид ответственности для государственных органов и их должностных лиц, не так уж много. Предписания, содержащиеся в Конституции Республики Беларусь и других актах, принятых на ее основе, часто не содержат четких юридических оснований в каждом конкретном случае для привлечения того или иного субъекта, нет и указания на меры конституционной ответственности в зависимости от совершенного правонарушения. Во многих случаях ответственность за неисполнение обязанностей, возлагаемых на должностное лицо того или иного уровня, только провозглашается и становится призывом к определенному поведению. Действительность настоятельно требует усиления и расширения сферы применения мер ответственности, конкретизации составов правонарушений, обязательного решения вопроса об органах и структурах, правомочных рассматривать вопросы привлечения конкретных субъектов к конституционной ответственности, закрепления порядка привлечения к конституционной ответственности и процедуры рассмотрения обвинения в совершении конституционного правонарушения (так как развитие и совершенствование норм материального права потребуют кодификации процессуальных норм в сфере конституционного права) и многого другого. Следует выработать и законодательно закрепить единые принципы

применения конституционной ответственности к высшим государственным органам и выборным лицам публичной власти, определяющие допустимость тех или иных оснований и процедур прекращения их полномочий, а также учитывающие практическую эффективность указанных мер. При этом должна обеспечиваться как стабильность

власти, так и ответственность ее представителей за неисполнение возложенных на них обязанностей. Проблема конституционно-правовой ответственности является наиболее важной для теории и практики конституционного права. Однако она недостаточно исследована и требует дальнейших разработок.

Литература:

1. Лучин В.О. Конституционные деликты // Государство и право. — 2000. — N 1. — С. 12–17.
2. Шон Д.Т. Конституционная ответственность // Государство и право. — 1995. — N 7. — С. 35–43.

Исполнение решений Европейского суда по правам человека Россией и Францией: сравнительно-правовое исследование

Рыкунов Александр Анатольевич, студент

Саратовский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского

Всякая крайность есть родная сестра ограниченности
В.Г. Белинский

Многие государства на уровне «Суверенной нормы» закрепляют и гарантируют каждому право на судебную защиту, являющееся важнейшим принципом правового государства. Конституции многих зарубежных государств: Итальянской Республики (статья 24) [1], Швейцарской Конфедерации (статья 30) [2], Королевства Дания (статья 71) [3], Великого Герцогства Люксембург (статья 13) [4] и другие гарантируют каждому право на справедливый и беспристрастный суд. Статья 46 Конституции России гарантирует каждому право на судебную защиту, в том числе международную. Данное положение прямо вытекает из положений ч. 4 ст. 15 Конституции России.

Исполнение решений Европейского Суда по правам человека (далее — ЕСПЧ) является системной проблемой и неразрывно связана с вопросами соотношения национального и наднационального (международного) права, проблемой пересмотра решений Конституционного Суда России в связи с решением ЕСПЧ в случае их противоречия. На этот счет совершенно однозначное мнение высказал Председатель Конституционного Суда России, смысл и содержание которого сводится к нарушению суверенитета российского государства в случае изменения первичного решения суда конституционного контроля России в соответствии с решением Страсбургского суда.

Такая реакция была вызвана резонансным решением ЕСПЧ по делу «Константин Маркин против России» (7 октября 2010 года) [5]. Как реакция на противоречивость решений Конституционного Суда России и ЕСПЧ стала статья В.Д. Зорькина «Предел уступчивости», в которой Председатель высшего органа конституционного контроля России утверждает, что «Европейский суд впервые «в

жесткой правовой форме» подверг сомнению решение Конституционного Суда Российской Федерации» [6].

Многие специалисты отмечают проблему неисполнения либо частичного исполнения решений ЕСПЧ. Глава правозащитной ассоциации АГОРА, Павел Чиков, уточнил, что невыполнение решений в основном касается «так называемых «требований общего характера», которые призывают Россию системно изменить ситуацию с нарушениями прав человека. Например, по исполнению судебных решений или судебной волоките. Подавляющее количество жалоб россиян в ЕСПЧ касаются именно этих моментов. Хотя, на этот счет еще в 2010 г. был принят соответствующий федеральный закон [7]. Или конкретный пример, дело судьи Мосгорсуда, Ольги Кудешкиной. Россия выполнила лишь часть решения ЕСПЧ, выплатив ей компенсацию 10 тысяч евро, но в восстановлении на работе ей было отказано» [8].

На наш взгляд, одной из причин неисполнения или частичного исполнения решений ЕСПЧ является заблуждение в том, что общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры России в силу ч. 4 ст. 15 Конституции имеют приоритет применения в случае противоречия только по отношению к законам. Именно такое заявление сделал Председатель Конституционного Суда России в упомянутой выше статье. Однако конституция любого государства также является законом, особой его разновидностью, отличает которую учредительный характер ее норм. Между тем, статья 27 Венской конвенции «О праве международных договоров» от 23.05.1969 г. гласит: «Участник не может ссылаться на положения своего внутреннего права в качестве оправдания для невыполнения им договора...». Кроме того, статья 46 данного документа устанавливает, что «Государство не

вправе ссылаться на то обстоятельство, что его согласие на обязательность для него договора было выражено в нарушении того или иного положения его внутреннего права, касающегося компетенции заключать договоры, как на основании недействительности его согласия, если только данное нарушение не было явным и не касалось нормы его внутреннего права особо важного значения» [9].

На внутригосударственном уровне также существует норма, регулирующая статус международного договора. Так, Федеральный закон от 15.07.1995 N 101-ФЗ (ред. от 25.12.2012) «О международных договорах Российской Федерации» [10] устанавливает, что Конституционный Суд России разрешает дела о соответствии Конституции России только тех международных договоров либо отдельных положений, которые еще не вступили в законную силу. И только не вступившие в силу международные договоры, признанные не соответствующими Конституции, не подлежат введению в действие и применению (ст. 34).

Отметим, что Россия присоединилась к Конвенции о защите прав человека и основных свобод только тогда, когда ее собственное конституционное регулирование по объему и набору гарантий прав и свобод личности позволило выполнять условия этой Конвенции. В результате мы явочным порядком без специального соглашения и каких-либо ограничений признали юрисдикцию ЕСПЧ и обязательность его решений по вопросам толкования и применения Конвенции и Протоколов к ней [11, с. 26]. Нельзя не согласиться с мнением Г.М. Резника, что решение ЕСПЧ по делу «Константин Маркин против России» не нарушает Конституцию РФ, поскольку в соответствии с ч. 1 ст. 17 Конституции РФ в Российской Федерации признаются и гарантируются права и свободы человека и гражданина согласно общепризнанным принципам и нормам международного права [12].

По нашему мнению, ЕСПЧ не нарушает суверенитет России и ее публичные интересы. **Во-первых**, ЕСПЧ учрежден в целях обеспечения соблюдения обязательств, принятых на себя Высокими Договаривающимися Сторонами по Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколам к ней (ст. 19 Конвенции), и в соответствии со ст. 46 Конвенции Стороны *обязуются* исполнять окончательные постановления Суда по любому делу, в котором они выступают сторонами. Собственно, вопрос о юридической силе решений ЕСПЧ должен быть исчерпан.

Во-вторых, ЕСПЧ в своих решениях указывает на конкретную проблему — нарушение Конвенции, выбор же средств для ее устранения целиком и полностью зависит от государства-ответчика. Кроме того, ЕСПЧ не наделен правом пересмотра или отмены решения национального судебного органа, поэтому никакого нарушения суверенитета нет и быть не может.

В-третьих, ведь если иметь нормальную правовую логику и знать законы иерархии нормативных правовых актов, то все очень просто: ч. 3 ст. 19 Конституции гласит: «Мужчина и женщина имеют равные права и свободы и равные возможности для их реализации» [13, с. 27], ч. 2 ст. 7 уста-

навливает: «...обеспечивается государственная поддержка семьи, материнства, отцовства и детства...», ч. 1, 2 ст. 38: «Материнство и детство, семья находится под защитой государства; Забота о детях, их воспитание — равное право и обязанность родителей». Основной закон также закрепляет, что «Положения настоящей главы [главы 2] составляют основы правового статуса личности в Российской Федерации и не могут быть изменены иначе как в порядке, установленном настоящей Конституцией» (ст. 64) и «В Российской Федерации не должны издаваться законы, отменяющие или умаляющие права и свободы человека и гражданина» (ч. 2 ст. 55). Здесь никакие дополнительные комментарии не нужны, а ссылки на какие-либо законы не являются в этом случае аргументом. Проблема, собственно, не в ЕСПЧ и его решениях против России, а в самой России, которая сама выступает против своей собственной Конституции, только платить за это приходится налогоплательщикам, отправляющим жалобы в ЕСПЧ, чтобы силами международного принуждения заставить наших чиновников исполнять законы страны [13, с. 28].

Обратимся к зарубежному опыту исполнения решений ЕСПЧ. Французская республика — государство, называющее себя «родиной прав человека» и утверждающее, что права человека наилучшим образом обеспечиваются именно французской правовой системой. Однако, например, на 1 сентября 2007 г. на рассмотрении Суда находилось 4150 жалоб, поданных против Франции (шестое место среди всех государств-участников Конвенции и первое среди «старых» демократий).

Франция неоднократно была осуждена ЕСПЧ за чрезмерную длительность как гражданских, так и уголовных судебных процессов, а также за неразумно длительное содержание под стражей. Подход Франции к исполнению решения по делу «Рамирес Санчес против Франции» [14] представляется весьма интересным. Заявитель, осужденный за терроризм, на протяжении многих лет содержался в одиночной камере. ЕСПЧ нашел в этом нарушение статьи 13 Конвенции, поскольку заявитель не мог оспорить перед судом решения о продлении одиночного заключения. Премьер-министр подписал декрет о поправках к внутреннему распорядку пенитенциарных учреждений, которым реформировалась процедура помещения заключенных в одиночные камеры, однако этот декрет был аннулирован решением Государственного совета, в котором сообщается, что Премьер-министр не мог реформировать данную процедуру, так как законодателем не были приняты нормы, позволяющие заключенным оспаривать их помещение в одиночные камеры и продление одиночного заключения.

До последнего времени во французском уголовном процессе адвокату осужденного было запрещено подавать кассационную жалобу на приговор, если осужденный скрывался от правосудия. Такое положение считалось нарушающим статью 6 Конвенции в решении ЕСПЧ от 23.11.1993 года по делу «Пуатримоль против Франции» [15]. Изменение Уголовно-процессуального кодекса произошло лишь спустя 7 лет после вынесенного решения ЕСПЧ.

Французский подход к европейской Конвенции о защите прав человека и основных свобод и решениям Европейского Суда имеет двойственный характер. С одной стороны, при каждом удобном случае на риторическом уровне заявляется, что Франция привержена правам человека, является родиной прав человека, а французы — авторы Конвенции (последнее отчасти верно). С другой стороны, Франция была последним западноевропейским государством, ратифицировавшим Конвенцию, а ее судебные органы долгое время отказывались ее применять, несмотря на конституционные положения, уполномочивающие их на это [16].

Таким образом, единственным решением проблемы исполнения постановлений ЕСПЧ является совершенствование национальной системы законодательства и правосудия. В России действуют немало нормативных правовых

актов, посвященных исполнению решений судебных органов, в том числе международных. Так, в мае 2011 г. на первом Петербургском международном юридическом форуме Президент России, Д.А. Медведев, сообщил, что им подписан Указ о мониторинге правоприменения в части выполнения решений Конституционного Суда России и постановлений ЕСПЧ [17]. В соответствии с ним предусматривается сбор, обобщение, анализ и оценка информации для обеспечения принятия (издания), изменения или признания утратившими силу (отмены) законодательных и иных актов в целях выполнения решений Конституционного Суда России и постановлений Европейского Суда по правам человека. Правительство России ежегодно представляет отчет о мониторинге правоприменения в целях выработки единого правового пространства и обеспечения Конституции России.

Литература:

1. <http://worldconstitutions.ru/archives/148> (Дата обращения: 28.01.2013)
2. <http://worldconstitutions.ru/archives/135> (Дата обращения: 28.01.2013)
3. <http://worldconstitutions.ru/archives/152> (Дата обращения: 28.01.2013)
4. <http://worldconstitutions.ru/archives/146> (Дата обращения: 28.01.2013)
5. Бюллетень Европейского Суда по правам человека. 2010. № 12.
6. Российская газета от 29 октября 2010 г. № 5325.
7. О компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок: Федеральный закон от 30.04.2010 N 68-ФЗ // СЗ РФ. 2010, N 18, Ст. 2144.
8. Настроения внутри Конституционного Суда названы угрозой престижу России // URL <http://www.gzt.ru/topnews/politics/-nastroeniya-vnutri-konstitutsionnogo-suda-nazvany/332034.html>
9. http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/law_treaties.shtml (Дата обращения: 10.02.2013)
10. СЗ РФ. 1995, N 29, ст. 2757; 2012, N 53 (ч. 1). Ст. 7579.
11. Лукьянова Е.А. ЕСПЧ и Конституционный Суд РФ: конфликт толкований // Закон. 2012. № 5. С. 26.
12. Резник Г.М. ЕСПЧ и Конституционный Суд РФ: конфликт толкований // Закон. 2012. № 5. С. 29
13. Лукьянова Е.А. ЕСПЧ и Конституционный Суд РФ: конфликт толкований // Закон. 2012. № 5. С. 26—28.
14. <http://docs.pravo.ru/document/view/19382270/> (Дата обращения: 24.02.2013)
15. Poitrimol v. France, Application no. 14032/88, Judgment of 23 November 1993, Series A no. 277-A.
16. Коротеев К.Н. Исполнение решений Европейского Суда по правам человека во Франции // Сравнительное Конституционное Обозрение. 2009. № 1 (68). С. 93.
17. О мониторинге правоприменения в Российской Федерации: Указ Президента Российской Федерации от 20 мая 2011 г. № 657 // СЗ РФ. 2011. № 21. Ст. 2930.

Влияние решений Европейского суда по правам человека на конституционное право Российской Федерации

Чекрыжев Сергей Александрович, студент
Московский городской педагогический университет

В отечественной правовой системе, как о том говорится в ч.4 ст.15 Конституции РФ, действуют также общепризнанные стандарты, принятые в международном сообществе. В частности, со вступлением Российской Федерации в 1996 г. в Совет Европы для России стали обязательными такие международно-правовые документы, как Кон-

венция о защите прав человека и основных свобод от 04 ноября 1950 (далее — Конвенция) и последующие протоколы к ней [11].

Европейский Суд по правам человека был образован, в целях обеспечения соблюдения обязательств, принятых на себя государствами-участниками, в Страсбурге. Суд

рассматривает индивидуальные жалобы и межгосударственные дела. По просьбе Комитета министров Совета Европы Суд может также давать консультативные заключения относительно толкования положений Европейской конвенции или Протоколов к ней. Толкование и смысл положений этого основополагающего международного документа в области прав человека также выявляется Европейским судом при разрешении конкретных жалоб граждан, формируя целую систему конвенционных прецедентов, развивающих и дополняющих Европейскую Конвенцию.

Европейский Суд по правам человека вправе принимать заявления от физических и юридических лиц, чьи конвенционные права нарушены государством, под юрисдикцией которого он находится. Европейские государства добровольно подчинили себя юрисдикции независимого наднационального судебного органа, имеющего право принимать юридически обязательные для них решения. Данное обстоятельство отражено в Федеральном законе от 30 марта 1998 года «О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и протоколов к ней», в котором содержится заявление о признании обязательными для Российской Федерации как юрисдикции Европейского суда по правам человека, так и его решений [12]. В соответствии со статьей 2 данного закона Российская Федерация признает *ipso facto* и без специального соглашения юрисдикцию Европейского суда по правам человека обязательной по вопросам толкования и применения Конвенции и Протоколов к ней. Конвенция вступила в силу для России 5 мая 1998 г., и с этого момента ее правила в обязательном порядке должны учитываться российскими судами [5, с. 156].

Конституционный Суд РФ впервые сослался на постановления Европейского Суда по правам человека в своем постановлении от 23 ноября 1999 № 16-П по делу о проверке конституционности абзацев третьего и четвертого пункта 3 статьи 27 Федерального закона «О свободе совести и религиозных объединениях» в связи с жалобами Религиозного общества Свидетелей Иеговы в городе Ярославле и религиозного объединения «Христианская Церковь прославления».

Европейским Судом признаны уже четыре жалобы, поданные о нарушении статей 9 (свобода мысли совести и религии), 11 (свобода собраний и объединений) Европейской конвенции Российской Федерацией. Это Решение о приемлемости жалобы № 18147/02 Саентологическая церковь г. Москвы и других против России от 28 октября 2004 года, решение Европейского суда по правам человека от 09.06.2005 о приемлемости жалоб № № 76836/01 и 32782/03 Евгения Кимли, Айдара Султанова и Саентологической церкви г. Нижнекамска против России.), указав, что постановления Европейского суда по правам человека от 25 мая 1993 года (Series A no.260-A) и от 26 сентября 1996 года (Reports of Judgments and Decisions, 1996-IV), разъясняют характер и масштаб обязательств государства, вытекающих из статьи 9 названной Конвенции. [13]

В данном Постановлении Конституционный суд РФ только ссылается на постановления Европейского Суда по правам человека, не раскрывая, на какую часть Постановления, он сослался, и какая правовая позиция ЕСПЧ была использована Конституционным Судом РФ для обоснования своих выводов. [14] Конституционный Суд РФ, как правило, ссылается на те или иные правовые позиции Европейского Суда по правам человека, указывая тот или иной параграф Постановления, либо воспроизводя сам текст правовой позиции Европейского Суда по правам человека.

Оценивая влияние решений Европейского Суда по правам человека на практику Конституционного Суда РФ в зависимости от формы осуществляемого Конституционным Судом РФ нормоконтроля — абстрактного или конкретного — следует заметить, что из 168 решений Конституционного Суда РФ, в которых по состоянию на 1 мая 2010 г. непосредственно использованы правовые позиции Европейского Суда по правам человека либо упоминаются принятые им решения.

Во-первых, предназначением Европейского Суда является именно защита предусмотренных Конвенцией прав и свобод от нарушений и потому именно в данной области Европейский Суд правомочен устанавливать правовые стандарты, обязывающие Договаривающиеся Стороны. Во-вторых, Европейский Суд является субсидиарным по отношению к национальному, включающему в себя, в том числе и конституционно-судебный, механизм защиты прав человека. И, наконец, в-третьих, определяющим фактором движения дела в рамках конкретного конституционного нормоконтроля являются конституционные права и свободы человека и гражданина, с предполагаемым нарушением которых связано инициирование конституционного судопроизводства и его развитие.

Исходя из статьи 125 Конституции РФ и конкретизирующих ее положений ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации» [20], Конституционный Суд проверяет оспариваемые законы и иные нормативные правовые акты на соответствие именно Конституции РФ, а не на соответствие общепризнанным принципам и нормам международного права и международным договорам Российской Федерации, которые, являясь, как уже было сказано, составной частью российской правовой системы, зачастую лишь опосредованно влияют на формирование правовой позиции Конституционного Суда РФ по делу.

В ряде решений Конституционного Суда РФ конвенционные нормы в их интерпретации Европейским Судом по правам человека использованы не только для обоснования правовой позиции Конституционного Суда РФ по делу, но и вынесены в резолютивную часть решения. Так, в Постановлении от 25 января 2001 года № 1-П по делу о проверке конституционности положения пункта 2 статьи 1070 ГК РФ (п.1 резолютивной части) [15] Конституционный Суд РФ признал не противоречащим Конституции РФ положение, содержащееся в п.2 ст.1070 ГК РФ, согласно которому вред, причиненный при осуществлении

правосудия, возмещается в случае, если вина судьи установлена приговором суда, вступившим в законную силу, поскольку на основании этого положения подлежит возмещению государством вред, причиненный при осуществлении правосудия посредством гражданского судопроизводства в результате принятия незаконных судебных актов, разрешающих спор по существу. При этом Суд указал, что данное положение в его конституционно — правовом смысле, выявленном в данном Постановлении, и во взаимосвязи со ст.ст.6 и 41 Конвенции по защите прав человека и основных свобод, не может служить основанием для отказа в возмещении государством вреда, причиненного при осуществлении гражданского судопроизводства в иных случаях (а именно когда спор не разрешается по существу) в результате незаконных действий (или бездействия) суда (судьи), в том числе при нарушении разумных сроков судебного разбирательства, — если вина судьи установлена не приговором суда, а иным соответствующим судебным решением.

В соответствии с данным Постановлением Конституционным Судом РФ вынесены решения об отказе в принятии к рассмотрению ряда жалоб граждан, оспаривавших указанные положения Гражданского кодекса, поскольку соответствующий вопрос разрешен в конституционном производстве. Резолютивная часть соответствующих определений также включила в себя нормы Европейской Конвенции (Определения от 8 февраля 2001 года № 42-О, [16] от 8 февраля 2001 года № 43-О [17]).

Все чаще Конституционный Суд РФ обращается к практике Европейского Суда по правам человека в рамках конституционного истолкования норм текущего законодательства в целях подкрепления своей позиции в процессе уяснения, в частности: нормативного содержания того или иного правового института, его ключевых (универсальных) параметров [18]; юридической природы отдельных конституционных прав; пределов допустимого ограничения конституционных прав и т.д.

Часто решения Европейского Суда по правам человека интегрируются Конституционным Судом РФ в осуществляемое им конституционное истолкование оспариваемых законоположений.

Так, в Определении от 12 апреля 2005 г. № 113-О по жалобе гражданина Маслова Александра Ивановича на нарушение его конституционных прав частями 1, 2 и 3 статьи 30.11 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях на основе, в частности, постановления Европейского Суда по правам человека от 15 ноября 2001 г. по делу «Вернер против Польши» по вопросу процессуального равноправия, и постановления Европейского Суда по правам человека от 24 июля 2003 г. по делу «Рябых против Российской Федерации» по вопросу принципа правовой определенности в приложении к процессуальным отношениям, Конституционный Суд РФ дал конституционное истолкование оспариваемым положениям КоАП Российской Федерации, согласно которым данные положения предполагают обязанность суда

надзорной инстанции известить лицо, в отношении которого ведется производство по делу об административном правонарушении, о факте принесения протеста прокурора, предоставить возможность ознакомления с протестом и представить свои возражения на него. [19]

Председатель Конституционного Суда РФ В.Д. Зорькин в своем выступлении на VIII Международном форуме по конституционному правосудию «Имплементация решений Европейского суда по правам человека в практике конституционных судов стран Европы» отметил, что «... права и свободы, закрепленные ЕКПЧ, поскольку она является международным договором, и решения Европейского суда по правам человека (ЕСПЧ), в той степени, в какой они выражают общепризнанные принципы и нормы международного права, являются составной частью российской правовой системы».

Постановления ЕСПЧ обязательны для российских судов поскольку являются толкованиями международного договора — Конвенции, которая в силу ч.1 ст.17 Конституции РФ является составной частью правовой системы России и более того в силу п.4 ст.15 Конституции РФ обладает приоритетом над законами России. И неприятие их во внимание при применении норм Конвенции может породить нарушение международных обязательств России и обернуться установлением факта нарушения в постановлении ЕСПЧ.

М.Ш. Пацация так же, называя прецеденты ЕСПЧ прецедентами толкования Конвенции пришел к выводу, что акты ЕСПЧ должны рассматриваться в отечественной судебной системе, как акты, в плане юридической силы подобные актам Конституционного Суда РФ, в которых содержится оценка конституционности норм российских законов (несмотря и на очевидные различия, так как Европейский суд в отличие от Конституционного Суда РФ не наделен полномочием «дисквалификации» правовых норм), и что любое применение (как и неприменение) или толкование конвенционных норм российскими судами, расходящееся с их применением и толкованием Европейским судом, в его окончательных постановлениях неправомерно и соответствующие судебные акты подлежат пересмотру по инициативе заинтересованных лиц в порядке, определенном российским процессуальным законодательством. [8]

Для правильного формирования судебной практики в этой области немаловажное значение имеет ознакомление наших судей с подходами, сформированными в Европейском Суде при рассмотрении конкретных дел по жалобам о нарушении прав человека».

В результате присоединения к юрисдикции Европейского Суда российские механизмы судебного контроля за соблюдением прав человека и основных свобод получили поддержку в виде международного судебного контроля. Следовательно, компетенция российских судов по рассмотрению соответствующих обращений и компетенция Европейского Суда по рассмотрению жалоб на нарушение основных прав и свобод человека взаимосвязаны.

Это связь основана на необходимости решения единой задачи международного и внутригосударственного судопроизводства — защите прав и свобод человека принадлежащей охране общественного порядка. Таким образом, в вопросах, касающихся правового статуса личности в Российской Федерации, решения Европейского Суда фактически становятся прецедентными.

Как пишут по этому поводу В.И. Анишина и Г.А. Гаджиев, «федеральный закон о ратификации Конвенции решил, таким образом, старый теоретический спор, о том, являются ли вообще судебные акты источником права. Безусловно, решения Европейского суда по правам человека следует признавать источником права, входящим в качестве составной части вместе с нормами Конвенции и Протоколов к ней в правовую систему РФ (ч.4 ст.15 Конституции РФ)» [6, с. 148–149].

Но если в Европейском Суде создаются прецедентные международно-правовые нормы, а в силу положений ч.4 ст.15 Конституции РФ общепризнанные принципы и нормы международного права являются составной частью правовой системы России, то логично задаться вопросом о месте и роли практики Европейского Суда в этой системе. Как указано в деле «Ирландия против Великобритании», «решение Суда служат не только для разрешения дела, находящегося на его рассмотрении, но и в широком смысле для прояснения, сохранения и развития норм Европейской Конвенции и для того, чтобы таким образом содействовать соблюдению государствами своих обязательств, которые они несут в качестве участников Конвенции».

Для примера влияния решений Европейского Суда по правам человека рассмотрим решение по делу «Бурдов против России». Жалоба заявителя касалась нарушения в отношении него со стороны Российской Федерации части 1 статьи 6 Европейской Конвенции и статьи 1 Протокола 1 к Конвенции в связи с длительным неисполнением решений национального суда о взыскании в его пользу компенсации за его участие в ликвидации последствий аварии на Чернобыльской атомной электростанции.

Европейский суд по правам человека установил нарушение в отношении заявителя части 1 статьи 6 Европейской Конвенции, указав, что «не принимая на протяжении нескольких лет необходимые меры по исполнению вступивших в законную силу судебных решений по данному делу, власти Российской Федерации лишили положения части 1 статьи 6 Конвенции какого-либо полезного смысла». Также Европейский суд по правам человека установил в отношении заявителя нарушение права собственности, обеспеченного статьи 1 Протокола 1 к Конвенции, поскольку «...невозможно для заявителя добиться исполнения указанных судебных решений..., является нарушением его права на уважение своей собственности, как оно изложено в первом предложении первой абзаца статьи 1 Протокол 1 к Конвенции. Не исполнив решения Шахтинского городского суда, власти государства-ответчика лишили заявителя возможности взыскать денежные

средства, которые он разумно рассчитывал получить. Власти государства-ответчика не выдвинули никаких оснований для такого вмешательства в реализацию права заявителя; при этом Суд полагает, что нехватка средств не может служить тому оправданием...».

Действие ЕСПЧ в отношении РФ и сущность его решений определены нормами Конвенции, Конституции РФ и федеральным законодательством. Подписав и ратифицировав Конвенцию, Россия приняла вытекающие из нее обязательства, в т.ч. и по выполнению решений ЕСПЧ. Согласно ст.1 ФЗ № 54 от 30.03.1998 г. «О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней» для РФ обязательными (по тексту: *ipso facto*) являются решения ЕСПЧ, принятые при рассмотрении дел в связи с предполагаемыми нарушениями РФ своих обязательств по Конвенции. Согласно п.11 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 10.10.2003 г. № 5-П, «постановления в отношении Российской Федерации, принятые окончательно, являются обязательными для всех органов государственной власти РФ, в том числе и для судов». Судьба остальных решений ЕСПЧ (без участия РФ) не решена в Конвенции и ФЗ № 54, а также в доктрине РФ. Зарубежная доктрина в основном признает тенденцию «формального следования непричастных государств принятым ЕСПЧ решениям» [1, с. 34].

Таким образом, решения Европейского Суда по правам человека, имея прецедентный характер, являясь в силу обязательств России частью российской правовой системы и выступая основанием для вынесения решений различными органами государственной власти, в том числе Конституционным Судом РФ, выступают источником российского конституционного права, причем в силу положений пункта 4 статьи 15 Конституции РФ прецедентные решения Европейского Суда имеют преимущественную силу в случае несоответствия им норм национального права и решений судебных органов России.

Для государства-участника Конвенции существуют общие обязательства по соблюдению Конвенции о защите прав человека и основных свобод и обязательства, возникающие из признания государством юрисдикции Суда, и, как следствие, обязательства из признания государства виновным в нарушении норм Конвенции в результате рассмотрения конкретного дела. Постановления Европейского Суда по правам человека имеют **сложную** юридическую природу. Необходимо различать юридические последствия постановлений Европейского Суда по правам человека как актов применения права и юридические последствия постановлений Европейского Суда по правам человека как актов толкования Конвенции о защите прав человека, содержащих нормативный элемент. Рассматривая постановления Европейского Суда по правам человека как акт применения права, *то* есть, юридический *факт*, порождающий последствия для сторон спора, то правовые последствия постановления связаны, прежде всего, с обязательством по статье 46 Конвенции испол-

нять постановления Европейского Суда по правам человека, в котором оно является стороной. В соответствии с установленной практикой толкования статьи 46 Конвенции Судом и Комитетом Министров Совета Европы, на сегодняшний день является общепризнанным, что констатация Европейским Судом по правам человека одного или нескольких нарушений Конвенции налагает на государства обязательство положить конец нарушению и устранить его последствия с целью восстановления, насколько это возможно, ситуации, существовавшей до нарушения. Исходя из этого, на практике сложилась система мер, включающих индивидуальные меры, то есть, направленные на восстановление прав заявителя (справедливая компенсация, пересмотр дела в рамках национальной процедуры, отмена ранее примененных государством ограничений, нарушающих Конвенцию), и меры общего характера, призванные устранить возможность таких нарушений в государстве в будущем (законодательные изменения, практические меры по изменению системы управления, судебной, исполнительной ветвей власти, изменение национальной правоприменительной практики). Последствия связаны с влиянием практики Европейского Суда по правам человека на национальное законодательство и национальную правоприменительную практику государств-участников Конвенции и их добросовестным выполнением обязательств по статье 1 Конвенции обеспечивать права и свободы в объеме и толковании, предусмотренном в правовых позициях Европейского Суда по правам человека. В данной части моего исследования говорится о юридических последствиях постановлений Суда в более широком смысле, чем меры исполнения — о влиянии всей практики Европейского Суда по правам человека на национальное законодательство и национальную правоприменительную практику государств-участников Конвенции. Этот вид последствий, связанный с необходимостью применения национальными органами государства Конвенции и правовых позиций Суда по делам в отношении других государств, не связан с участием государства в деле, но является необходимым условием выполнения обязательств по статье 1 Конвенции и направлен на предотвращение возможных нарушений, которые могут стать предметом внимания Европейского Суда по правам человека [7, с. 234].

Также здесь возникает следующая проблема. В соответствии с Федеральным конституционным законом «О Конституционном Суде Российской Федерации» (ст.79) решения последнего окончательны и обжалованию не подлежат. Конституционный Суд РФ при принятии решения, безусловно, учитывает и ссылается на решения Европейского Суда по правам человека. Однако Европейская Конвенция о защите прав человека и основных свобод не содержит ограничений по поводу невозможности изменения решений национальных органов конституционного правосудия. К тому же теоретически нельзя исключать и вероятности того, что принятое Конституционным Судом РФ решение впоследствии будет косвенно

(по другому делу) опровергнуто Европейским Судом. Если так, то такие решения нужно будет выполнять. Однако никаких механизмов отмены или изменения решений Конституционного Суда РФ в такой ситуации законодательство России не предусматривает [2, с. 146].

Иногда в литературе отмечается некоторая надуманность этой проблемы, частности, на том основании, что Европейский Суд по правам человека не является частью российской судебной системы, и не имеет формальных полномочий по отмене решений российских судов [3, с. 37]. Однако показательно, что такой случай уже произошел во Франции и Испании, что повлекло аналогичные проблемы, поэтому данный вопрос продолжает оставаться остро актуальным [9].

В определенной степени подтверждается это мнение и В.В. Лапаевой применительно к критериям проверки ограничения прав человека в практике Европейского Суда по правам человека и Конституционного Суда РФ [4]. Она убедительно доказывает, что позиции Конституционного Суда РФ не всегда идентичны позициям Европейского Суда по правам человека на примере их решений по политическим партиям [10].

Национальная конституционная юрисдикция в сочетании с конвенционной юрисдикцией Европейского Суда по правам человека представляют собой важный фактор утверждения и развития общеевропейских конституционных ценностей. Это, однако, не исключает возможности возникновения конфликтных ситуаций между ними и, соответственно, необходимости повышенного внимания к проблемным вопросам, определенным коллизиям и противоречиям между общеевропейскими и национальными институтами гарантирования прав и свобод человека и гражданина, между конвенционной юрисдикцией Европейского Суда и компетенцией национальных органов конституционного контроля.

В связи с вышеизложенным следует более четко определить в отечественном законодательстве место решений Европейского Суда по правам человека в правовой системе, а также порядок разрешения частных вопросов, касающихся возможных предметов проверки, порядка опубликования решений, сферы их действия, механизмов исполнения подобных решений и возможного влияния решений на право, их исполнения и учета в правоприменительной практике.

Также, для точного определения места решений Европейского Суда в системе источников российского права, для исключения возможной коллизии между решением Европейского Суда и высших судебных органов Российской Федерации, необходимо принятие федерального закона, содержащего нормы о месте решений Европейского Суда по правам человека в системе источников права и действии их в Российской Федерации.

На наш взгляд, пора вернуться к вопросу принятия федерального закона «О порядке опубликования в Российской Федерации решений Европейского Суда по правам человека».

Литература:

1. Барнашов А.М. О применении Конституционным Судом Российской Федерации общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации // Российский ежегодник международного права. 2006 г. С. 34.).
2. Белявский Д.С. Проблемы реализации права на свободу совести в субъектах Российской Федерации, находящихся в пределах Южного федерального округа / Д.С. Белявский. Дисс... канд. юрид. наук: 12.00.02. — Ставрополь, 2004. с. 146.
3. Лазарев Л.В. Правовые позиции Конституционного Суда России / Л.В. Лазарев — ОАО «Издательский дом «Городец»; «Формула права», 2003. — с. 37.
4. Лапаева В.В. Критерии ограничения прав человека с позиции либертарной концепции правопонимания / В.В. Лапаева // Журнал российского права. — 2006. — № 4.
5. Право Европейского Союза. Учебное пособие. / Отв. ред. С.Ю. Кашкин. М.: Проспект. — 2012. — С. 156.
6. Самостоятельность и независимость судебной власти Российской Федерации. /Под ред. В.В. Ершова. — М.: Юрист. — 2006. — С. 148—149.
7. Юридические последствия и механизмы исполнения постановлений Европейского суда по правам человека в Российской Федерации //Сборник по материалам X Международной научно-практической конференции / Отв. ред. Э.Р. Гатиатулина. — М. МФЮА, 2012. с. 234.
8. Выступление д.ю.н. В.Ф. Яковлева на Международной научно-практической конференции «Обеспечение прав и свобод человека и гражданина», г. Тюмень, ноябрь 2005 г.
9. Научно-практическая конференция. Интернет-конференция Совета Европы и Европейского Суда по правам человека «Европейские стандарты защиты прав человека. Обеспечение доступа в Российской Федерации». [Электронный ресурс] // <http://www.garweb.ru/conf/mintrud/20020212/index.htm>.
10. Постановление Европейского Суда по правам человека по делу Объединенной коммунистической партии Турции и других против Турции от 30 января 1998 г. и Постановление Конституционного Суда РФ от 01 февраля 2005 г. № 1-П по делу «О проверке конституционности абзацев второго и третьего пункта 2 статьи 3 и пункта 6 статьи 47 Федерального закона «О политических партиях» в связи с жалобой общественно-политической организации «Балтийская республиканская партия» //Российская газета. — 2005. — 8 февраля.
11. Конвенция о защите прав человека и основных свобод STE/ETS № 5, заключена в г. Риме, 4 ноября 1950 г.: в редакции Протокола № 11 1998 года. // СЗ РФ.2001. № 2.Ст.163.
12. Федеральный закон от 30.03.1998 г. № 54-ФЗ «О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней» принят Гос. Думой 20 февраля 1998 г.: одобр. Советом Федерации 13 марта 1998 г. // СЗ РФ. 1998. № 14. Ст. 1514.
13. В данном Постановлении указаны только номера дел и сведения о публикации Постановлений Европейского суда по правам человека. Полные реквизиты постановлений следующие: Постановление Европейского суда по правам человека от 25 мая 1993 года по делу «Коккинакис против Греции» жалоба № 14307/88 (Series A no.260-A), Постановление Европейского суда по правам человека от 26 сентября 1996 года по делу «Мануссакиса и другие против Греции» жалоба № 18748/91, (Reports of Judgments and Decisions, 1996-IV).
14. В деле Коккинакис против Греции Европейский Суд по правам человека раскрыл характер и масштаб обязанности, вытекающие из статьи 9 Европейской конвенции.
15. СЗ РФ. 2001. № 7. Ст.700.
16. СЗ РФ. 2001. № 15. Ст.1530.
17. СЗ РФ. 2001. № 5. Ст.1531.
18. Постановление Конституционного Суда РФ от 14.07.2005 г. № 9-П по делу о проверке конституционности положений ст.113 Налогового Кодекса РФ в связи с жалобой гражданки Г.А. Поляковой и запросом Федерального арбитражного суда Московского округа // СЗ РФ. 2005. № 30 (ч.2). Ст.3200.
19. СЗ РФ. 2005. № 22. Ст.2195.
20. Федеральный Конституционный закон от 21.07.1994 г. № 1-ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации» принят Гос. Думой 24 июня 1994 г.: одобр. Советом Федерации 12 июля 1994 г. // СЗ РФ, 25.07.1994. № 13. Ст.1447.

4. МУНИЦИПАЛЬНОЕ ПРАВО

Проблемы управления экономикой в сельских муниципальных образованиях в Саратовской области

Моисеева Татьяна Робертовна, студент

Саратовская государственная юридическая академия, Балаковский филиал

В России проблемы экономических отношений по управлению казенным имуществом всегда относились к числу центральных и не утратили, а напротив, приобрели еще большую актуальность в современный период. На современном этапе развития Российского государства идет становление качественно нового по содержанию, целям, и задачам экономического строя государства (его составных частей), основанного на конституционных принципах единого экономического пространства, поддержки добросовестной конкуренции, свободы экономической деятельности, равной защиты всех прав собственности и т.д.

Проблема эффективности экономики волнует многих. В РФ существует концепция устойчивого развития, однако, в ней отсутствуют четкие принципы и методы регулирования этих процессов на уровне сельских муниципальных образований, которые учитывали бы территориальные, социальные и ментальные особенности российского муниципального образования.

Действующие механизмы управления сельскими муниципальными образованиями не в полной мере отвечают задачам, стоящим перед территориальным сообществом. Управление социально-экономическим развитием сельских муниципальных образований требует разработки новых методов, учитывающих современные российские особенности. В настоящее время перед практикой и теорией стоят задачи выявления эффективных инструментов управления сельскими территориями, комплексной оценки уровня их социально-экономического развития. [1] Многие сельские муниципальные образования остановились в своем развитии по причине отсутствия необходимых для этого финансовых средств. А также бюджеты формируются зачастую с дефицитом, преодоление которого вряд ли возможно. В силу этого бюджеты не могут обеспечить своевременного финансирования муниципальных расходов. Дефицит бюджетов приводит к неуклонному росту кредиторской задолженности муниципальных образований. Муниципалитеты, стремясь преодолеть возникающее при этом социальное напряжение, пользуются кредитами коммерческих банков, тем самым, усугубляя финансовое положение бюджетов. В условиях, когда эти средства привлекаются не для развития при-

носящей прибыль муниципальной экономики, а для покрытия долгов, кредиты превращаются в тяжелое бремя, передаваемое муниципальными чиновниками из поколения в поколение. [2]

Совершенствование управления социально-экономическим развитием сельских муниципальных образований приобретает особую актуальность. Хотелось бы разобрать проблему экономической основы сельских муниципальных образований и выявить основные проблемы, касающиеся экономики сельских поселений.

Хотелось бы разобрать данную проблему на примере Балаковского района Саратовской области. Балаковский район расположен в северной части Заволжья, районным центром считается город Балаково. Город Балаково имеет значительный промышленный потенциал, является крупным индустриально-промышленным центром Саратовской области. Структура экономики г. Балаково ориентирована на производство резиновых и пластмассовых изделий, производство и распределение электроэнергии, газа и воды, химическое производство, производство прочих неметаллических минеральных продуктов, производство машин и оборудования, производство готовых металлических изделий.

В частности, в Балаковском районе находятся 16 сельских муниципальных образований. И все они достаточно отличаются друг от друга.

Итак, в сфере управления экономикой, первая проблема на наш взгляд следующая:

Рассмотрим бюджет сельских муниципальных образований (рис. 1).

Например, Натальинское муниципальное образование имеет собственный бюджет — 40 млн. руб. (за счет налога НДФЛ: от АЭС). Быково-Отрогское муниципальное образование — 10 млн. руб. (за счет налога НДФЛ: от «БМУ»). Хотя данные предприятия строились на территории Балаковского муниципального района. Однако, все налоги от данных предприятий зачисляются в казну сельских муниципальных образований. А например, Комсомольское муниципальное образование имеет общий бюджет (т. е. собственный + дотации из вышестоящих бюджетов) — 2 млн. руб. [3] Как они могут осуществлять мероприятия, относящиеся к вопросам местного зна-

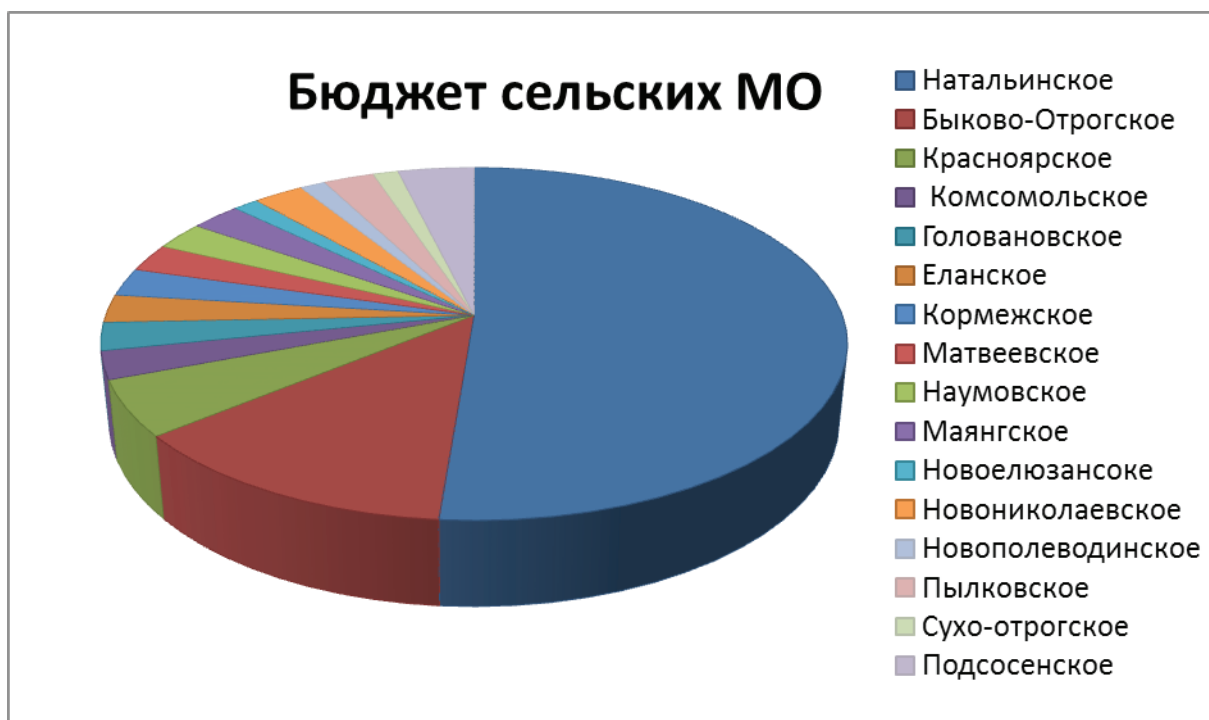

Рис. 1.

чения поселения, когда тех средств, которые они имеют хватает только на зарплату сотрудников и мелкие расходы. У нас возникает вопрос почему не существует выравнивания уровня бюджетной обеспеченности, и не существует схема изымания средств из определенного муниципального образования и распределения между другими?

Следующее рассмотрим вопросы местного значения поселения.

На данный момент действует ФЗ «Об общих принципах и организации органов местного самоуправления», которым руководствуются муниципальные образования. Этот закон наделил органы местного самоуправления большими полномочиями, закрепив за ними решение более 30 вопросов местного значения (ст. 14 ФЗ № 131). Вопросы местного значения — это вопросы непосредственного обеспечения жизнедеятельности населения муниципального образования, решение которых осуществляется населением и (или) органам и местного самоуправления и затрагивает интересы каждого гражданина. Успех их реализации в большей части зависит от финансовой обеспеченности муниципальных бюджетов. Конечно, в отличие от закона 1995 г., который устанавливает единый перечень вопросов местного значения для всех муниципальных образований, новый закон о местном самоуправлении предусматривает необходимость решения различных вопросов в зависимости от вида муниципального образования. Но все же и здесь законодательство имеет свои пробелы.

Рассмотрим некоторые вопросы местного значения поселений:

П. 9 и п. 23 ст. 14 ФЗ № 131: обеспечение первичных мер пожарной безопасности в границах населенных пунктов поселения; организация и осуществление мероприятий по гражданской обороне, защите населения и территории поселения от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера. [4] Как правило на выполнение этого мероприятия средств в местных бюджетах не хватает. В поселениях с небольшой численностью населения по этой причине сложно установить мотопомпу для пожарной безопасности, не говоря уже о содержании муниципальной пожарной охраны. Но все проверяющие органы по данному полномочию, ведут строгую проверку и выписывают штрафы за не выполнение того или иного действия. Так хочется привести пример, в Красноярском муниципальном образовании была проведена проверка на предмет соблюдения действующего законодательства о пожарной безопасности. В ходе проведенной прокуратурой города проверки были установлены некоторые нарушения. Вот некоторые из них: 1) в с. Красный Яр ряд улиц не имеют дорог с твердым покрытием; 2) у гидратов и водоемов, а также по направлению движения к ним, не установлены соответствующие указатели. На них должны четко быть нанесены цифры, указывающие расстояние до водоемисточника; 3) к реке Сазанлей в селе Ивановка не обеспечена возможность проездов для забора воды пожарной техникой, отсутствуют проезды с площадками (пирсы) не оборудованы твердым покрытием размерами не менее 12х12 м для установки пожарных автомобилей и забора воды в любое время года и т.д. [5] Аналогичные проверки и предъявленные требо-

вания были проведены еще в 5 сельских муниципальных образованиях. О каких дорогах может идти речь, когда в балаковском муниципальном образовании не все улицы имеют дороги с твердым покрытием. Что делать главам и кому предъявлять эти наказания? Вопрос остается открытым.

П. 6 ст. 14 ФЗ № 131: обеспечение проживающих в поселении и нуждающихся в жилых помещениях малоимущих граждан жилыми помещениями, организация строительства и содержания муниципального жилищного фонда, создание условий для жилищного строительства, осуществление муниципального жилищного контроля, а также иных полномочий органов местного самоуправления в соответствии с жилищным законодательством. [4] Стоимость жилья в таких муниципальных образованиях как Натальино, Подсосенки, Красный Яр (т. е. в тех поселениях, которые близко расположены к городу Балаково) примерна, равна стоимости жилья в городе. Стоимость дома площадью 60–80 кв. м — около 1 млн. руб., а в городе это будет около 1, 3 млн. руб.

То есть стоимость одной квартиры — это весь бюджет одного муниципального образования. [6] А ведь малоимущих граждан и граждан, нуждающихся в улучшении жилья достаточно много! О чем можно вести речь?

Так в итоге говоря, зачем создавать такие законы, которые трудно реализовывать?

В результате всего этого органы местного самоуправления не имеют достаточно средств, для обеспечения нормальной жизнедеятельности населения. Это уже является

нарушением сути местного самоуправления, которая подразумевает, что в стране признаются, гарантируются интересы местного населения (муниципальные интересы). К этой категории принято относить интересы, связанные с решением вопросов непосредственного обеспечения жизнедеятельности населения. Муниципальные интересы, в свою очередь, соотносятся с проблемой осуществления индивидуальных прав человека и гражданина. Ведь решение вопросов местного значения создает условия для обеспечения повседневных потребностей каждого человека в отдельности и населения в целом. Это и есть реализация одного из ключевых прав человека и гражданина, в демократическом обществе — права на достойную жизнь. Уровень гарантированности этого права можно рассмотреть, как показатель уровня развития демократии в государстве.

Итак, проблемы управления экономикой в сельских муниципальных образованиях были, есть и будут, если сейчас не начать искать пути их решения. Социально-экономическое развитие всех сельских муниципальных образований невозможно по одной универсальной модели, ввиду того, что каждое сельское муниципальное образование обладает своими уникальными особенностями. Необходимо пересмотреть много вопросов, касающиеся экономической основы и по возможности устранить ошибки. На наш взгляд также необходимо пересмотреть ряд статей ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в РФ», касающиеся экономической основы местного самоуправления.

Литература:

1. Дармограй О.В. Методика оценки социально-экономического развития сельских муниципальных образований // Экономика, управление, 2009, № 6.
2. По итогам заседания собрания депутатов по социально-экономическому развитию Балаковского муниципального образования (за октябрь 2012 г.) // <http://www.balakovo.ru>
3. Бюджет сельских муниципальных образований Балаковского муниципального района // Вестник Собрания Балаковского муниципального района Саратовской области, сентябрь 2011, № 3
4. Федеральный закон от 06.10.2003 № 131-ФЗ (ред. от 03.12.2012) «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» (с изм. и доп., вступающими в силу с 01.01.2013) // Российская газета № 202 от 8 октября 2003 г.
5. Представление прокуратуры г. Балаково Саратовской области об устранении нарушений законодательства о пожарной безопасности в Красноярском муниципальном образовании от 13.10.2011 г.
6. Решение об утверждении порядка предоставления жилых помещений муниципального специализированного жилищного фонда Балаковского муниципального района // Вестник Собрания Балаковского муниципального района Саратовской области, ноябрь 2012, № 4

5. АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО

Административная деликтология как наука

Габалова Наталья Вячеславовна, студент

Саратовский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского

Сегодня российское общество стоит на этапе преобразований и основная задача политико-правового реформирования в последнее десятилетие — это верховенство закона во всех сферах жизни общества, воплощение конституционных идей о правовом, демократическом и социальном государстве в реальность, обеспечение достойной жизни своим гражданам и устранение произвола в обществе, а также борьба с преступностью и правонарушениями. Эффективная защита общественных отношений должна опираться на знание природы, проявлений, интенсивности угроз существующему правопорядку. Одной из значительных угроз интересам личности, обществу, государству является административная деликтность, под которой понимается совокупность всех совершаемых в стране, регионе, населенном пункте деяний, признаваемых действующим законодательством административными правонарушениями.

Актуальность темы определяется, прежде всего, тем, что административные правонарушения в современной России стали одними из самых распространенных явлений. Ежегодно в России привлекаются к административной ответственности десятки миллионов граждан. Отметим для сравнения, что в 1927 г. к ответственности за административные правонарушения было привлечено 2 млн. человек, в 1989 г. более 40,5 млн., а в 1993-м — свыше 60 млн., причем увеличение числа привлеченных к административной ответственности почти в девять раз превысило прирост населения Российской Федерации. Следует иметь в виду, что учету подлежат не совершенные проступки, а только лица выявленные и наказанные в административном порядке.

Сегодня рост административных правонарушений несколько стабилизировался, оставаясь близким по состоянию на 1993 г. Однако этот факт свидетельствует, во-первых, не об улучшении дел в борьбе с административными правонарушениями, а скорее с пределом возможностей органов административной юрисдикции по рассмотрению и вынесению соответствующих решений, во-вторых, что гораздо более опасно, об адаптации общества, своеобразному привыканию населения к этому анти-социальному явлению, делая их как бы привычными, социально одобряемыми или, по крайней мере, не осуждаемыми. Таким образом, можно констатировать,

что административные правонарушения в России сегодня превратились в одно из самых типичных асоциальных и противоправных явлений.

Административная деликтность это не просто суммарное множество, а самостоятельное целостное явление, обладающее определенными внутренними и внешними закономерностями, систематизирующими связями. По мнению многих специалистов, суммарный экономический ущерб от административных правонарушений вполне сопоставим с ущербом от многих видов опасных преступлений. К сожалению, в позиции органов государственной власти на состояние административной деликтности нет обеспокоенности данным фактом. Недооценка влияния массовых нарушений норм регулирующих административно-правовые отношения на состояние жизненно важных интересов России фактически отражена в Концепции национальной безопасности, в которой основные усилия по обеспечению в Российской Федерации

Именно поэтому существует потребность появления новой отрасли знания как «административная деликтология», т.к. значительное место в общей системе деликтов занимают административные правонарушения, носящие в большей мере, чем преступления, дестабилизирующий характер по отношению ко всем сферам жизни общества, влекущие новые проблемы, требующие регламентации новых отношений, тем более, что наука административное право не может решить основные задачи административной деликтности. Административная деликтология выступает в качестве объективно обусловленной системы знаний и в то же время является научной деятельностью, имеющая целью научное обеспечение воздействия государственных органов на явления и процессы в сфере административного правонарушительства. Главным вопросом в административной деликтологии является выявление, изучение и устранение причин и условий, способствующих совершению административных проступков. Структура предмета изучения административной деликтологии входят четыре основных элемента: административная деликтность как сумма совершенных административных деликтов на конкретной территории за определенный отрезок времени; личность нарушителя норм административного права (делинквент); причины и

условия административной деликтности; борьба с административной деликтностью и ее профилактика.

Для появления новой отрасли знания «административная деликтология» требуется четкое определение ее объекта, предмета, основных проблем, границ исследования исследований данной науки, а также соотношение административной деликтологии с другими науками, в т.ч. и юридическими. По нашему мнению, объектом данной науки является административная деликтность — это порожденное обществом системное самостоятельное явление, имеющее противоправный административно-правовой характер. Административная деликтность состоит из нескольких составляющих: во-первых, это социальная природа административной деликтности, создающаяся из совокупности конкретных деяний, совершенных в обществе и против интересов этого общества; во-вторых, она имеет административно-правовой характер, т.к. рассматриваемые деяния идут вразрез с принятыми в обществе законами, запрещающими совершение данных деяний под страхом административного наказания. Таким образом, объект административной деликтологии — сложное специфическое явление это происходящие в обществе процессы, нарушающие административно-правовые запреты. Значительное место в становлении административной деликтологии играет ее система. Система науки устанавливает целостность множества закономерно связанных друг с другом элементов, т.е. это определенная последовательность рассмотрения стоящих перед наукой проблем. Многие ученые исследуют проблемы административной деликтологии через призму законодательных основ признаков административного правонарушения. Так, например, И.В. Куртяк утверждает следующее: «под системой административной деликтологии следует понимать классификацию норм административного права по субъектам и по объектам административных правонарушений». [с. 38; 1] По нашему мнению данная классификация позволит разграничить все субъекты административно-деликтных отношений, а, во-вторых, разграничит административные правонарушения по объектам.

В свою очередь, предметом науки административной деликтологии является совокупность противоправных административных деяний, совершенных на определенной территории в установленный отрезок времени соответствующими субъектами, выявление причин и условий, их порождающие, а также выработка программ предупреждения административных правонарушений и снижения административной деликтности. Таким образом, предмет административной деликтологии, в основе которого лежат социальные характеристики административной деликтности, обуславливает иные функции, чем предмет отрасли административного права. В основе деликтологии лежит описательная, объяснительная и прогностическая функции, а в основе административного права лежит правоохранительная и регулятивная. Э.Е. Гензюк вообще считает, что «главное, что различает административную деликтологию и блок известных административно-пра-

вовых наук — это их функции. [2; с. 176] Так, нормы административного права срабатывают тогда, когда проступок совершен или выявлен. Основное же внимание административной деликтологии направлено в сторону предупреждения деликтов». Для полного определения понятия «административная деликтология» во-первых, требуется связь данной науки с практикой, во-вторых, возможность науки не только описывать и изучать события, но и предвидеть их и, в-третьих, вести взаимодействие данной науки с органами, занимающиеся практической деятельностью в этой сфере.

Таким образом, во-первых, наука административная деликтология, изучающая природу административных правонарушений (деликтов), не сможет обойтись без учета знаний, накопленных административно-правовой наукой об административно-правовых средствах и их использовании в предупреждении нарушений административно-правовых норм, что подчеркивает их взаимосвязь и взаимообусловленность; во-вторых, все рассмотренные нами административно-правовые средства предупреждения административных деликтов образуют единую систему, способную оказывать правовое воздействие на предупреждение противоправных проявлений; в-третьих, структурный анализ административно-правовых средств, используемых для предупреждения административных правонарушений (деликтов), является необходимым, но недостаточным условием для уяснения особенностей, оснований и порядка их применения, что требует отдельного рассмотрения конкретных видов административно-правовых средств предупреждения административных деликтов и снижения административной деликтности. Таким образом административная деликтология обязана предвидеть и предсказывать развитие событий, причем не только вызывающие административные правонарушения, но и вызываемые ими последствия. Без такого прогноза практика борьбы с административными правонарушениями становится безоружной и дезориентированной.

В свою очередь, предпосылки и потребность появления новой отрасли юридического знания — «административная деликтология» вызваны, прежде всего, тем, что наряду с процессами криминализации значительное место в общей массе деликтов занимают административные, носящие в не меньшей мере, чем преступления, дестабилизирующий характер по отношению ко всем сферам жизни общества. И требуется соответствующая государственная политика предупреждения не только преступлений, но и административных правонарушений (деликтов), выраженные в соответствующих нормативных актах (законы, Указы Президента, Постановление Правительства РФ). Но, к сожалению, деликтология, как наука на современном этапе слабо востребована, это связано с тем, что, во-первых, в официальном определении «административного правонарушения» отсутствует признак общественной опасности (ч.1 ст.2.1 КоАП РФ), во-вторых, в концепции национальной безопасности отсутствует адекватная оценка существующей массы административных

деликтов и, в-третьих, отсутствует официальная статистика административных правонарушений. И пока, что «административная деликтология» как наука не находит поддержки у ученых, все они как и «основатель деликтологии» В.И. Ремнев считают ее частью общей деликтологии, наряду с гражданской, семейной и дисциплинарной деликтологией. Мы считаем, бесполезными превен-

тивные меры по борьбе с преступлениями, пока в полной мере не будет осуществляться анализ и предотвращение административных правонарушений. В настоящее время уделяют мало времени на личность правонарушителя, поскольку его личность выглядит значительно мельче, и ее характеристики мало изучены. Однако как часто, не обращая внимания на мелочи, мы упускаем главное.

Литература:

1. Кодекс РФ об административных правонарушениях // от 30.12.2001 N 195-ФЗ; в редакции от 02.10.2012 г.
2. Куртяк И.В. // К вопросу административной деликтности в административно-политической сфере правовых систем России и Великобритании. // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России № 8.: Санкт-Петербургский университет МВД России. 2002. № 1 (13). С. 36–41
3. Гензюк Е.Э. // Административная деликтология: диссертация доктора юридических наук: 12.00.14 Москва, 2001 324 с.
4. Ремнев В.И. // О необходимости деликтологии. Социалистическая законность в государственном управлении. М., 1979. С. 180–184

6. ИНФОРМАЦИОННОЕ ПРАВО

Современное состояние и перспективы развития электронного правительства в России

Овчухова Ольга Юрьевна, студент

Саратовский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского

В наш век высоких технологий, когда практически весь документооборот перенесен на электронные носители, закономерно появление и развитие электронного правительства. Суть электронного правительства состоит в использовании виртуального пространства для совершенствования моделей оказания услуг и повышения эффективности функционирования органов власти и государственных учреждений. Создание национальных «электронных правительств» в постиндустриальных странах происходит в русле глубокого реформирования всей системы государственного управления. В наибольшей степени в осуществлении таких проектов преуспели страны Европейского Союза и Северной Америки, где правительства хотят и могут себе позволить тратить немалые средства на информатизацию управления государством. Опыт этих стран показал, что при стабильном финансировании и эффективном менеджменте эта инициатива способна в короткие сроки окупить затраченные средства. При этом граждане получают реальный шанс участвовать в диалоге с властью, влиять на принятие решений и выдвигать собственные инициативы, получать детальную информацию о работе государственных структур и осуществлять контроль за их деятельностью.

Применение успешных практик реализации концепций электронного правительства зарубежных стран является одним из инструментов достижения целей эффективного электронного правительства России. Ведь, несмотря на всю свою важность, в России только 38 федеральных органов исполнительной власти из 64 представили в министерство планы по переходу на оказание государственных услуг в электронном виде. Из них 13 не оказывают гражданам государственных услуг и не имеют государственных функций в электронном виде, остальные пока не готовы к электронному правительству [4].

В первую очередь, это связано с проблемами формирования законодательства в сфере перехода к электронным государственным услугам. В российском законодательстве по-прежнему не определен правовой статус электронного документа и связанных с ним процедур так, чтобы электронный документ мог выполнять все функции традиционного документа. Хотя закон «Об электронном документе» был внесен в Государственную Думу еще в де-

кабре 2000 г. (проект Федерального закона № 39828–8), он до сих пор не вышел на стадию утверждения. Между тем аналогичный закон в Республике Беларусь был принят в 2009 г., а в Республике Казахстан — в 2003 г.

Однако в области законодательства есть и свои значительные достижения. В ноябре 2009 г. появился «План перехода федеральных органов исполнительной власти на предоставление государственных услуг и исполнение государственных функций в электронном виде», в который были включены 73 базовые государственные услуги, которые к 2015 г. необходимо перевести в электронный вид, а в 2010 г. была завершена работа над долгосрочной государственной программой «Информационное общество 2011–2018». Были приняты два важнейших закона: ФЗ от 9 февраля 2009 г. № 8-ФЗ «Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления» и ФЗ от 27 июля 2010 г. № 210-ФЗ «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг» которыми регулируются предоставление государственных и муниципальных услуг в электронной форме. Кроме того, вышло множество постановлений и распоряжений Правительства РФ, которые регулируют самые разные аспекты межведомственного электронного взаимодействия.

Стоит отметить так же, что рядовой гражданин не совсем понимает суть и значение электронного правительства. По данным Фонда общественного мнения, реально к государственным услугам в интернете прибегают лишь около 6 % населения, причем наиболее популярными услугами являются вызов врача или запись на приём в поликлинику. Так же отмечено, что основными причинами, по которым у людей нет желания пользоваться электронными госуслугами, являются недостаток навыков или возможности работы с компьютером и интернетом, а также отсутствие такой необходимости. Подобные мотивы шире распространены среди людей старшего возраста. Поэтому очевидно, что среди желающих в будущем использовать данные услуги преобладают молодые, в качестве причин своей заинтересованности чаще отмечая удобство, доступность и простоту использования, возможность сэкономить время и не стоять в очередях. Наличие у 18–35-летних опыта пользования интернетом

в сочетании с потребностью рационализировать личное время является мотивом к использованию государственных услуг через интернет [3].

Для повышения востребованности электронных услуг необходима очень тщательная и выверенная стратегия работы с такими гражданами, и особенно с теми, кто, в общем доверяет органам власти и не слишком часто посещает государственные учреждения. Именно у представителей этой группы в настоящее время интерес к электронному правительству выше. Именно у них следует формировать позитивную связку «ожидаемая польза от электронного правительства — легкость освоения новых навыков», а также формировать доверие к техническим аспектам новой системы. В этом случае электронное правительство если и не обеспечит перехода к идеальной бюрократии, то позволит к ней приблизиться. Преимущества «электронного правительства» очевидны: упрощение бюрократических процедур, значительное сокращение сроков при оформлении документов, обеспечение легко верифицируемой, строгой налоговой подотчетности юридических и физических лиц посредством введения унифицированной системы электронного учета, повышение уровня бюджетных поступлений, сокращение масштабов коррупции и, соответственно, рост доверия граждан к институтам власти.

Можно выделить ряд актуальных задач, стоящих в повестке дня дальнейшего развития «электронного правительства» в России.

1. Переход к более высоким стадиям электронного правительства, взаимосвязь электронного государственного управления с характером административных реформ, большая ориентация на нужды граждан как потребителей государственных электронных услуг.

2. Улучшение электронного документооборота и обмена информацией внутри органов исполнительной власти, особенно по линии «центр — регионы — органы

местного самоуправления — организации гражданского общества».

3. Организация непрерывного обучения госслужащих и введения этого критерия в результаты периодической аттестации, предусмотренной законом.

4. Унификация страниц государственных учреждений в Интернете, с тем чтобы гражданам было легче воспринимать ту информацию, которая в них есть.

5. Формирование национальных стандартов доступности электронного правительства.

6. Создание административных регламентов, чтобы заявитель понимал, что происходит с его документом.

7. Повышение компьютерной грамотности населения страны [6].

Модель «электронного правительства» привлекательна для тех стран и культур, в которых государство воспринимается как социальная структура, обслуживающая интересы граждан. Российская же политическая культура базируется на укоренившемся в патерналистском стереотипе восприятии государства. Однако, несмотря на эту и другие национальные особенности политических культур, все государства имеют достаточно стандартный набор обязанностей перед обществом. Ценность электронного правительства заключается именно в конкретной пользе для граждан и бизнеса — в сокращении издержек, в сокращении затрат времени граждан, времени и денег бизнесменов и в той добавленной стоимости, которые дают эти системы для общества. Следовательно, проект электронного правительства будет успешным тогда, когда станет приносить реальную пользу гражданам, обществу и государству. Электронное правительство имеет целый ряд базовых преимуществ, делающих его частью глобальной социально-технологической парадигмы нового века, и решение его текущих проблем применения сделает его наиболее «дружественным» к гражданам РФ, что, возможно, послужит шагом к восстановлению доверия народа к власти [5].

Литература:

1. Алексеева Ю.А. Количественная оценка взаимодействия правительства субъектов РФ с населением посредством систем электронного правительства // Вестник Астраханского технического университета. — 2007. — № 4. — С 212–215
2. Болдырева Е.П. Выявление и экспертная оценка проблемных вопросов электронного правительства // Информационная безопасность регионов. — 2012. — № 1. — С. 83–87
3. В тридевятом царстве, в электронном государстве // Пресс-релиз Фонда «Общественное Мнение», 2011. 13 июля [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://bd.fom.ru/report/cat/smi/smi_int/pressr_080711 (дата обращения — 17.10.2012)
4. Дьякова Е.Г. Переход к электронному правительству как процесс институциональной адаптации // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. — 2011. — № 11. — С 234–252
5. Зайко А. Русь электронная // Энергия промышленного роста — 2009 — № 3 [31] — [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.epg-magazine.ru/prompolitics/maintheme/cyber_russ/ (дата обращения — 17.10.2012)
6. Ирхин Ю.В. «Электронное правительство» как форма интерактивной коммуникации между органами власти и гражданами // Вестник Российского государственного гуманитарного университета. — 2009. — № 1. — С. 160–174

7. Красильникова Е.В. Экономические издержки и результаты реализации концепции электронного правительства в России // Вестник Поволжской академии государственной службы. — 2010. — № 3. — С 18—27
8. Сединкин М.А. Возможности применения зарубежного опыта формирования электронного правительства в России // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 1: Регионоведение, философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. — 2011. — № 3. — С 349—360
9. Шадаев М.И. Внедрение электронного правительства: первые итоги и новые задачи // Информационное общество. — 2007. — № 1—2. — С. 25—27.

9. ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО И ПРОЦЕСС

Некоторые проблемы соотношения договора оказания услуг с договором подряда

Полтавский Игорь Александрович

Кизлярский филиал Санкт-Петербургского государственного экономического университета

На сегодняшний день договорные обязательства являются важнейшим компонентом правовой деятельности общества, охватывающие все стороны финансово-хозяйственной деятельности.

Каждый вид договора имеет свою сферу, признаки и предмет регулирования. Но не смотря на множество критериев разграничения, на практике наблюдается множество договорных сходств, которых довольно трудно разграничить. Одним из таких примеров является смежность договора оказания услуг и договора подряда.

По общему правилу гражданский кодекс трактует договор подряда как договор в котором одна сторона (подрядчик) обязуется выполнить по заданию другой стороны (заказчика) определенную работу и сдать ее результат заказчику, а заказчик обязуется принять результат работы и оплатить его. Что же касается договора возмездного оказания услуг, то это договор, в силу которого исполнитель обязуется по заданию заказчика оказать услуги, а заказчик обязуется оплатить эти услуги [1].

Таким образом, на первый взгляд мы видим, что главным разграничением представленных договоров является то, что первый указывает на «работы», а второй — на «услуги». Следует заметить, что типы представленных договоров были известны в римском праве. Римское право в составе договоров различало в частности «найм работ» и «найм услуг» [2; с 207].

В германском гражданском уложении в составе раздела «отдельные виды обязательств». Наряду с договором подряда, были урегулированы и трудовые договоры. [2; 212].

В Российской цивилистики в отношении разграничения данных договоров вопрос стоит не однозначно. Так в ГК 1922 и 1964 годах выделение договора оказания услуг не произошло. В современном же законодательстве мы видим обширную дифференциацию. В отдельный договор выделен и подряд и оказание услуг, более того возмездное оказание услуг подверглось большему расщеплению. В связи со своей практической значимостью мы видим вполне самостоятельные договора перевозки, страхования, хранения, банковский вклад и другие.

На наш взгляд большую взаимосвязь представляет именно договор подряда и возмездного оказания услуг.

Такое смежение отражено в ст. 783 ГК, а именно: «общие положения о подряде и положения о бытовом подряде применяются к договору возмездного оказания услуг» [1].

На сегодняшний день в науке представлены различные подходы и критерии разграничения данных договоров. Безусловно, для более правильного разграничения необходимо установить предмет регулирования.

Одни авторы утверждают, что предметом договора подряда является не только работа или результат работы, но также услуги. Другие авторы, наоборот, расширяют объем понятия «услуги» как предмет обязательства. По данному мнению, обязательство по оказанию услуг могут иметь место, когда выполняются работы (договор подряда) и оказываются услуги.

По мнению Ю.М. Калмыкова услуга — это деятельность, направленная на создание удобств или льгот контрагенту по обязательственному отношению.

Третья группа авторов признают услуги предметом договорных обязательств по оказанию услуг. Под услугами ими понимается благо, получаемое кредитором в связи с действиями должника или деятельность должника не имеющая материального результата [3].

Таким образом, мы видим полные разночтения в отношении предмета действия договоров. На сегодняшний день, безусловно, предпочтение отдается третьему подходу. Именно отсутствие овеществленного результата и стало важнейшим критерием разграничения работ от услуг.

Так, по мнению Алексева С.С. сущность договора возмездного оказания услуг выражается:

- в не материальном характере действий (деятельности) по оказанию услуг;
- в неотделимости услуги от личности услугодателя [4].

По нашему мнению более полное и точное отличие оказания услуг от работ отражено в работах Е.Д. Шешенина. Согласно его мнению нельзя отождествлять сферу обслуживания со сферой услуги, так же как нельзя считать, что все услуги однородны по своей экономической сущности. Услуга, при которой результаты деятельности воплощаются в товарах (вещах) — это работы по изготовлению и ремонту одежды, обуви и т.д. Услуги же, где результаты деятельности не существуют отдельно от исполнителей и

не являются товарами, относятся, так называемые личные услуги, когда удовлетворяются нужды самого человека, осуществляется его обслуживание (культурные услуги). Услуга первого рода является предметом подрядных договоров, а услуги второго рода — предмета договоров, порождающих обязательство по оказанию услуг [5].

Следует заметить, что подобная конструкция деления находит свое отражение не только в гражданско-правовом регулировании, но и в налоговом. Так ст. 28 НК относит к числу объектов налогообложения не только имущество, работы и услуги, относя к работам деятельность, результаты которой имеют материальное выражение и могут быть реализованы для удовлетворения потребности организации, а к услугам — деятельность, результаты которой не имеют материального выражения [6].

По мнению представителей петербургской цивилистики помимо критерия «вещности» в результате обязательство по оказанию услуг имеют единую экономическую природу с творческими отношениями. Деятельность актеров, врача, адвоката обладают единой экономической сущностью — это деятельность по оказанию услуг. Разграничение же в этих отношениях проводится по наличию или отсутствию в деятельности исполнителя творческого характера [7].

Анализируя представленные критерии разграничения можно прийти к мнению, что по общему правилу они верны, но не универсальны.

По точному замечанию М.И. Брагинского и В.В. Ветрянского возможны такие виды услуг, в которых результат становится неотъемлемой частью соответствующих действий как таковых. Таким примером является оказание аудиторских услуг. Целью аудиторской проверки является «выражение мнений о достоверности такой финансовой (бухгалтерской отчетности)». По завершению

проверки составляется аудиторское заключение, выраженной в официальной письменной форме [2].

Следует заметить, что подобный пример является не единичным. Так в некоторых случаях оказание адвокатской услуги также может иметь овеществленную форму (письменное консультирование, составление исковых заявлений).

Таким образом, мы видим в роде бы прямо указанный законом договор возмездного оказания услуг, но с овеществленным результатом. В результате чего критерий «вещественности» в данном случае отпадает.

В отношении критерия «творческого характера» так же наблюдается определенная неясность. Безусловно, при оказании услуги, исполнитель проявляет свои профессионально-творческие качества, к примеру, при создании модельной прически, но подобные качества встречаются и при выполнении подрядных работ. Так при строительстве какого-либо объекта исполнитель вправе изобразить художественную фреску, либо орнамент. Отсюда следует, что помимо технических работ присутствуют элементы творчества.

Таким образом, можно усомниться в правильности разграничения представленных обязательств. Выработанные наукой критерии являются приемлемыми не ко всем видам отношений.

Следует предположить, что для более правильного разграничения работ и услуг необходимо конкретизировать ст. 779 ГК РФ, с целью установления конкретного перечня возмездных оказаний услуг. Цивилистической науке предстоит либо выделить более универсальные критерии деления, либо на основе существующих более тщательно проанализировать представленные законом возмездные услуги, для их выделения из данного разряда, с целью более правильного правового регулирования.

Литература:

1. Гражданский кодекс РФ (часть вторая), 2012.
2. Брагинский М.И., Ветрянский В.В. Договорное право книга третья. Договоры о выполнении работ и оказании услуг. М., 2004.
3. Шешенин Е.Д. Общие проблемы обязательств по оказанию услуг// Антология уральской цивилистики. Сборник статей. М., 2001. с. 347—348.
4. под редакцией Алексеева С.С. Гражданское право. М., 2010. с. 271.
5. Шешенин Е.Д. классификация по оказанию услуг// Антология уральской цивилистики. Сборник статей. М., 2001. с. 356.
6. Налоговый кодекс РФ (часть первая) от 31.07.1998 № 146-ФЗ.
7. под редакцией Сергеева А.П., Толстого Ю.К. Гражданское право. Том 2. М., 2005. С. 635.

Динамика гражданского процессуального законодательства в сфере повышения гарантий реализации прав лиц, в отношении которых рассматривается дело о признании их недееспособными

Хлуднев Александр Александрович, студент
Забайкальский государственный университет

Федеральным законом от 06 апреля 2011 года № 67-ФЗ был внесен ряд изменений в некоторые нормы ГПК РФ. Наиболее ярким из них является корректировка положений статьи 284. Так, в первой части слова «если это возможно по состоянию здоровья» были заменены словами «если его присутствие в судебном заседании не создает опасности для его жизни или здоровья либо для жизни или здоровья окружающих, для предоставления ему судом возможности изложить свою позицию лично либо через выбранных им представителей». Одновременно статья была дополнена абзацем следующего содержания «В случае, если личное участие гражданина в проводимом в помещении суда судебном заседании по делу о признании гражданина недееспособным создает опасность для его жизни или здоровья либо для жизни или здоровья окружающих, данное дело рассматривается судом по месту нахождения гражданина, в том числе в помещении психиатрического стационара или психоневрологического учреждения, с участием самого гражданина», а также частью третьей, в соответствии с которой «Гражданин, признанный недееспособным, имеет право лично либо через выбранных им представителей обжаловать соответствующее решение суда в апелляционном порядке, подать заявление о пересмотре его в соответствии с правилами главы 42 ГПК РФ, а также обжаловать соответствующее решение в кассационном и надзорном порядке, если суд первой инстанции не предоставил этому гражданину возможность изложить свою позицию лично либо через выбранных им представителей» [1]. Разумный вопрос, который возникает в данной ситуации: чем вызвано внесение подобных изменений в ГПК РФ? Ответ вытекает из практики Европейского Суда по правам человека, а также Конституционного Суда Российской Федерации. Так, согласно правовой позиции Европейского Суда по правам человека, выраженной в Постановлении от 04 марта 2010 года по делу «Штукатуров (Shtukaturov) против Российской Федерации» (жалоба № 44009/05) душевнобольному лицу должно быть предоставлено право быть заслушанным либо лично, либо, если необходимо, посредством какой-либо формы представительства. Суд отметил, что по делу о признании недееспособным заявитель играл двоякую роль: он был заинтересованным лицом и, в то же время, главным объектом оценки суда. Его участие было, поэтому, необходимо не только для того, чтобы дать ему возможность представить свою позицию по делу, но и для того, чтобы позволить суду сформулировать свое личное мнение от-

носительно психических способностей заявителя. Европейский Суд пришел к выводу о том, что решение судьи о рассмотрении дела на основании письменных документов, не видя и не заслушивая заявителя, было необоснованным и нарушало принцип состязательности при рассмотрении дела [2].

Не менее важной по данному вопросу представляется правовая позиция Конституционного Суда Российской Федерации, выраженная в Постановлении от 27 февраля 2009 года № 4-П, согласно которой гражданин, в отношении которого рассматривается дело о признании его недееспособным, как это следует из статьи 34 и части второй статьи 263 ГПК РФ, являясь заинтересованным лицом, приобретает статус лица, участвующего в деле, и в этом качестве имеет процессуальные права, предусмотренные статьей 35 ГПК РФ. Статьей 284 ГПК РФ предусматривается, что заявление о признании гражданина недееспособным суд рассматривает с участием самого гражданина, заявителя, прокурора, представителя органа опеки и попечительства; гражданин, в отношении которого рассматривается дело о признании его недееспособным, должен быть вызван в судебное заседание, если это возможно по состоянию здоровья гражданина, т.е. возможность для этого гражданина участвовать в судебном разбирательстве не исключается. При этом, закон не устанавливает, в какой процедуре и на основании каких критериев определяется, возможна ли (или невозможна) личная явка гражданина в судебное заседание, извещается ли он о времени и месте слушания дела, должен ли суд обеспечить гражданину возможность использовать иные средства для распоряжения на равных основаниях с другими лицами, участвующими в деле, процессуальными правами, например, путем назначения ему адвоката для обеспечения квалифицированной юридической помощи. В результате гражданин, по сути, лишается прав, которыми ГПК РФ наделяет лиц, участвующих в деле. Тем самым лицу, в отношении которого рассматривается дело о признании недееспособным, не обеспечиваются равные с другими участниками разбирательства процессуальные возможности по отстаиванию своей позиции и защите своих интересов при рассмотрении дела, что означает нарушение принципов справедливости правосудия, а также состязательности и равноправия сторон в судебном процессе [3].

Именно указанные правовые позиции судебных органов, как представляется, явились отправной точкой для законодателя к тому, чтобы предпринять очередные меры

по совершенствованию гражданского процессуального законодательства.

Как отмечают авторы законопроекта о внесении изменений в ГПК РФ, правоприменительная практика сложилась таким образом, что суды зачастую рассматривают заявления о признании граждан недееспособными в отсутствие лиц, в отношении которых поданы такие заявления. Такой подход нарушает такие конституционные права граждан, как право защищать свои права и свободы всеми способами, не запрещенными законом (статья 45 Конституции РФ), право гражданина на судебную защиту его прав и свобод (статья 46 Конституции РФ), и положение Конституции, закрепляющее состязательность и равноправие сторон в судопроизводстве [4].

К сожалению, для того, чтобы законодатель пришел к указанным выводам заинтересованному лицу пришлось сначала обратиться в Европейский Суд по правам человека, а затем в Конституционный Суд Российской Федерации. В то же время, обращает на себя внимание ряд мнений представителей юридической науки, не усматривающих во внесенных изменениях эффективных механизмов их реализации. Так, например, Д.Г. Бартенев отмечает, что Конституционным Судом Российской Федерации не было дано разъяснений относительно того, каким образом определяется опасность для жизни или здоровья лица, в отношении которого ведется производство о признании его недееспособным, либо для жизни или здоровья окружающих. По мнению исследователя, существует вероятность того, что суды, рассматривая данную категорию дел, могут произвольно решать вопрос об исключении из участия в деле гражданина, ссылаясь на его опасность. Такая ситуация возможна, в частности, в случае нахождения гражданина в психиатрическом стационаре или интернате, когда его явка в суд требует определенных административных мер, и решение о проведении заседания без его участия может приниматься судом по мотивам удобства, на основании непроверенных сведений стационара [5]. Существенным является замечание С.Ф. Афанасьева, который анализирует норму, изложенную в части 1 статьи 116 ГПК РФ (в ред. Федерального закона от 06 апреля 2011 года № 67-ФЗ), согласно которой «Если гражданин вызывается в суд по делу о признании его недееспособным или ограниченно дееспособным, на судебной повестке делается отметка о необходимости вручения такой повестки адресату лично. Вручение повестки по делу о признании адресата недееспособным или ограниченно дееспособным иным гражданам не допускается» совместно с нормой, изложенной в части 1 статьи 284 ГПК РФ, в соответствии с которой «Гражданин, в отношении которого рассматривается дело о признании его недееспособным, должен быть вызван в судебное заседание, если его присутствие в судебном заседании не создает опасности для его жизни или здоровья либо для жизни или здоровья окружающих, для представления ему судом возможности изложить свою позицию лично либо через выбранных им представителей».

Автор приходит к выводу, что в системном виде перечисленные нормы гражданского процессуального закона содержат в себе внутреннее противоречие, так как получается, что лицо императивно извещается судом о времени и месте заседания, но вызывается оно для участия в нем для реализации права быть заслушанным лично или через представителя, если это не создает опасности жизни или здоровью. Однако оценить ее степень, составить представление о психическом состоянии гражданина, его способности понимать значение своих действий и руководить ими судья может, только если непосредственно соприкоснется с заинтересованным лицом. Все это, по мнению автора, формирует определенные сложности рассмотрения требований о признании гражданина недееспособным, заставляя суды, как и прежде, заключение судебно-психиатрической экспертизы воспринимать как единственное и достаточное доказательство отсутствия потребности в вызове гражданина в судебное заседание под предлогом его опасности [6].

В то же время, возникает вопрос, подлежат ли пересмотру ранее вынесенные решения суда о признании граждан недееспособными. В этой связи обращают на себя данные судебной статистики. Как отмечает Ю.Н. Аргунова, в суды ежегодно поступает свыше 40 тысяч заявлений о признании гражданина недееспособным. В 2008 году их число составило 42 107. Решение по существу суды выносят по 85 % дел (в 2008 году таких дел было рассмотрено 35 901). При этом суды практически во всех случаях (98 %) удовлетворяют заявление и признают гражданина недееспособным. Более того, этот показатель заметно выше соответствующего показателя в экспертной статистике, стабильно составляющего 94 % (в 2008 году — 93 %) [7]. По данным Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации, в 2009 году в суды общей юрисдикции поступило 43 823 дела по заявлениям о признании граждан недееспособными, рассмотрено с вынесением решения 36 254 дела, из которых 35 214 (97 %) с удовлетворением требования, 1 040 (2,8 %) с отказом в его удовлетворении, прекращено 4 892 дела, что составляет 13 % от общего числа дел, оставлено без рассмотрения — 1 938 (5 %) заявлений, в другие суды передано 215 (0,5 %) дел [8]. В 2010 году в суды общей юрисдикции поступило 41 570 дел по заявлениям о признании граждан недееспособными, рассмотрены с вынесением решения 35 645 дел, из которых 34 498 (96 %) с удовлетворением требования, 1 147 (3 %) с отказом в его удовлетворении, прекращено 4 882 дела, что составляет 13 % от общего числа дел, оставлено без рассмотрения — 1 991 (5 %) заявление, в другие суды передано 222 (0,6 %) дела [9]. В 2011 году в суды общей юрисдикции поступило 36 198 дел по заявлениям о признании граждан недееспособными, рассмотрено с вынесением решения 30 490 дел, из которых 29 492 (96 %) с удовлетворением требования, 998 (3 %) с отказом в его удовлетворении, прекращено 4 520 дел, что составляет 14 % от общего числа дел, оставлено без

Таблица 1

Сравнительная характеристика числа рассмотренных дел о признании граждан недееспособными

	Рассмотрено дел с вынесением решения	в том числе: с удовлетворением требования	с отказом в его удовлетворении	прекращено	оставлено без рассмотрения	передано в другие суды
2009 год	36 254 (100 %)	35 214 (97 %)	1 040 (2,8 %)	4 892 (13 %)	1 938 (5 %)	215 (0,5 %)
2010 год	35 645 (100 %)	34 498 (96 %)	1 147 (3 %)	4 882 (13 %)	1 991 (5 %)	222 (0,6 %)
2011 год	30 490 (100 %)	29 492 (96 %)	998 (3 %)	4 520 (14 %)	1 918 (6 %)	278 (0,9 %)

рассмотрения — 1 918 (6 %) заявлений, в другие суды передано 278 (0,9 %) дел [10].

Таким образом, статистика принятия решений о признании граждан недееспособными за рассмотренный период (с 2009 по 2011 годы) остается достаточно стабильной, а число выносимых решений достаточно высоким.

Для сравнения приведем указанные показатели за шесть месяцев 2012 года. Так, за отчетный период в суды общей юрисдикции поступило 17 385 дел о признании граждан недееспособными. Рассмотрены с вынесением решения были 13 284 дела, из которых 12 861 (96 %) — с удовлетворением заявления, 423 (3 %) — с отказом в удовлетворении требований, прекращено было 2 051 (15 %) дело, оставлено без рассмотрения — 851 (6,4 %) дело и 144 (1 %) дела были переданы в другие суды [11].

В данном случае также усматривается, что подавляющее большинство заявлений по делам о признании граждан недееспособными были удовлетворены. При указанных обстоятельствах можно сделать вывод о том, что внесение изменений в процессуальное законодательство не оказало существенного влияния на число решений об удовлетворении и об отказе в удовлетворении требований о признании граждан недееспособными. Следовательно, вопрос о гарантиях реализации прав граждан, в отношении которых рассматривается дело о признании их недееспособными остался открытым. В данном случае мы снова столкнулись с ситуацией, когда идея, содержащаяся в нормативном правовом акте является актуальной и значимой, но предусмотренные механизмы реализации права не позволяют говорить об эффективности регулирования в данной сфере.

Литература:

1. Федеральный закон от 06.04.2011 № 67-ФЗ «О внесении изменений в Закон Российской Федерации «О психиатрической помощи и гарантиях при ее оказании» и Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации» // Российская газета. № 75, 08.04.2011.
2. Постановление ЕСПЧ от 04.03.2010 «Дело Штукатуров (Shtukaturov) против Российской Федерации» (№ 1) (Жалоба № 44009/05) // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. Российское издание. 2010. № 7.
3. Постановление Конституционного Суда РФ от 27.02.2009 № 4-П «По делу о проверке конституционности ряда положений статей 37, 52, 135, 222, 284, 286 и 379.1 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации и части 4 статьи 28 Закона Российской Федерации «О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании» в связи с жалобами граждан Ю.К. Гудковой, П.В. Штукатурова и М.А. Яшиной» // Российская газета. № 45, 18.03.2009.
4. Пояснительная записка к проекту Федерального закона «О внесении изменений в статью 284 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации» // [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=PRJ;n=67510>.
5. Бартенев Д.Г. Конституционный Суд РФ подверг критике процедуру признания гражданина недееспособным // Независимый психиатрический журнал. 2009. № 3. С. 49—51.
6. Афанасьев С.Ф. К проблеме реализации права быть заслушанным в суде при рассмотрении гражданских дел // Российская юстиция. 2012. № 5. С. 33—38.
7. Аргунова Ю.Н. Судебная практика признания гражданина недееспособным // Независимый психиатрический журнал. 2009. № 4. С. 56—61.
8. Отчет о работе судов общей юрисдикции по первой инстанции о рассмотрении гражданских дел за 12 месяцев 2009 года // [Электронный ресурс]. — Режим доступа: [URL:http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=841](http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=841).
9. Отчет о работе судов общей юрисдикции по первой инстанции о рассмотрении гражданских дел за 12 месяцев 2010 года // [Электронный ресурс]. — Режим доступа: [URL:http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=836](http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=836).

10. Отчет о работе судов общей юрисдикции по первой инстанции о рассмотрении гражданских дел за 12 месяцев 2011 года // [Электронный ресурс]. — Режим доступа: URL:<http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=951>.
11. Отчет о работе судов общей юрисдикции по первой инстанции о рассмотрении гражданских дел за 6 месяцев 2012 года // [Электронный ресурс]. — Режим доступа: URL:<http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=1309>.

13. СЕМЕЙНОЕ ПРАВО

Условное наказание в уголовном праве

Карлыханов Алексей Александрович, старший преподаватель

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ

Понятие и эффективность условного наказания, как вида наказания рассматривается учеными-правоведами с различных точек зрения давно. Неоднозначность понимания применения данного наказания влечет за собой и неоднозначное понимание его среди лиц, к которым данная мера наказания применяется. Следует ли применение судами условного осуждения рассматривать как меру наказания или как отсрочку исполнения наказания?

Анализ существующих позиций и мнений позволяет выделить несколько подходов к определению сущности и целей данного вида наказания в современном уголовном праве. Одна группа авторов (М. Гельфер, И.И. Карпец, Д.В. Ривман) рассматривают условное осуждение как основной вид наказания. Следовательно, цели условного осуждения должны быть идентичны целям наказания, а именно, в отношении осужденного должны быть применены меры государственного принуждения, восстановления социальной справедливости.

Существует и второе мнение, согласно которому институт условного осуждения с точки зрения его родовой принадлежности следует рассматривать как одну из иных мер уголовно-правового характера, устанавливаемых законом за совершение преступления (ч. 2 ст. 2 УК РФ), так как по своей правовой природе условное осуждение не является видом уголовного наказания, ввиду не включения его в систему видов наказаний, предусмотренную ст. 44 УК РФ. Ввиду этого и условное осуждение следует рассматривать как отсрочку осужденному от приведения в исполнение наказания.

В поддержку этой точки зрения следует сказать, что после внесения приговора, к осужденному не применяется со стороны государства никаких исключительных от обычных принудительных мер. Не возможно считать наказанием со стороны государства возложение обязательств в течение определенного периода времени не менять место жительства, учебы, работы без уведомления государственных органов. Тем более, если учесть социальную категорию граждан, к которым применяется данный вид наказания. То есть, фактически, осужденный, после применения к нему данного вида наказания, не претерпевает никаких особых принуждений со стороны государства.

Вместе с тем, государство, условно определив условное осуждение как вид наказания (в действующей редакции

Уголовного кодекса РФ данный вид наказания отсутствует), взяло на себя обязанность обеспечения исправления осужденного без изоляции его от общества путем обеспечения контроля за его поведением, психологическим перевоспитанием и социальной реабилитацией.

Проведенное изучение опыта работы с лицами, освобожденными условно от отбытия наказания, объективно ставит вопрос о степени эффективности условного осуждения и реальности исправления осужденного при применении к нему подобного вида наказания. В современной правоохранительной системе работе с условно осужденными отведено отдельное место. Для учета, контроля их исправления, в органах юстиции создана и действует служба уголовно-исполнительной системы. Во взаимодействии с сотрудниками полиции они осуществляют контроль за условно-осужденными. Исключительно контроль!

То есть государственные органы уголовно-исполнительной системы занимают пассивную позицию в социальной реабилитации осужденного. И если рассматривать данный вопрос в разрезе действующего законодательства, особой вины их в этом нет, так как отсутствует сама система исправления условно осужденных.

Государство, исходя из термина слова контроль, предоставило возможность условно-осужденным за совершение преступлений гражданам самим осознавать меру своей вины, избирать пути исправления, возможности реабилитации в обществе. Самыми главными условиями со стороны государственных органов являются не менять место жительства и место работы без уведомления государственных органов (видимо для облегчения контроля по месту жительства и уменьшения нагрузки на сотрудников уголовно-исполнительной системы).

Именно эта пассивность, отсутствие четко выработанной системы действий государственных органов по исправлению условно осужденных, неправильная терминология создали условия, при которых в среднем 30 % условно осужденных лиц, в период отбытия наказания вновь совершают преступления, попадают на скамью подсудимых. Треть от общего количества. И это только лишь официальные цифры.

Статистика вещь точная, но капризная. И возможности манипуляции ею, особенно со стороны должностных лиц,

правоохранительных органов имелись всегда. Из этого можно предположить увеличение числа погрешности на 10–20 %. То есть около 40 % от общего количества лиц, осужденных условно, вновь совершают преступления.

Возвращаясь к истории развития уголовного права в России, следует отметить, что институт отсрочки исполнения приговора ранее был включен в уголовный кодекс РСФСР 1960 года (статья 46.1 УК РСФСР). Эффективность условного осуждения и его разновидности — отсрочки исполнения приговора, предусмотренные в УК РСФСР 1960 г., несомненна. Так, по данным В.Н. Баландина, отмена условного осуждения и отсрочки исполнения приговора в отношении взрослых составила соответственно 2,3 % и 2,6 %, у несовершеннолетних — 6 % и 7,3 %.

В законодательстве стран мира данный институт имеет другие названия: пробация (ст. 66.00 УК штата Нью-Йорк, «Закон о государственной службе пробации» от 18.12.2003 года принятый Сеймом Литвы), условная отсрочка наказания (§ 56 УК ФРГ), условное прекращение уголовного преследования (ст. 66 УК Польши), условное неприменение наказания (ст. 69 УК Таджикистана).

В то же время, например, в США обычная пробация была признана неэффективным наказанием, поскольку не имела необходимого исправительного воздействия. В 1982 г. была введена пробация с интенсивным надзором. На осужденного возлагается обязанность выполнять общественные работы, проходить периодическое тестирование на наркотики, работать на постоянной основе. Контроль со стороны властей осуществляется чаще 20 раз в месяц. Некоторые из этих мер, думается, можно было бы предусмотреть и в действующем УК РФ. Примером этому могут служить обязанность выполнять бесплатные общественно полезные работы (уборку улиц, озеленение скверов, работа по оказанию социальной помощи и т.п.).

Литература:

1. «Уголовный кодекс Российской Федерации» от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 21.07.2011)
2. Новиков В.А. Условное осуждение: современные тенденции и пути совершенствования закона. Журнал российского права, 2005, N 11
3. Шевелева С.В. Условное осуждение как превентивная мера в уголовном законодательстве. Журнал «Российская юстиция», 2011, N 4
4. Баландин В.Н. Эффективность освобождения от отбывания наказания при условном осуждении и отсрочке исполнения приговора: Автореф. дис. канд. юрид. наук. Свердловск, 1998. С. 13–15;
5. Карпец И.И. Индивидуализация наказания. М., 1962. С. 27;
6. Чугаев А. Условное осуждение в российском уголовном законодательстве // Уголовное право. 2005. N 2. С. 65–66.
7. Сайт <http://www.probacija.lv/page.php?id=108>

Если же преступление сопряжено с причинением материального ущерба и он не возмещен, то было бы оправданным возложить на условно осужденного обязанность возместить ущерб или принять необходимые меры для его заглаживания. С одной стороны, это будет способствовать восстановлению прав потерпевшего, а с другой — свидетельствовать об установке осужденного на исправление.

Помимо этого, на мой взгляд, возникла необходимость пересмотреть как терминологию статьи 73 УК РФ, обозначив данный вид наказания — отсрочкой исполнения приговора суда на определенный срок (что само по себе уже будет являться дисциплинирующим фактором для осужденного), так и систему контроля и освобождения от наказания. И в данном случае особенно эффективным было бы повторное рассмотрение, по истечении отсрочки, судом вопроса о необходимости отбывания наказания в местах лишения свободы и реальном исправлении осужденного за время отсрочки приговора. При этом во избежание возможных коррупционных проявлений со стороны сотрудников уголовно-исполнительной системы, законодательно необходимо предусмотреть обязательность участия защитника в данном судебном процессе.

На настоящий момент необходимо законодательно запретить судам применять такой вид наказания к лицам, ранее осужденным за совершение тяжких преступлений, и отбывавшим наказания в местах лишения свободы. Законодательный пробел в данном вопросе влечет за собой, помимо возможного коррупционного поведения со стороны судей, возможность ухода преступником от наказания за совершенное преступление.

Предлагаемые меры, на мой взгляд, станут актуальными в ходе реализующейся государством программы либерализации уголовного наказания. Вместе с тем они позволят обществу чувствовать защищенность от уголовной преступности и иметь реально действующий институт исправления и реабилитации лиц, преступивших закон.

14. ЭКОЛОГИЧЕСКОЕ, ЗЕМЕЛЬНОЕ, ЛЕСНОЕ, ВОДНОЕ И ВОЗДУХООХРАННОЕ ПРАВО

К вопросу о значимости определения понятий «пруд» и «обводненный карьер» в Водном кодексе Российской Федерации

Стасюк Дмитрий Андреевич, студент

Хабаровская государственная академия экономики и права

Вода, так же как и земля, животный и растительный мир, лес, недра, является природным ресурсом, имеющим высокую экономическую и, безусловно, экологическую ценность. Вода, как основа всего органического, в отличие от иных природных ресурсов абсолютно необходима для существования человека. Согласно статистическим данным общий объем объектов водного фонда в России составляет около 1455 млн. км³, среди которых более 2,5 млн. рек, более 2 млн. озер, чуть меньше 1 млн. болот. Несмотря на такое разнообразие водных объектов и тот факт, что вода — возобновляемый и предполагающий повторное использование ресурс, пригодных для водозабора объектов водного фонда в России все же недостаточно [8]. В силу этих обстоятельств, согласно действующей Конституции вода (наряду с землей и иными природными ресурсами) в Российской Федерации должна охраняться и использоваться рационально («как основа жизни и деятельности народов»).

Современное российское законодательство устанавливает преимущественно федеральную собственность на водные объекты. Согласно ст. 8 Водного кодекса РФ собственность субъектов Российской Федерации, муниципальных образований, физических и юридических лиц возможна лишь на пруды и обводненные карьеры. Пруд и обводненный карьер, расположенные в границах земельного участка, принадлежащего на праве собственности субъекту РФ, муниципальному образованию, физическому либо юридическому лицу, находятся соответственно в собственности субъекта РФ, муниципального образования, физического либо юридического лица за исключением указанных водных объектов, находящихся на территориях двух и более субъектов федерации или на земельных участках, прямо отнесенных законодательством к федеральной собственности (лесные участки в составе земель лесного фонда; земли, предоставленные для нужд Вооруженных Сил РФ и др.). Остальные водные объекты, как поверхностные, так и подземные, находятся в собственности Российской Федерации.

Обозначив пруд и обводненный карьер единственными объектами права региональной, муниципальной и,

что безусловно актуально для современного этапа экономического развития нашего государства, частной собственности, законодатель не дает их определений. Между тем, необходимость легальных дефиниций указанных понятий обусловлена особым правовым режимом пруда и обводненного карьера: эти водные объекты, являясь недвижимым имуществом, составляют часть земельного участка и неразрывно связаны с ним, они могут отчуждаться в соответствии с гражданским и земельным законодательством (ч. ч. 3 и 4 ст. 8 ВК), т.е. быть объектами имущественных отношений. Кроме того отсутствие определений данных понятий в законодательстве дает возможность их произвольного толкования, что может привести к незаконному отчуждению, в частности в собственности физических и юридических лиц, иных водных объектов, отличных от прудов и обводненных карьеров. По мнению Сивакова Д.О., в силу названного пробела в водном законодательстве, приватизации могут быть подвергнуты озера и малые водохранилища, а в местах дачного строительства возможны произвольная запруда и присвоение частей ручьев и рек [11]. По данным Росводресурсов, в Московской области зафиксированы даже случаи приватизации вместе с земельными участками водозаборных скважин в сельской местности [13]. На необходимость четких и ясных определений соответствующих понятий указывает и профессор Боголюбов С.А. [6]. Подобные недостатки понятийного аппарата по нашему мнению должны быть в итоге разрешены на законодательном уровне.

Стоит отметить, что термины «пруд» и «обводненный карьер» появились в водном законодательстве России сравнительно недавно. В Водном кодексе РФ 1995 г. использовалось понятие обособленного водного объекта, который, будучи предметом гражданского оборота, являлся объектом приватизации, купли-продажи, дарения, мены, залога и т.д. (в ст. 11 ВК 1995 г. предусматривалось, что обособленные водные объекты относятся к недвижимому имуществу и являются составной частью земельного участка, а положения водного законодательства применяются к обособленным водным объектам в той мере, в какой

это не противоречит законодательству гражданскому). Согласно ст. 1 ВК 1995 г. под обособленным водным объектом (замкнутым водоемом) понимался небольшой по площади и непроточный искусственный водоем, не имеющий гидравлической связи с другими поверхностными водными объектами. Настоящая правовая конструкция предавалась критике, отмечались ее несовершенство и условность. Указывалось, что такие признаки данных водных объектов, как замкнутость и непроточность, по своей сути, идентичны, а отсутствие гидравлической связи с другими поверхностными водными объектами геологически практически невозможно. Даже если водоем прямо не связан с рекой, не исключена его косвенная гидравлическая связь с поверхностными водами через подземные горизонты и родники. В свою очередь, несовершенство правовых формулировок влекло за собой трудности правоприменения: на практике были попытки недобросовестных физических и юридических лиц приватизировать и иные водоемы. В обсуждавшихся новых редакциях Водного кодекса предполагалось, с одной стороны, установить в законодательстве пределы по площади и удалению от поселений обособленных водных объектов, находящихся в частной собственности физических и юридических лиц, а с другой — расширить (а может быть, и исключить) понятие обособленного водного объекта [6]. В конце концов, согласно ФЗ «О введении в действие Водного кодекса Российской Федерации» данная формулировка была изъята из земельного и гражданского права. Законодатель пошел по пути прямого указания на разновидности водоемов, которые могут находиться в частной собственности (пруды и обводненные карьеры), но решить проблему произвольного присвоения иных видов поверхностных водных объектов, как мы выяснили, так и не удалось.

Ст. 5 Водного кодекса 2006 года относит пруды и обводненные карьеры к поверхностным водным объектам — водоемам, тем самым ограничивая данные понятия от рек, ручьев и каналов (обозначены в кодексе как водотоки), а также от родников и гейзеров (природные выходы подземных вод). Тем не менее, озера и водохранилища ВК РФ также относит именно к водоемам. Несмотря на то, что согласно пунктам «в» и «к» части 1 статьи 72, части 2 статьи 76 Конституции РФ вопросы владения, пользования и распоряжения водными ресурсами и водное законодательство находятся в совместном ведении Российской Федерации и субъектов Российской Федерации, законодательство субъектов, как и законодательство федеральное, не дает признаков водоемов, могущих находиться в региональной, муниципальной и частной собственности. В нормативно-правовых актах республик, краев, областей, автономных округов и автономной области каких-либо отличий прудов и обводненных карьеров от других поверхностных водных объектов не находим. Лишь в Законе Республики Ингушетия «Об использовании и обеспечении безопасности водных ресурсов Республики Ингушетия» в определении поверхностного водного объекта указан признак — состояние замедленного водообмена, харак-

терный между тем не только для прудов, обводненных карьеров с одной стороны и озер, водохранилищ — с другой, но и для болот, которые по ВК РФ водоемами не являются. Таким образом, потенциальные возможности для появления коррупционной составляющей в правоприменении водного законодательства в отношении объектов права собственности связаны с отсутствием в Водном кодексе Российской Федерации критериев различия пруда и обводненного карьера именно от озера и водохранилища.

Итак, как было указано выше, термины «пруд» и «обводненный карьер», несмотря на значимость для правоприменителя, в российском законодательстве не определены. В ГОСТ 19179—73 «Гидрология суши. Термины и определения» находим два определения пруда: пруд — мелководное хранилище площадью не более 1 кв. км; пруд-копань — небольшой искусственный водоем в специально выкопанном углублении на поверхности земли, предназначенный для накопления и хранения воды для различных хозяйственных целей [4]. Так как основная трудность заключается в дифференциации прудов и обводненных карьеров от озер и водохранилищ, приведем определения последних, указанные в государственном стандарте 1975 года (в ВК РФ они также отсутствуют). Озеро — естественный водоем с замедленным водообменом; водохранилище — искусственный водоем, образованный водоподпорным сооружением на водотоке с целью хранения воды и регулирования стока. Проанализировав указанные дефиниции, можно сделать следующие выводы: 1) основным отличием озера от пруда и водохранилища является искусственное происхождение последних; 2) понятия пруда и водохранилища достаточно схожи. Некоторое совпадение терминов «пруд» и «водохранилище» отмечает и сам законодатель, указывая, что разница между ними чисто количественная [10]. Действительно, количественный критерий отчетливо просматривается и в обоих определениях пруда, содержащихся в ГОСТ 19179—73: небольшой водоем; мелководное хранилище, площадью не более 1 кв. км. Исходя из этого, можно предположить, что площадь водохранилища должна как минимум превышать 1 кв. км. Однако ст. 65 Водного кодекса предусматривает существование водохранилищ с акваторией менее 0,5 квадратного километра. Следовательно, так называемый количественный критерий не может быть решающим для дифференциации настоящих видов водоемов.

Исследуя понятия «пруд» и «водохранилище», все же можно выделить ряд особенностей, индивидуализирующие эти водные объекты. Так пруд — мелководное хранилище, тогда как водохранилище полноводно. Назначение пруда — накопление и хранение воды для различных хозяйственных целей и нужд (полив, рыбозаводство, водопой скота и т.д.). Водохранилище предназначено для хранения воды для нужд гидроэнергетики, судоходства, лесосплава, орошения, водоснабжения, обводнения, рыбного хозяйства, а также многолетнего регулирования стока. Регулирование стока реки водохранилищем происходит путем функционирования плотины или напорного гидроузла [14].

Между тем в ГОСТ 19179–73 указано по сути две разновидности пруда — непосредственно пруд и пруд-копань. Непосредственно пруд представляет собой мелководное хранилище, то есть малое водохранилище глубиной не более 3–5 метров. Так Котухов С.А. и Соболева Ю.В. в Комментарий к Водному кодексу отмечают, что пруды образуются путем перегораживания плотиной небольшого водотока [9]. Данное умозаключение, по нашему мнению, прямо подтверждено п. 3 ч. 4 ст. 5 ВК РФ, который предусматривает определение береговой линии пруда и водохранилища по нормальному подпорному уровню воды. Согласно ГОСТ 26775–97 «Габариты подмостовые судоводных пролетов мостов на внутренних водных путях», нормальный подпорный уровень воды — наивысший проектный подпорный уровень верхнего бьефа (часть водного объекта, примыкающая к гидротехническому сооружению), который может поддерживаться в нормальных условиях эксплуатации гидротехнических сооружений; подпорный уровень — уровень воды, образующийся в водотоке или водохранилище в результате подпора; подпор — подъем уровня воды, возникающий вследствие преграждения или стеснения русла водотока или изменения условий стока подземных вод [5]. Таким образом, подпорный уровень воды может быть лишь в водоемах, образованных водоподпорным сооружением (плотиной, дамбой, запрудой и т.д.), а именно в прудах и водохранилищах. Пруды можно осенью спускать, а весной снова наполнять водой. Совершенно по-иному устроен пруд-копань, который располагается в специально выкопанном углублении на поверхности земли и никаким образом от водотока не зависит. Следовательно, водохранилище и пруд всегда тесно связаны с другими водными объектами: первое — с рекой или большим озером, второй — с малой рекой, ручьем. Пруд-копань же внешне полностью автономен, что конечно не исключает его косвенную гидравлическую связь с другими поверхностными водоемами через подземные воды. Таким образом, основные отличия пруда от водохранилища: сравнительно малая глубина (мелководность) и предназначенность для хозяйственных нужд собственника. Характерной чертой пруда-копани является отсутствие наземной гидравлической связи с другими видами водных объектов.

ВК РФ содержит лишь одно из двух понятий (пруд/пруд-копань), имеющих в ГОСТ 19179–73, а именно — пруд, а значит должен допускать связь водного объекта, находящегося в частной собственности, с другими, в том числе с теми, которые могут принадлежать лишь федерации. Однако это не так. Согласно части 2 ст. 8 Водного кодекса, в частной собственности могут находиться лишь пруды, расположенные на земельных участках, принадлежащих на праве собственности физическому или юридическому лицу. Так как пруды, как мы выяснили, гидрологически связаны с малыми водотоками, то земельные участки, на которых они расположены, должны прямо прилегать к рекам и ручьям, то есть к федеральным водным объектам общего пользования, чего быть не может.

По нашему мнению, было бы логично включить в п. 3 ч. 1 ст. 5 Кодекса, перечисляющий виды водоемов, и термин «пруд-копань», а также дополнить указанным понятием п. 2 ч. 4 ст. 5, то есть определять границу (береговую линию) пруда-копани аналогично границе реки, ручья, канала, озера, обводненного карьера — по среднемноголетнему уровню вод в период, когда водные объекты не покрыты льдом. Кроме того мы считаем более правильным обозначить (наряду с обводненным карьером) объектом права региональной, муниципальной и частной собственности не созданный путем перегораживания водотока пруд, а замкнутый искусственный водоем — пруд-копань (что потребует внесения изменений в ряд законов и подзаконных нормативно-правовых актов), и соответственно включить в ст. 1 ВК РФ определение этого понятия, учтя его существенные признаки (антропогенное происхождение, мелководность, обособленность, предназначенность для хозяйственных нужд собственника). Водный кодекс Республики Беларусь, например, содержит определения обоих понятий: пруд — искусственный водоем площадью водного зеркала до одного квадратного километра (за исключением технологических прудов рыбоводных хозяйств), созданный путем перегораживания плотиной малых рек, ручьев, временных водотоков или обвалования территории вне русла (в понижениях рельефа, на равнинных участках местности, в искусственных выемках); пруд-копань — небольшой искусственный водоем в специально выкопанном углублении на поверхности земли, предназначенный для накопления и хранения воды для различных хозяйственных целей. Стоит отметить, что указанные дефиниции достаточно удачны, так как они точно отражают существенные гидрологические, морфометрические и физико-географические признаки названных водных объектов.

Кроме пруда в собственности субъектов РФ, муниципальных образований, физических и юридических лиц могут находиться, как мы отмечали выше, и обводненные карьеры. Между тем в ГОСТ 19179–73, включающем обязательные для применения в документации всех видов, учебниках, учебных пособиях, технической и справочной литературе определения основных понятий в области гидрологии суши, термин «обводненный карьер» отсутствует. То есть водное законодательство фактически ввело совершенно новое понятие, не употребляемое в гидрологии, не дав ему определения и не обозначив его существенных признаков. В энциклопедиях, словарях и учебных пособиях находим лишь однотипные определения понятия «карьер». Согласно «Горной энциклопедии» карьер есть совокупность выемок в земной коре, образованных при добыче полезных ископаемых открытым способом [7]. Глубина и площадь карьера может быть незначительной (например, при добыче песка, глины, гравия) или весьма значительной (например, при добыче угля или руды). Так что же тогда есть карьер *обводненный*? Согласно словарю русского языка, составленному институтом лингвистических исследований РАН, причастие обводненный — от глагола обводнить, то есть «обеспечить водой путем

устройства каналов, водохранилищ, прудов, колодцев и т. п.», а также «увеличить запас воды в каком-либо водоеме» [12]. Другими словами, обводненный карьер есть ни что иное как карьер, заполненный водой. Таким образом, обводненный карьер — искусственный водоем, представляющий собой выемку в земной коре, образованную при добыче полезных ископаемых открытым способом и заполненную водой.

Подводя итог вышесказанному, отметим, что находиться в собственности субъектов Российской Федерации, муниципальных образований, физических и юридических лиц могут только водоемы, обладающие рядом отличительных гидрологических, морфометрических и физико-географических признаков. По нашему мнению, таковыми признаками, прежде всего, являются искусственное происхождение и замкнутость (непроточность, отсутствие поверхностной гидравлической связи с иными поверхност-

ными водными объектами), а также в меньшей степени — мелководность и малая площадь (до 1 кв. км.). Приведенным признакам в должной мере соответствуют пруд-копань (замкнутый искусственный мелководный водоем площадью до одного квадратного километра в специально выкопанном углублении на поверхности земли, предназначенный для накопления и хранения воды для различных хозяйственных целей) и обводненный карьер (замкнутый искусственный водоем, представляющий собой выемку в земной коре, образованную при добыче полезных ископаемых открытым способом и заполненную водой). По нашему мнению названные дефиниции, в случае их прямого указания в законе, а также предложенные нами изменения отдельных положений Водного кодекса Российской Федерации могли бы в должной мере способствовать решению проблемы идентификации водных объектов, могущих являться объектами имущественного оборота.

Литература:

1. Водный кодекс Российской Федерации от 03.06.2006 № 74 — ФЗ // Собрание законодательства РФ, 05.06.2006, № 23, ст. 2381;
2. «О введении в действие Водного кодекса Российской Федерации» — Федеральный закон от 03.06.2006 № 73 — ФЗ // Собрание законодательства РФ, 05.06.2006, N 23, ст. 2380;
3. Водный кодекс Российской Федерации от 16.11.1995 № 167-ФЗ (утратил силу с 01.01.2007) // Собрании законодательства Российской Федерации от 20 ноября 1995 г. N 47 ст. 4471;
4. ГОСТ 19179—73 Гидрология суши. Термины и определения. Дата введения 01.01.1975 // М., Издательство стандартов, 1988;
5. ГОСТ 26775—97 Межгосударственный стандарт. Габариты подмостовые судоходных пролетов мостов на внутренних водных путях. Нормы и технические требования. Введен в действие 01.01.1998;
6. Боголюбов С.А., Сиваков Д.О. Комментарий к Водному кодексу Российской Федерации от 3 июня 2006 г. № 74 — ФЗ // М., Законодательство и экономика, 2007, № 5;
7. Горная энциклопедия [Электронный ресурс] — <http://www.mining-enc.ru/k/karer/>;
8. Доклад «О состоянии и использовании водных ресурсов РФ в 2007 году». — Доклад подготовлен Национальным информационным агентством «Природные ресурсы». [Электронный ресурс] — <http://www.protown.ru/information/hide/2820.html>;
9. Котухов С.А., Соболева Ю.В. Комментарий к Водному кодексу Российской Федерации (под ред. С.Ю. Морозова). — Система ГАРАНТ, 2011 г;
10. Проблемы законодательного обеспечения противодействия коррупции в сфере природоресурсного и экологического законодательства // Материалы конференции СФ РФ — М., 18.12.2008;
11. Сиваков Д.О. Водное право: Учебно-практическое пособие // Юстицинформ, 2007. Из информационного банка «Постатейные комментарии и книги». — Система КонсультантПлюс;
12. Словарь русского языка: В 4-х т. / РАН, Ин-т лингвистич. исследований; Под ред. А.П. Евгеньевой. — 4-е изд., стер. — М.: Рус. яз.; Полиграфресурсы, 1999;
13. Смолякова Т. Вода стала ближе. Но не дороже // Российская газета. Специальный тематический выпуск. N 154 (4417), 19.07.2007;
14. Чеботарев А.И. Гидрологический словарь. — Л.: Гидрометеиздат, 1964.

17. УГОЛОВНОЕ ПРАВО И ПРОЦЕСС

Соотношение функций единого следственного комитета и прокуратуры РФ

Безвершенко Дмитрий Антонович, магистрант
Тольяттинский государственный университет

Следственный комитет Российской Федерации (СКР) — следственный орган в России, образованный вместо Следственного комитета при прокуратуре Российской Федерации, начавший свою деятельность с 15 января 2011 года [12]. Структурная схема следственного комитета представлена на рис. 1

Прокуратура Российской Федерации — единая федеральная централизованная система органов, осуществляющих от имени Российской Федерации надзор за соблюдением Конституции Российской Федерации и исполнением законов, действующих на её территории. Прокуратура Российской Федерации выполняет и иные функции, установленные федеральными законами.

Полномочия, организация и порядок деятельности прокуратуры Российской Федерации определяются федеральным законом «О прокуратуре Российской Федерации» [2,14]. Структурная схема прокуратуры представлена на рис. 2

На протяжении последующего десятилетия неоднократно предпринимались попытки внести законопроекты о реформировании следственных органов.

О важности налаживания правового механизма уголовного преследования и организации органов его осуществляющих в условиях состязательности и разделения властей Н.В. Муравьев высказался так: «Разделение уголовно-судебных функций (на судебную, защитную и об-

Рис. 1. Структура Следственного комитета

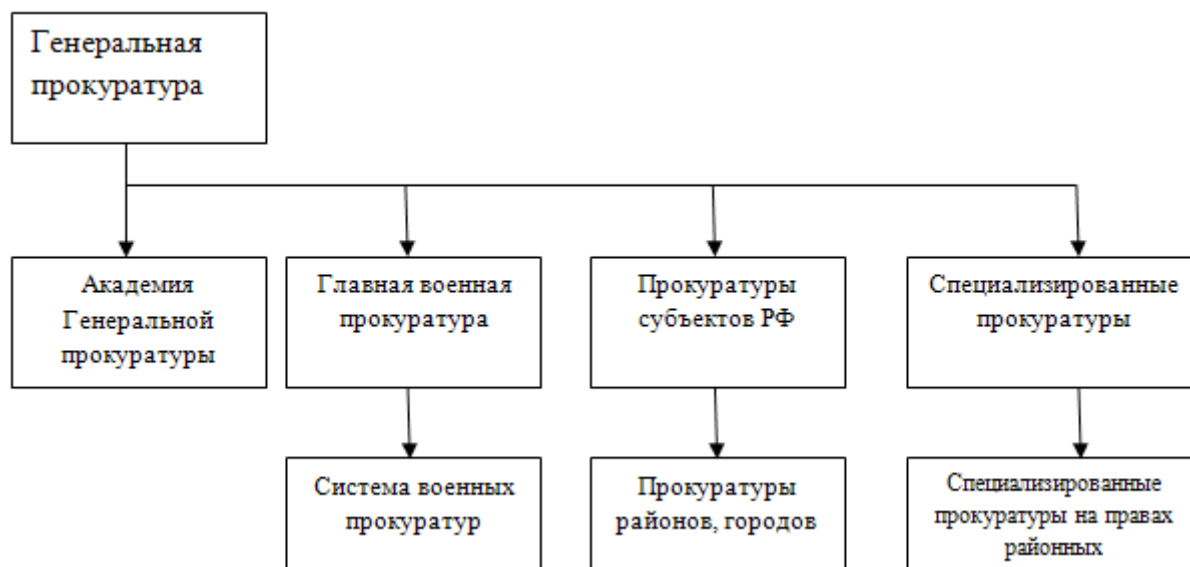

Рис. 2. Структура Прокуратуры РФ

винительную) в состязательном уголовном судопроизводстве и потребность в специальном государственном органе, полномочным на реализацию публичного уголовного преследования дела делает прокуратуру органом обвинительной власти» [7,9].

В 2007 г. в условиях относительной стабильности и консолидации политических сил удалось принять федеральные законы от 5 июня 2007 г. № 87-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации и Федеральный закон «О прокуратуре Российской Федерации» и от 6 июня 2007 г. № 90-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» [2,3,4].

В соответствии с этими нормативными правовыми актами из компетенции прокурора были исключены полномочия по процессуальному руководству следствием. Однако самым главным новшеством было то, что следственный аппарат органов прокуратуры стал относительно самостоятельным ведомством. Перечисленные меры создали условия для дальнейшей полной организационной и функциональной независимости следственного органа.

Однако на этом этапе вновь созданный Следственный комитет при прокуратуре Российской Федерации еще входил в систему органов прокуратуры, Председатель Следственного комитета при прокуратуре Российской Федерации в связи с занимаемой должностью являлся Первым заместителем Генерального прокурора Российской Федерации.

Вместе с тем в соответствии с частью 3 статьи 20.1 Федерального закона «О прокуратуре» Председатель Следственного комитета при прокуратуре Российской Федерации назначался на должность и освобождался от должности Советом Федерации Федерального Собрания

Российской Федерации по представлению Президента Российской Федерации [2]. Первый заместитель и заместители Председателя Следственного комитета при прокуратуре Российской Федерации назначались на должность и освобождались от должности Президентом Российской Федерации по представлению Председателя Следственного комитета при прокуратуре Российской Федерации. Остальные работники назначались на должность и освобождались от должности Председателем Следственного комитета при прокуратуре Российской Федерации. Председатель Следственного комитета при прокуратуре Российской Федерации утверждал структуру и штатное расписание ведомства, а также определял полномочия его подразделений.

На данном этапе развития, несмотря на организационно-правовое объединение Следственного комитета при прокуратуре Российской Федерации с органами прокуратуры, определенная административная подчиненность руководителя следственного ведомства Генеральному прокурору Российской Федерации была устранена. Вопросы кадровой политики, определения структуры ведомства, а также наделения работников следственного органа полномочиями были переданы в компетенцию Председателя Следственного комитета при прокуратуре Российской Федерации.

Модель организации следственного органа уже на том этапе по своей правовой сути не являлась административной. Она включала в себя практически все традиционные элементы (признаки) вневедомственной модели: организационную независимость и отсутствие административного подчинения и подотчетности руководителю непрофильного ведомства; функциональную независимость, которая обеспечивала объективность и беспристрастность расследования. Организационная

включенность в структуру органов прокуратуры носила лишь формально-правовой, а не административный характер [12].

Однако окончательное восстановление вневедомственной модели организации следствия произошло 15 января 2011 г., когда вступил в силу Федеральный закон от 28 декабря 2010 г. № 403-ФЗ «О Следственном комитете Российской Федерации» [6].

Согласно пояснительной записке проекта данного закона, функционирование Следственного комитета вне системы прокуратуры Российской Федерации создаст необходимые условия для эффективной реализации полномочий прокуроров по надзору за процессуальной деятельностью органов предварительного следствия, укрепит взаимодействия следственных органов с органами прокуратуры, позволит повысить объективность следствия, тем самым обеспечивая законность в сфере уголовного судопроизводства и неукоснительное соблюдение конституционных прав граждан.

Федеральный закон «О Следственном комитете Российской Федерации» установил, что руководство деятельностью вновь созданного следственного органа осуществляет Президент Российской Федерации.

В соответствии со статьей 13 Федерального закона «О Следственном комитете Российской Федерации» Председатель Следственного комитета Российской Федерации назначается на должность и освобождается от должности Президентом Российской Федерации без одобрения органа законодательной власти, как это было ранее. Председатель Следственного комитета Российской Федерации ежегодно представляет Президенту Российской Федерации доклад о реализации государственной политики в установленной сфере деятельности, состоянии следственной деятельности и проделанной работе по повышению ее эффективности.

Названные нововведения создали благоприятные условия для эффективной борьбы с коррупцией, в том числе в высших органах представительной и исполнительной власти, что ранее представлялось затруднительным в связи с обусловленностью назначения руководителя следственного ведомства по согласованию с названными государственными органами и подотчетностью им.

Возникнет логическая цепь оперативник — следователь — государственный обвинитель — судья, где каждое звено подчиняется своему руководителю, имеет свои критерии работы и ведомственные интересы.

Генеральный прокурор Российской Федерации Ю.Я. Чайка является сторонником создания единого следственного комитета и считает, что соотношение функций следственного комитета и прокуратуры должно происходить следующим образом: «Прокурор смотрит за состоянием законности при расследовании преступлений с момента возбуждения уголовного дела, то есть прокурор должен иметь возможность вникать, насколько обоснованно предъявлено обвинение конкретному лицу. Именно

с момента предъявления обвинения можно говорить о реализации функции уголовного преследования, и это прерогатива прокурора. Все следственные действия, которые затрагивают конституционные права граждан, которые требуют санкции суда, должны проходить с участием прокурора. Все остальные функции выполняет следствие: руководит, направляет расследование, закрепляет доказательства. Но у прокурора всегда должна быть возможность взаимодействовать со следователем, потому что именно прокурор будет поддерживать обвинение в суде от имени государства» [11].

Старший помощник руководителя следственного управления В.Р. Аврора по Приморскому краю отмечает: «Подводя итоги трехгодичной деятельности, можно с уверенностью сказать, что создание самостоятельного следственного органа придало новые качественные возможности следствия. Разделение следствия и надзора считаю правильным, так как его можно сравнить с принципом разделением властей: законодательной, исполнительной и судебной. Следователь СКР самостоятельно расследует, принимает решение, но вместе с тем прокуратура осуществляет надзор. При такой расстановке сил качество следствия повышается» [10].

В настоящее время Следственный комитет Российской Федерации — самостоятельный следственный орган, надзор за уголовно-процессуальной деятельностью которого осуществляет прокуратура Российской Федерации на общих основаниях, как и за остальными правоохранительными органами.

Следственный комитет (СКР) — единая федеральная централизованная система создана путем выделения из иной системы. Одним из результатов реформы досудебного производства и выделения СКР стало противостояние СКР и прокуратуры. Одной из причин конфликта ведомств послужил порядок создания СКР как системы. Вновь созданная система должна аргументировать целесообразность своего образования, а для этого показать большую результативность своей деятельности. Расчлененная материнская система, напротив, стремится к обратному обоснованию — нецелесообразности и неэффективности реформы. Поэтому противостояние и конфликт ведомств на первоначальном этапе становления СКР и прокуратуры, лишенной следствия, был, как представляется, неизбежен и предсказуем [8].

Ю.Я. Чайка считает, что баланс между следствием и надзором нарушен по причине несовершенства законодательства [11].

Следовательно, пока на законодательном уровне так и не решен вопрос о разделении между ветвями государственной власти таких уголовно-процессуальных функций, как уголовное преследование, составными частями которого являются раскрытие преступлений, впоследствии перерастающее в обвинение, и предварительное расследование, оценивать результативность выделения СКР из органов прокуратуры невозможно.

Литература:

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» от 18.12.2001 N 174-ФЗ (ред. от 01.12.2012)
2. Федеральный закон от 17.01.1992 N 2202-1 (ред. от 03.12.2012) «О прокуратуре Российской Федерации»
3. Федеральный закон от 05.06.2007 N 87-ФЗ (ред. от 28.12.2010) «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации и Федеральный закон «О прокуратуре Российской Федерации»
4. Федеральный закон от 06.06.2007 N 90-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации»
5. Федеральный закон от 06.11.2011 N 297-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О прокуратуре Российской Федерации»
6. Федеральный закон от 28.12.2010 N 403-ФЗ (ред. от 03.12.2012) «О Следственном комитете Российской Федерации»
7. Александров А.С. К вопросу о создании единого Следственного комитета / Россия — родина слонов? // Вестник СГАП. 2010. № 6. — С. 17—21.
8. Маслов И.В. От следственного комитета к единому органу расследования. «Законность», 2012, N 3 из информационного банка «Юридическая пресса»
9. Муравьев Н.В. Прокурорский надзор в его устройстве и деятельности. Пособие для прокурорской службы: в 2-х томах. Т. 1. М., 1899. С. 4—5, 26.
10. Деловое еженедельник «Конкурент». Нужна ли была реформа прокуратуры? От 07.09.2010 г. <http://www.konkurent.ru/list.php?id=1252>
11. «Прокуратура — государственный поверенный в делах законности» <http://www.genproc.gov.ru/genprokuror/interview/document-65710/>
12. Официальный сайт Следственного комитета РФ. <http://www.sledcom.ru/>
13. Официальный сайт Прокуратуры РФ. <http://www.genproc.gov.ru/>
14. Электронная энциклопедия Википедия <http://ru.wikipedia.org>

Социально-экономические и политические причины религиозного экстремизма. Религиозно-политический экстремизм и пути его преодоления

Бидова Бэла Бертовна, кандидат юридических наук, доцент
Чеченский государственный университет (г. Грозный)

В последние десятилетия экстремисты все чаще обращаются к организованному и религиозно-обоснованному использованию террористических актов как к средству достижения своих целей.

Общезвестно, что в современных условиях реальную угрозу, как для всего мирового сообщества, так и национальной безопасности того или иного государства, его территориальной целостности, конституционных прав и свобод граждан представляет экстремизм в различных формах его проявления. Особо опасен экстремизм, прикрывающийся религиозными лозунгами, ведущий к возникновению и эскалации межэтнических и межконфессиональных конфликтов.

Основная цель религиозного экстремизма — признание своей религии ведущей и подавление других религиозных конфессий через их принуждение к своей системе религиозной веры. Наиболее ярые экстремисты ставят своей задачей создание отдельного государства, правовые нормы которого будут заменены нормами общей для всего населения религии. Религиозный экстремизм часто смыкается с религиозным фундаментализмом, суть которого заклю-

чена в стремлении воссоздать фундаментальные основы «своей» цивилизации, очистив ее от чуждых новаций и заимствований, вернуть ей «истинный облик».

Важной особенностью ряда неправительственных религиозно-политических организаций экстремистского толка является наличие в них фактически двух организаций — открытой и тайной, законспирированной, что облегчает им политическое маневрирование, помогает быстро менять методы деятельности при изменении обстановки [1. с. 12].

В качестве основных методов деятельности религиозно-экстремистических организаций можно назвать нижеследующее: распространение литературы, видео-аудиокассет экстремистского толка, в которых пропагандируются идеи экстремизма.

Экстремизм, как известно, в самом общем виде характеризуется как приверженность к крайним взглядам и действиям, радикально отрицающим существующие в обществе нормы и правила. Экстремизм, проявляющийся в политической сфере общества, называется политическим экстремизмом, экстремизм же прояв-

ляющийся в религиозной сфере получил название религиозного экстремизма. В последние десятилетия все более широкий размах приобретают такие экстремистские явления, которые имеют связь с религиозными постулатами, но происходят в политической сфере социума и не могут быть охвачены понятием «религиозный экстремизм».

Религиозно-политический экстремизм — это религиозно мотивированная или религиозно камуфлированная деятельность, направленная на насильственное изменение государственного строя или насильственный захват власти, нарушение суверенитета и территориальной целостности государства, на возбуждение в этих целях религиозной вражды и ненависти.

Так же, как и этнонационалистический экстремизм, религиозно-политический экстремизм является разновидностью политического экстремизма. Своими характерными признаками он отличается от других видов экстремизма.

1. Религиозно-политический экстремизм — это деятельность, направленная на насильственное изменение государственного строя или насильственный захват власти, нарушение суверенитета и территориальной целостности государства. Преследование политических целей позволяет отличить религиозно-политический экстремизм от религиозного экстремизма. По названному признаку он отличается также от экономического, экологического и духовного экстремизма.

2. Религиозно-политический экстремизм представляет собой такой вид противозаконной политической деятельности, которая мотивируется или камуфлируется религиозными постулатами или лозунгами. По этому признаку он отличается от этнонационалистического, экологического и других видов экстремизма, у которых существует иная мотивация.

3. Преобладание силовых методов борьбы для достижения своих целей — характерная черта религиозно-политического экстремизма. По этому признаку религиозно-политический экстремизм можно отличить от религиозного, экономического, духовного и экологического экстремизма.

Религиозно-политический экстремизм отвергает возможность переговорных, компромиссных, а тем более консенсусных путей решения социально-политических проблем. Сторонники религиозно-политического экстремизма отличаются крайней нетерпимостью по отношению ко всем, кто не разделяет их политических взглядов, включая единоверцев [2. с. 58]. Для них не существует никаких «правил политической игры», границ дозволенного и недозволенного.

Конфронтация с государственными институтами — их стиль поведения. Принципы «золотой середины» и требования «не поступай по отношению к другим так, как ты не хотел бы, чтобы они поступали по отношению к тебе», являющиеся основополагающими для мировых религий, отвергаются ими. В их арсенале главными являются на-

силие, крайняя жестокость и агрессивность, сочетающиеся с демагогией.

Авантюристы, использующие религиозные идеи и лозунги в борьбе за достижение своих противозаконных политических целей, хорошо понимают возможности религиозных учений и символов как важного фактора привлечения людей, мобилизации их на бескомпромиссную борьбу. Одновременно они учитывают, что «повязанные» религиозными клятвами люди «сжигают мосты», им трудно, если не невозможно, «выйти из игры».

Расчет делается на то, что даже лишившимся иллюзий и осознавшим несправедливость своих действий участникам экстремистского формирования очень трудно будет покинуть его ряды: они будут страшиться, что их отказ от конфронтации с властями и переход к нормальной мирной жизни могут быть восприняты как предательство религии своего народа, как выступление против веры и Бога.

Введение понятия «религиозно-политический экстремизм», прежде всего, позволит более четко разделить явления, происходящие в религиозной сфере, от действий, совершаемых в мире политики, о имеющих религиозную мотивацию и религиозный камуфляж [3. с. 91].

В самом деле, разве можно считать однопорядковыми действия тех, кто обвиняет своих единоверцев в ереси за контакты с людьми других вероисповеданий или оказывает моральное давление на намеревающихся уйти из одной христианской религиозной общины в другую христианскую конфессиональную общность, и действия, выпадающие под статьи уголовного кодекса, которые предусматривают ответственность за переход государственной границы с оружием в руках с целью нарушения государственного единства страны или завоевания власти, за участие в бандформированиях, в убийствах людей, захвате заложников, даже если они мотивированы религиозными соображениями?

В обоих случаях мы имеем дело с экстремистскими действиями. Однако разница между ними чрезвычайно велика. Если в первом случае речь идет о проявлениях религиозного экстремизма, то во втором — налицо действия, входящие в содержание понятия «религиозно-политический экстремизм». Между тем и в средствах массовой информации и в специальной литературе все подобные действия объединяются одним понятием «религиозный экстремизм» («исламский экстремизм», «протестантский экстремизм» и т.д.).

Дифференциация понятий позволит более точно определить причины, порождающие ту или иную разновидность экстремизма, будет способствовать более правильному выбору средств и методов борьбы с ними, а, следовательно, будет способствовать прогнозированию событий и нахождению эффективных путей предупреждения и преодоления разных форм экстремизма.

Субъектами религиозно-политического экстремизма могут выступать как отдельные лица и группы, так и общественные организации (религиозные и светские) и

даже (на определенных этапах) целые государства и их союзы.

Религиозно-политический экстремизм можно отнести к одной из форм нелегитимной политической борьбы, т.е. не соответствующей нормам законности и этическим нормам, разделяемым большинством населения.

Использование насильственных способов борьбы и исключительная жестокость, проявляемая сторонниками религиозно-политического экстремизма, как правило, лишают его поддержки широких масс, в том числе и относящихся к тому вероисповеданию, последователями которого объявляют себя лидеры экстремистской группы. Как и легитимная политическая борьба, религиозно-политический экстремизм реализуется в двух основных формах: практико-политической и политико-идеологической.

Для религиозно-политического экстремизма характерно стремление к быстрому решению сложных проблем независимо от «цены», которую приходится платить за это. Отсюда упор на силовые методы борьбы. Диалог, договоренность, консенсус, взаимопонимание отвергаются им. Крайним проявлением религиозно-политического экстремизма является терроризм, представляющий собой совокупность особо жестоких форм и средств политического насилия. В последние десятилетия религиозно-политический экстремизм все чаще обращается к террору как средству достижения своих целей. Многочисленные факты такого рода мы наблюдаем в Чечне, Узбекистане, Югославии, Ольстере, на Ближнем Востоке и в других регионах Земли.

Стремясь вызвать или усилить в массах недовольство существующим строем и заполучить у них поддержку своих планов, сторонники религиозно-политического экстремизма в идейно-политической борьбе нередко берут на вооружение методы и средства психологической войны, обращаются не к разуму и логическим аргументам, а к эмоциям и инстинктам людей, к предрассудкам и предубеждениям, к разнообразным мифологическим конструкциям.

Манипулирование религиозными текстами и ссылки на богословские авторитеты в сочетании с представлением извращенной информации используются ими для создания эмоционального дискомфорта и подавления способности человека логически мыслить и трезво оценивать происходящие события. Угрозы, шантаж и провокации являются составными элементами «аргументации» религиозно-политических экстремистов.

Факторами, порождающими религиозно-политический экстремизм в нашей стране, следует назвать социально-экономический кризис, массовую безработицу, резкое падение жизненного уровня основной массы населения, ослабление государственной власти и дискредитацию ее институтов, неспособных решать назревшие вопросы общественного развития, распад прежней системы ценностей, правовой нигилизм, политические амбиции религиозных лидеров и стремление политиков использовать религию в борьбе за власть и привилегии.

Среди причин, способствующих усилению религиозно-политического экстремизма в России нельзя не назвать нарушения прав религиозных и этнических меньшинств, допускаемые должностными лицами, а также деятельность зарубежных религиозных и политических центров, нацеленная на разжигание в нашей стране политических, этнонациональных и межконфессиональных противоречий [4. с. 45].

Религиозный экстремизм следует рассматривать как крайнюю форму религиозного фанатизма. Суть любого экстремизма, в том числе и религиозного, — в применении насилия к инакомыслящим. Религиозный экстремизм — это как раз приверженность к крайним взглядам и мерам в стремлении переустройства мира в соответствии с религиозной фанатической идеологией.

Религиозный фанатизм превращается в экстремизм тогда, когда нет никаких иных «удерживающих» форм идентификации: национальных, гражданских, родовых, имущественных, клановых, корпоративных. «Чистая религиозность» (катарство) требует очищения внешнего мира, так рождается религиозный экстремизм. Его религиозный нерв — в обращенности не вовнутрь, а вовне. Его цель — не внутреннее преображение личности (это оказывается вторичным), а внешнее преображение мира. Если фундаментализм — катарская проповедь для своих, то экстремизм — это жесткое отношение к чужим. Но в этой направленности религиозный экстремизм еще не переходит в форму открытого насилия. Призыв к насилию и насилие — все-таки разные вещи. Однако именно религиозный экстремизм становится последней ступенью к терроризму.

Роль ислама в общественно-политической жизни республик Северного Кавказа с каждым годом усиливается, соответственно увеличивается политическое влияние традиционных исламских институтов. Вместе с тем, мы вынуждены констатировать, что ислам не стал консолидирующим фактором для северокавказцев, среди которых по-прежнему преобладающим является фактор этнической и общинной принадлежности, что также сыграло свою роль в развитии и эскалации религиозно-политического конфликта.

Взаимосвязь этнического и религиозного факторов способствовала тому, что в ходе многочисленных конфликтов ислам на Северном Кавказе используется для упрочения своих позиций и усиления политического влияния различными политическими, в том числе сепаратистскими и другими деструктивными силами.

Многие страны сталкиваются с действиями экстремистских организаций религиозного толка. Особое внимание в борьбе с «тремя злами» терроризмом, сепаратизмом, экстремизмом уделяет Шанхайская организация сотрудничества (ШОС). Данная организация была создана на базе «Шанхайской пятёрки», в которую вошли Россия, Казахстан, Киргизстан, Китай и Таджикистан. Задачей этой организации является борьба с международным терроризмом, религиозным экстремизмом и национальным сепаратизмом [5. с. 68].

Законодательство РФ о свободе вероисповедания и религиозных объединениях запрещает пропаганду религиозного экстремизма, а также совершение действий, направленных на использование межконфессиональных различий в политических целях. Закон о противодействии экстремистской деятельности определяет правовые и организационные основы защиты прав и свобод человека, основ конституционного строя, обеспечения целостности и безопасности России.

Противодействие экстремизму осуществляется по следующим основным направлениям: принятие профилактических мер, направленных на предупреждение экстремизма, в том числе на выявление и последующее устранение причин и условий, способствующих его осуществлению; выявление и пресечение экстремизма; международное сотрудничество в области противодействия экстремизму.

В целях противодействию и профилактике распространения идей религиозного экстремизма, терроризма и сепаратизма Департаментом юстиции совместно с Департаментом внутренней политики, Православной церкви и правоохранительными органами проводится ряд профилактических мероприятий.

Мощным средством противодействия распространению экстремизма может стать активная пропаганда духовно-нравственных ценностей и традиций наших народов: их патриотизма, веротерпимости, присущего им обостренного чувства ответственности за судьбу будущих поколений, векового опыта преодоления жизненных трудностей совместными усилиями [6-с. 83].

Требуется комплексный подход к осуществлению противодействия религиозно-политическому экстремизму и терроризму, который включал бы в себя меры регулирующего, запретительного и профилактического характера. Как показывает анализ международного и национального опыта по противодействию религиозно-политическому экстремизму и терроризму, наиболее эффективными в этой области мерами являются совершенствование правовой базы, укрепление и совершенствование деятельности спецслужб, усиление борьбы с финансированием религиозно-политического экстремизма и терроризма, а также активизация разъяснительной и пропагандистско-идеологической работы.

К наиболее эффективным путям преодоления идеологии религиозно-политического экстремизма и терроризма относятся:

- органы государственной власти РФ должны расширить взаимодействие государственных органов и религиозных объединений по всем направлениям сотрудничества, в первую очередь в активизации борьбы с проявлениями религиозно-политического экстремизма и терроризма, борьбе с преступностью, в духовно-нравственном оздоровлении общества;

- муниципальные органы власти должны уделять особое внимание воспитанию населения в духе нацио-

нальной и религиозной терпимости, непринятия идеологии религиозно-политического экстремизма и терроризма;

- главный упор в стратегии противодействия религиозно-политическому экстремизму и терроризму следует делать на улучшении социально-экономической ситуации в регионе, так как это способствует урегулированию социально-политических конфликтов и существенно сужает социальную базу религиозно-политических экстремистов и террористов;

- одновременно следует принимать решительные меры по перекрытию каналов финансирования экстремистов и террористов из-за рубежа и из местных источников;

- в плане блокирования терроризма, как уголовного проявления, следует совершенствовать правовую базу, укреплять и совершенствовать деятельность специальных служб, а также активизировать идеологическую работу;

- укрепить международные аспекты этноконфессиональной политики РФ, предпринять энергичные меры, препятствующие распространению различных экстремистских течений ислама, питающих сепаратизм, терроризм;

- в связи с тем, что усилия, предпринимаемые государственными и общественными институтами по борьбе религиозно-политическим экстремизмом и терроризмом, не оказались адекватными остроте проблемы и бесчеловечные теракты продолжают, требуется комплексный подход к осуществлению противодействия религиозно-политическому экстремизму и терроризму, при котором предусматривались бы меры не только регулирующего и запретительного, но и профилактического характера.

Противодействие религиозному экстремизму, терроризму и сепаратизму становится насущной проблемой сегодняшнего дня и требует от органов государственной власти всех уровней, а также объединения усилий всего мирового сообщества в принятии решительных, эффективных мер и согласованных действий, направленных на предупреждение и пресечение проявлений любых форм религиозного экстремизма, терроризма и сепаратизма.

Для решения проблемы профилактики и борьбы с религиозным экстремизмом и терроризмом, обеспечения процесса оздоровления социально-политической обстановки необходимо использовать адекватные средства психологического и идеологического воздействия на носителей подобных идей. В средствах массовой информации, мечетях и церквях, школах и высших учебных заведениях необходимо вскрывать антигуманистическую природу религиозного фанатизма и экстремизма, вести разъяснительную работу среди верующих, объясняя и доказывая утопичность и деструктивность фанатической идеологии и практики, пропагандировать гуманистическую идеологию и гуманистические ценности.

Литература:

1. Авцинова Г.И. Экстремизм политический: реалии и мифы // Мир современной науки. № 4. — С. 12.
2. Амирокова Р.А. Политический экстремизм: к постановке проблемы // Актуальные проблемы российского права. 2011. № 6. — С. 58.
3. Залужный А.Г. Некоторые проблемы защиты конституционных прав и свобод граждан от экстремистских проявлений // Конституционное и муниципальное право. 2007. № 4. — С. 91.
4. Бурковская В.А. Актуальные проблемы борьбы с криминальным религиозным экстремизмом в современной России // Мир юридической науки. 2009. — С. 45.
5. Арухов З.С. Экстремизм в современном исламе. Очерки теории и
6. практики // Евразийский юридический журнал. 2012. — С. 68.
7. Залужный А.Г. Экстремизм. Сущность и способы противодействия // Современное право. 2012. № 12. — С. 83.

Особенности трактовки понятия «необоснованность» как признака объективной стороны состава преступления, предусмотренного ст. 145 УК РФ

Дядюн Кристина Владимировна, кандидат юридических наук, доцент
Владивостокский филиал Российской таможенной академии

Уголовная ответственность за необоснованный отказ в приеме на работу или необоснованное увольнение беременной женщины или женщины, имеющей детей в возрасте до 3-х лет, является одной из форм правовой защиты материнства и детства, регламентированных Конституцией РФ (ст. 38). Международная конвенция о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин содержит запрет увольнения с работы на основании беременности или отпуска по беременности и родам или дискриминации при увольнении ввиду семейного положения (п. «а» ч. 2 ст. 11) [3, с. 370]. В Трудовом кодексе РФ содержатся специальные гарантии для беременных; женщин, имеющих малолетних детей; лиц с семейными обязанностями.

Объективная сторона состава ст. 145 УК РФ характеризуется необоснованным отказом в приеме на работу/ необоснованным увольнением беременной женщины или женщины, имеющей детей в возрасте до 3-х лет. Возникает вопрос, что понимать под термином «необоснованное»? Трактовка данного понятия характеризуется разночтениями. Одни исследователи полагают, что необоснованный отказ в приеме на работу/ необоснованное увольнение присутствуют в случае нарушения норм Трудового кодекса РФ [1, с. 115]. Другие считают, что необоснованным в контексте рассматриваемой нормы следует считать такие отказ в приеме на работу или увольнение, которые не связаны с объективно существующими и предусмотренными законодательством препятствиями для приема на работу или продолжения работы беременной женщины или женщины, имеющей детей в возрасте до 3-х лет [5, с. 607]. Однако указанные трактовки довольно расплывчаты и не позволяют в полной мере раскрыть содержание анализируемого термина.

Так, например, беременная женщина может быть уволена /не принята на работу с соблюдением всех требований ТК РФ. Работодатель может обосновать отказ в приеме на работу/увольнение воздействием «возможных» неблагоприятных факторов производства, невозможность перевода на другую работу беременной женщины в связи с отсутствием вакансий либо недостаточностью квалификации женщины для соответствующей работы. Также всегда можно «найти» основания законного увольнения, например, обосновать факт совершения аморального поступка (п. 8 ст. 81 ТК РФ; ч.4, 5 ст. 261 ТК РФ). Наконец, работодатель может создать условия, вынуждающие женщину написать заявление об увольнении по собственному желанию. При правильном документальном оформлении доказать действительную необоснованность увольнения практически невозможно.

При отказе в приеме на работу работодатель также может сослаться на неблагоприятные производственные факторы и отсутствие соответствующей вакантной должности. Как правило, отказ в приеме на работу выражается в завуалированной форме, «прикрывается» законным поводом. Увольнение «нежелательной» работницы может быть сопряжено с давлением на потерпевшую с целью добиться ее увольнения по собственному желанию. Например, работодатель может сообщить беременной женщине, что выплатит выходное пособие на основании «черной» зарплаты, если она напишет заявление об увольнении по собственному желанию, и пригрозить, что в случае отказа она будет получать только «белую» заработную плату, прописанную в договоре. Наличие подобных ситуаций возможно в наше время на достаточно большом количестве предприятий, где при приеме на работу в договоре (подписанном работником!)

указывается «белая» зарплата, существенно отличающаяся от реальной. При грамотном подходе такие действия далеко не всегда можно выявить и установить их необоснованность. При возникновении споров истину практически невозможно доказать. В таких ситуациях женщина, написав заявление по собственному желанию, впоследствии не сможет доказать необоснованность действий работодателя в силу отсутствия письменных доказательств, свидетелей разговора с работодателем, при этом существует документ — ее собственное заявление об увольнении.

Также могут быть ситуации, когда работодатель в открытой форме отказывает беременной женщине/женщине, имеющей детей в возрасте до 3-х лет, в приеме на работу, однако потерпевшая в большинстве таких случаев просто уходит и впоследствии не может доказать факт необоснованного отказа. Хотя на основании ст. 64 ТК РФ лицо, которому отказано в заключении трудового договора, может потребовать от работодателя сообщение причин отказа в письменной форме. Именно такой документ и может впоследствии использоваться при доказывании необоснованности отказа в приеме на работу, если изложенные причины не соответствуют действительности. Однако, как уже отмечалось, на практике лица редко требуют такой документ, большинство даже не знают о наличии у них такого права.

Следует отметить, у рассматриваемого вопроса существует и другая сторона. Так, женщину могут уволить по общим основаниям. Однако она укажет в суде, что трудовой договор был расторгнут по мотиву беременности, о которой работодатель мог искренне и не подозревать. В подобных случаях априори работодатель выглядит негативно, и решение может быть принято и не в его пользу. Кроме того, многие женщины злоупотребляют своим положением, устраиваясь на работу только в целях получения соответствующих льгот и компенсаций. Также на практике возникают ситуации, когда беременная женщина не исполняет трудовые обязанности или исполняет их не должным образом, нарушая законные интересы и работодателя, и других лиц (не появляется на работе; работая учителем или воспитателем, применяет методы воспитания, связанные с физическим и (или) психическим насилием над личностью обучающегося, воспитанника и т.п.). Но в свете ст. 261 ТК увольнение в таких случаях тоже считается противоправным и в соответствии с буквой закона работодатель может привлекаться к уголовной ответственности по ст. 145 УК. Представляется, что подобные ситуации не должны рассматриваться в рамках состава преступления ст. 145 УК РФ. Этот вывод основан на положении, содержащемся в ч. 3 ст. 17 Конституции РФ, согласно которому осуществление прав и свобод человека и гражданина не должно нарушать права и свободы других лиц, на приоритете положений Конституции перед отраслевым законодательством. В связи с изложенным некоторые исследователи обосновано предлагают расширить

перечень оснований расторжения трудового договора с беременной женщиной во избежание указанных несоответствий [2, с. 146].

На мой взгляд, выходом из подобных ситуаций представляется более четкое определение понятия необоснованности. Так, в толковом словаре термин необоснованность трактуется как: неподтвержденность фактами, серьезными доводами, неубедительность [4, с. 408]. В соответствии с п. 10 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 17.03.2004 № 2 (в ред. от 28.09.2010) «О применении судами РФ Трудового кодекса РФ» «необоснованность» понимается как оценочный признак, содержание которого составляет несоответствие принятого решения деловым качествам работника, руководство иными мотивами (мотивы, связанные с беременностью или наличием детей). В то же время подчеркивается, что «заключение трудового договора с конкретным лицом, ищущим работу, является правом, а не обязанностью работодателя»; а также то, что «поскольку действующее законодательство содержит лишь примерный перечень причин, по которым работодатель не вправе отказать в приеме на работу лицу, ищущему работу, вопрос о том, имела ли место дискриминация при отказе в заключении трудового договора, решается судом при рассмотрении конкретного дела».

«Если судом будет установлено, что работодатель отказал в приеме на работу по обстоятельствам, связанным с деловыми качествами данного работника, такой отказ является обоснованным.

Под деловыми качествами работника следует, в частности, понимать способности физического лица выполнять определенную трудовую функцию с учетом имеющихся у него профессионально-квалификационных качеств (например, наличие определенной профессии, специальности, квалификации), личностных качеств работника (например, состояние здоровья, наличие определенного уровня образования, опыт работы по данной специальности, в данной отрасли).

Кроме того, работодатель вправе предъявить к лицу, претендующему на вакантную должность или работу, и иные требования, обязательные для заключения трудового договора в силу прямого предписания федерального закона, либо которые необходимы в дополнение к типовым или типичным профессионально-квалификационным требованиям в силу специфики той или иной работы (например, владение одним или несколькими иностранными языками, способность работать на компьютере)» [6].

Таким образом, необоснованность в контексте анализируемого состава преступления следует рассматривать как отсутствие законных и фактических оснований, серьезных убедительных доводов принятого решения, подтверждающих фактов, либо противоречие данных факторов реальному положению дел. В любом случае необходимо документальное подтверждение конкретного решения, в частности: письменный мотивированный отказ в приеме на работу на основании которого можно

установить соответствие либо несоответствие указанных причин действительности.

Исходя из изложенного, действующая редакция признаков объективной стороны состава ст. 145 УК РФ не отвечает целям своего создания, не обеспечивает надлежащего уровня защиты указанной категории лиц, влечет сложности правоприменения. Соответственно, видится целесообразным ее изменение: термин «необоснованный (необоснованное)» заменить более адекватным понятием «по обстоятельствам, не связанным с деловыми и профессиональными качествами...»

Предложенная редакция очерчивает критерии обоснованности решения на основе рекомендаций Пленума

Верховного Суда РФ. Кроме того, предложенная трактовка необоснованности позволяет извлечь из сферы действия уголовного закона случаи увольнения указанной категории лиц по основаниям, не предусмотренным ст. 261 ТК РФ, что представляется разумным и целесообразным, обеспечивающим реализацию положений ч. 3 ст. 17 Конституции РФ и пресекающим излишние злоупотребления со стороны означенных лиц. Также указанный признак менее сложен в доказывании, т.к. позволяет провести анализ соответствия конкретного решения определенным требованиям к кандидату на должность и законным основаниям расторжения трудового договора по инициативе работодателя.

Литература:

1. Гаухман Л.Д., Максимов С.В. Уголовное право. Особенная часть. М., 2005.
2. Качина Н.В. Необоснованность как признак состава преступления, предусмотренного ст. 145 УК РФ // Актуальные проблемы борьбы с преступностью в Сибирском регионе: сб. материалов междунар. науч.-практ. конф. Красноярск, 2007.
3. Конвенции о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин от 18 декабря 1979 г. // Международные акты о правах человека: сборник документов. М., 2002.
4. Ожегов С.И., Швецова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М., 2007.
5. Полный курс уголовного права в 5-и томах. Т. II. Преступления против личности / под ред А.И. Коробеева. СПб., 2008.
6. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 17 марта 2004 г. N 2 «О применении судами РФ Трудового кодекса РФ (в ред. Постановлений Пленума Верховного Суда РФ от 28.12.2006 N 63, от 28.09.2010 N 22)/Правовая система Референт. URL: // portal@referent.ru.

Уголовно-правовая характеристика состава преступления, предусмотренного ст. 159.4 УК РФ

Ефимова Мария Прометеевна, старший преподаватель
Северо-Восточный федеральный университет им.М. К. Аммосова (г. Якутск)

Федеральным законом Российской Федерации от 29 ноября 2012 г. № 207-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» были внесены изменения, касающиеся п.4 примечаний к статье 158, статьи 159, а также были введены новые составы мошенничества. [1]

Законодатель разграничил по соответствующим статьям мошенничество в зависимости от способа его совершения. Таким образом, законодатель установил следующие виды мошенничества: мошенничество путем представления банку или иному кредитору заведомо ложных и (или) недостоверных сведений (ст. 159.1 УК); мошенничество при получении различных социальных выплат (ст. 159.2 УК); мошенничество с использованием поддельной или принадлежащей другому лицу кредитной, расчетной или иной платежной карты (ст. 159.3 УК); мошенничество в сфере предпринимательской деятельности (ст. 159.4 УК); мошенничество

путем обмана относительно наступления страхового случая, а равно размера страхового возмещения, подлежащего выплате в соответствии с законом либо договором страхователю или иному лицу (ст. 159.5 УК); мошенничество в сфере компьютерной информации (ст. 159.6 УК). [1]

Ранее все эти способы мошенничества предусматривались одним составом преступления, предусмотренного статьей 159 Уголовного кодекса (Мошенничество). Статьей 159.4 УК РФ устанавливается уголовная ответственность за совершение мошенничества в сфере предпринимательской деятельности.

Мошенничество является формой хищения, поэтому ему присущи все признаки этого понятия.

Предметом мошенничества может быть не только имущество, но и право на него, отдельные правомочия по имуществу.

Способы мошенничества — обман и злоупотребление доверием.

Обман при мошенничестве может выразиться в ложном утверждении о том, что заведомо не соответствует действительности, либо в умышленном умолчании о фактах, сообщение которых было обязательно. Обман при мошенничестве может касаться действительных намерений виновного; обман возможен и в отношении личности мошенника, его должности либо общественного положения, профессии. В содержание обмана могут входить и другие обстоятельства. [8, с. 408]

Злоупотребление доверием возможно, когда виновный использует определенные гражданско-правовые (договорные) отношения, основанные на доверии сторон, при получении от граждан денег под условием выполнения обязательств, впоследствии невыполненных. [8, с. 409]

Непосредственным объектом преступления являются общественные отношения, складывающиеся в процессе осуществления определенной сферы предпринимательской деятельности.

Предпринимательская деятельность — самостоятельная, осуществляемая на свой риск деятельность, направленная на систематическое получение прибыли от пользования имуществом, продажи товаров, выполнения работ или оказания услуг лицами, зарегистрированными в этом качестве в установленном законом порядке. Субъектами предпринимательской деятельности могут быть не ограниченные в своей дееспособности граждане РФ, иностранные граждане, лица без гражданства, а также российские и иностранные юридические лица. [7, с. 580]

Согласно ст. 23 Гражданского кодекса РФ, гражданин вправе заниматься предпринимательской деятельностью без образования юридического лица с момента государственной регистрации в качестве индивидуального предпринимателя. [5]

Глава крестьянского (фермерского) хозяйства, осуществляющего деятельность без образования юридического лица, признается предпринимателем с момента государственной регистрации крестьянского (фермерского) хозяйства.

Государственная регистрация — это акт уполномоченного федерального органа исполнительной власти, осуществляемый путем внесения в единые государственные реестры сведений о создании, реорганизации и ликвидации юридического лица, о приобретении физическим лицом статуса индивидуального предпринимателя, о прекращении предпринимательской деятельности, а также при внесении изменений в учредительные документы. Государственные реестры являются федеральными информационными ресурсами.

Юридическим лицом признается организация, которая имеет в собственности, хозяйственном ведении или оперативном управлении обособленное имущество и отвечает по своим обязательствам этим имуществом, может от своего имени приобретать и осуществлять имущественные и личные неимущественные права, нести обязан-

ности, быть истцом и ответчиком в суде. Юридические лица должны иметь самостоятельный баланс или смету.

Согласно ст. 49 ГК РФ юридическое лицо может иметь гражданские права, соответствующие целям деятельности, предусмотренным в его учредительных документах, и нести связанные с этой деятельностью обязанности. [5]

Коммерческие организации, за исключением унитарных предприятий и иных видов организаций, предусмотренных законом, могут иметь гражданские права и нести гражданские обязанности, необходимые для осуществления любых видов деятельности, не запрещенных законом.

Отдельными видами деятельности, перечень которых определяется Федеральным законом от 4 мая 2011 N 99-ФЗ (ред. от 25.06.2012) «О лицензировании отдельных видов деятельности», юридическое лицо может заниматься только на основании специального разрешения (лицензии). [2]

Правоспособность юридического лица возникает в момент его создания и прекращается в момент внесения записи о его исключении из единого государственного реестра юридических лиц.

Право юридического лица осуществлять деятельность, на занятие которой необходимо получение лицензии, возникает с момента получения такой лицензии или в указанный в ней срок и прекращается по истечении срока ее действия, если иное не установлено законом или иными правовыми актами.

Юридическими лицами могут быть организации, преследующие извлечение прибыли в качестве основной цели своей деятельности (коммерческие организации) либо не имеющие извлечение прибыли в качестве такой цели и не распределяющие полученную прибыль между участниками (некоммерческие организации).

Юридические лица, являющиеся коммерческими организациями, могут создаваться в форме хозяйственных товариществ и обществ, хозяйственных партнерств, производственных кооперативов, государственных и муниципальных унитарных предприятий.

Юридические лица, являющиеся некоммерческими организациями, могут создаваться в форме потребительских кооперативов, общественных или религиозных организаций (объединений), учреждений, благотворительных и иных фондов, а также в других формах, предусмотренных законом.

Некоммерческие организации могут осуществлять предпринимательскую деятельность лишь постольку, поскольку это служит достижению целей, ради которых они созданы, и соответствующую этим целям. Допускается создание объединений коммерческих и (или) некоммерческих организаций в форме ассоциаций и союзов. [7, с. 445]

Согласно ст. 51 Гражданского кодекса РФ, юридическое лицо подлежит государственной регистрации в уполномоченном государственном органе в порядке, определяемом законом о государственной регистрации юридических лиц. Данные государственной регистрации

включаются в единый государственный реестр юридических лиц, открытый для всеобщего ознакомления.

Юридическое лицо считается созданным со дня внесения соответствующей записи в единый государственный реестр юридических лиц.

Регистрация осуществляется на основании Федерального закона от 8 августа 2001 № 129-ФЗ (ред. от 01.04.2012) «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей». [3]

Согласно ст. 13 Федерального Закона «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» от 25 июля 2002 г. № 115-ФЗ (ред. от 06.12.2011), иностранные граждане пользуются правом свободно распоряжаться своими способностями к труду, выбирать род деятельности и профессию, а также правом на свободное использование своих способностей и имущества для предпринимательской и иной не запрещенной законом экономической деятельности с учетом ограничений, предусмотренных федеральным законом. [4]

Осуществление предпринимательской деятельности иностранными гражданами и лицами без гражданства регулируется Гражданским кодексом РФ, а также указанными нормативно-правовыми актами.

Объективная сторона преступления характеризуется преднамеренным неисполнением лицом договорных обязательств.

Преднамеренное неисполнение договорных обязательств состоит в открытом нежелании лица исполнить обязательства, предусмотренные гражданско-правовым договором.

Гражданским законодательством Российской Федерации устанавливается ответственность за ненадлежащее исполнение обязательств и за неисполнение обязательств.

Криминализируя деяние, предусмотренное ст. 159.4 УК РФ, законодатель установил уголовную ответственность за умышленное неисполнение гражданско-правовых обязательств.

Вступления в законную силу соответствующего решения суда в порядке гражданского судопроизводства не требуется.

Содержание мошеннического обмана здесь составляют так называемые ложные обещания, когда виновный в целях завладения имуществом обманывает потерпевшего относительно своих действительных намерений. Примером может служить завладение деньгами, получен-

ными в качестве аванса по договору, который мошенник не имеет намерения выполнить. [9, с. 191]

Состав преступления материальный.

Законодатель не устанавливает конкретных сроков касательно момента «выяснения» потерпевшим неисполнения обязательств виновным. Предполагается, что если виновный не исполнил в установленный договором срок, свои обязательства и имеются все основания полагать, что он не стремится и не желает их исполнить, то потерпевший на законных основаниях имеет право обратиться с соответствующим заявлением в правоохранительные органы.

Субъект преступления — лицо, обязанное по гражданско-правовому договору выполнить обязательства (например, передать имущество; выполнить работу; оплатить стоимость, приобретенного имущества и т.д.).

Субъективная сторона характеризуется прямым умыслом и наличием корыстной цели.

О наличии умысла, направленного на хищение, могут свидетельствовать, в частности, заведомое отсутствие у лица реальной финансовой возможности исполнить обязательства или необходимой лицензии на осуществление деятельности, направленной на исполнение его обязательств по договору, использование лицом фиктивных уставных документов или фальшивых гарантийных писем, сокрытие информации о наличии задолженностей и залогов имущества, создание лжепредприятий, выступающих в качестве одной из сторон в сделке. [6]

Пленум Верховного Суда Российской Федерации в Постановлении от 27 декабря 2007 г. № 51 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» дал судам следующее разъяснение: «судам следует учитывать, что указанные обстоятельства сами по себе не могут предрешать выводы суда о виновности лица в совершении мошенничества. В каждом конкретном случае необходимо с учетом всех обстоятельств дела установить, что лицо заведомо не намеревалось исполнять свои обязательства». [6]

Квалифицированный состав, указанный в части 2 предусматривает то же деяние, совершенное в крупном размере. Согласно примечанию к статье 159.1 УК, крупным размером признается стоимость имущества, превышающая один миллион пятьсот тысяч рублей.

Особо квалифицированный состав предусматривает то же деяние, совершенное в особо крупном размере. Особо крупным размером признается стоимость имущества, превышающая шесть миллионов рублей. [1]

Литература:

1. Федеральный закон Российской Федерации от 29 ноября 2012 г. № 207-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» [электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант плюс».
2. Федеральный закон от 04.05.2011 N 99-ФЗ (ред. от 25.06.2012) «О лицензировании отдельных видов деятельности» [электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант плюс».
3. Федеральный закон от 08.08.2001 № 129-ФЗ (ред. от 01.04.2012) «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей» [электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант плюс».

4. Федеральный закон от 25.07.2002 N 115-ФЗ (ред. от 06.12.2011) «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» [электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант плюс».
5. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ [электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант плюс».
6. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 декабря 2007 г. № 51 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» [электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант плюс».
7. Большой юридический словарь. / Под ред. А.Я. Сухарева. — М.: Инфра-М, 2006. — VI, 858 с. — (Б-ка словарей «ИНФРА-М»).
8. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / Отв. Ред. А.В. Наумов. — М.: Юрист, 1997.
9. Российское уголовное право: учеб.: в 2 т. Т.2. Особенная часть / Г.Н. Борзенков, Л.В. Иногамова-Хегай, В.С. Комиссаров [и др.]; под ред. Л.В. Иногамова-Хегай, В.С. Комиссарова, А.И. Рарога. — М.: ТК Велби, Изд-во Проспект, 2007. — 664 с.

Освобождение от уголовной ответственности по нормам Особенной части Уголовного кодекса РФ

Янкина Марина Алексеевна, студент

Саратовский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского

В уголовном законодательстве Российского государства основная масса норм устанавливает обязанность лица понести наказание за совершенное им преступление. Но вместе с тем существует ряд положений, устанавливающих обязанность или право государства, в лице его правоохранительных органов, освободить лицо, совершившее преступление, от уголовной ответственности или наказания, либо смягчить наказание. Это говорит о том, что одними лишь мерами наказания невозможно добиться снижения числа совершаемых преступлений и обеспечить более полную их раскрываемость. Отказ государства от неотвратимого использования наказания, выведение тех или иных форм поведения за пределы действия уголовного законодательства определяются, прежде всего, влиянием социальных условий, а также находящим все более широкое признание выводом о том, что наказание — не «абсолютное оружие» в пресечении и предупреждении преступных проявлений.

Весьма актуальным в данной связи является предусмотренный в УК РФ институт деятельного раскаяния, служащий способом разрешения уголовно-правовых конфликтов, который включает в себя так называемые поощрительные (стимулирующие) нормы, побуждающие лицо, совершившее преступление, явиться с повинной, устранить причиненный преступлением вред, помочь правоохранительным органам в изобличении преступников и раскрытии преступлений. Нормы данного института в юридической литературе получили название «меры компромисса в борьбе с преступностью», «меры альтернативные уголовному преследованию».

Правовое значение деятельного раскаяния состоит в том, что оно облегчает раскрытие совершенных преступлений, является одним из оснований и условий смягчения

уголовной ответственности, вплоть до освобождения от наказания в случаях, предусмотренных законом. Помимо полного признания лицом своей вины и его раскаяния в совершении преступления, оно включает в себя и постпреступное поведение (предотвращение вредных последствий содеянного, способствование раскрытию преступления и т.п.). Деятельное раскаяние лица, совершившего преступление, является не только индивидуальным выражением психических свойств и состояний субъекта в связи с его отрицательной оценкой противоправных деяний, но и представляет собой совокупность активных и волевых поступков, объективно подтверждающих раскаяние. Такое поведение является социально полезным, вызывает положительную оценку в обществе, поощряется государством закрепленными в законе правовыми гарантиями смягчения наказания или полного освобождения от уголовной ответственности.

Для понимания исследуемой проблемы считаю необходимым рассмотреть исторический опыт возникновения и развития института освобождения от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием.

Попытки исследовать социальную, правовую и психологическую природу подобного поведения человека имеют глубокие исторические корни. Еще в Ветхом Завете Библии о раскаянии было сказано: «Скрывающий свои преступления не будет иметь успеха; а кто сознается и оставляет их, тот будет помилован».

Норма деятельного раскаяния впервые была зафиксирована на Руси источником уголовного права «Русская Правда», являющийся своеобразным уголовным кодексом. Согласно этому закону лицо, растратившее товар, освобождалось от наказания при уплате его стоимости владельцу. По делам о воровстве «...кто, не будучи задерживаемым, сам приносил владельцу им похищенное... не

подвергался никакой ответственности». [1] Законодатель того периода придает особое значение предотвращению наступления общественно опасных последствий преступного поведения. Анализ различных правовых актов (Псковская судная грамота 1397 г., Соборное Уложение 1649 г., Артикулы воинские Петра Первого, Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. и другие) позволяет выявить использование с этой целью уголовно-правовых мер стимулирования к позитивному поведению после совершенного преступления. Так, например, предусматривалось значительное снижение наказания раскаявшимся в содеянном преступникам, явившимся с повинной, если в результате такого посткриминального поведения создавалась возможность предупредить вредные, общественно опасные последствия совершенного ими преступления. Следует полагать, что законодатель, будучи заинтересованным в предотвращении общественно опасных последствий, нормативно закрепил стимул для раскаяния в содеянном, предполагая, что виновный будет более активно сотрудничать с органами следствия. [2]

Артикулы Воинские Петра I, предусматривающие смертную казнь за дезертирство, значительно смягчали наказание лицам, которые «после своего побегу, раскаясь по дороге, сами возвратятся и добровольно у своего офицера явятся». Смертная казнь таким лицам заменялась наказанием шпицрутенами либо другим более мягким наказанием. [3]

Свод законов 1832 г. (ст. 128) и Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. (ст. 319–324 и др.) указывали на значительное снижение наказания явившимся с повинной, раскаявшимся преступникам, когда в результате такого поведения создавалась возможность предупредить вредные последствия.

Первыми декретами и постановлениями Правительства России 1918, 1921 гг. устанавливалась ненаказуемость взяточдателей и посредников во взяточничестве, если они своевременно заявят о вымогательстве взятки и окажут помощь в раскрытии преступления. Законодатель конкретизировал положительные посткриминальные поступки, которые определялись как проявление деятельного раскаяния и служили основанием освобождения от уголовной ответственности (Декрет Совета Народных Комиссаров «О борьбе со взяточничеством» от 16 августа 1921 г., Декрет Совета Народных Комиссаров «О порядке реквизиции и конфискации имущества частных лиц и обществ» от 17 октября 1921 г.).

При анализе правовых актов того периода, можно сделать вывод о том, что законодатель делал акцент на достоверность установленного факта положительного постпреступного поведения, а также на добровольность и своевременность таких действий. Примечательно, что была установлена возможность освобождения от уголовной ответственности виновного не только судом, но и органами дознания и следствия (постановление Петроградского ЧК «О хранении и сдаче оружия» от 21 марта

1918 г., Декрет Совета Народных Комиссаров «О порядке реквизиции и конфискации имущества частных лиц и обществ» от 17 октября 1921 г.).

В УК РСФСР 1960 г. (п. «б» ст. 64, ст. 174, 2133, 218, 224) появляются специальные нормы, согласно которым виновное лицо освобождалось от уголовной ответственности даже при окончанном преступлении, при условии совершения им определенных положительных посткриминальных поступков. [4]

Освобождение от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием по современному российскому законодательству» содержит анализ целого ряда вопросов, связанных с положением исследуемых норм в действующем Уголовном кодексе, а также раскрывает определение юридической природы освобождения от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием.

Принятие Уголовного кодекса РФ 1996 г. значительно способствовало развитию института освобождения от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием. Так, освобождение от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием сформулировано в отдельной статье Общей части, а количество специальных видов освобождения от уголовной ответственности по данному основанию возросло в несколько раз.

К институту деятельного раскаяния в современном законодательстве России относится целый ряд норм материального и процессуального права. Прежде всего, это нормы, закрепленные в ст. 75 УК РФ. (Освобождение от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием). Согласно этой статье деятельное раскаяние представляет собой добровольные и активные действия лица, совершившего преступление небольшой тяжести или средней тяжести, может быть освобождено от уголовной ответственности, если после совершения преступления добровольно явилось с повинной, способствовало раскрытию и расследованию преступления, возместило причиненный ущерб или иным образом загладило вред, причиненный в результате преступления, и вследствие деятельного раскаяния перестало быть общественно опасным. [5]

В УК РФ в настоящее время примечания, предусматривающие «специальные» (или особенные) виды освобождения от уголовной ответственности, содержат 19 статей Особенной части — ст. 122 (введено ФЗ № 162 от 8 декабря 2003 г.), 126, 127–1 (введено ФЗ № 162 от 8 декабря 2003 г.), 204, 205, 205.1 (введено ФЗ № 103 от 24 июля 2002 г.), 206, 208, 210 (введено ФЗ № 162 от 8 декабря 2003 г.), 222, 223, 228, 275, 276, 278, 282.1, 282.2 (введено ФЗ № 114 от 25 июля 2002 г.), 291, 307. Далеко не все из перечисленных норм-примечаний могут быть отнесены к институту деятельного раскаяния, несмотря на то, что освобождение от уголовной ответственности по основаниям, установленными указанными нормами, регулируется ст. 75 УК РФ и ст. 28 УПК РФ.

Увеличение количества данных норм в УК РФ, по сравнению с УК РСФСР, в котором на момент принятия но-

вого УК было всего шесть подобных норм, объясняется стремлением законодателя предотвратить вред, который может быть причинен гражданам, обществу или государству, защитить их интересы, возместить причиненный ущерб, способствовать раскрытию и предупреждению преступлений, стимулировать лиц, совершивших преступления к самообнаружению.

Новая концепция деятельного раскаяния, нашедшая законодательное закрепление в УК РФ и УПК РФ, заключается в том, что ныне это понятие приобрело статус комплексного межотраслевого института, охватывающего нормы уголовного и уголовно-процессуального законодательства. Новизна указанных норм, отсутствие законодательного определения порядка и устоявшейся практики их применения, существенные противоречия в содержании ст. 75 УК РФ и примечаний к статьям Особенной части УК РФ, позволяющим освобождать лиц от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием, порождают целый ряд вопросов, вызывающих определенные сложности при разрешении конкретных уголовных дел, что определяет своевременность и актуальность избранной темы. В юридической литературе и в правоприменительной практике нет единого мнения относительно путей разрешения указанных несоответствий.

Не все виды освобождения от уголовной ответственности, предусмотренные в примечаниях к статьям Особенной части УК РФ, относятся к случаям деятельного раскаяния.

Так при самовольном оставлении части или места службы (ст.337) и дезертирство (ч.1 ст.338) предусмотрены такие условия освобождения от уголовной ответственности, как совершения преступления впервые и в результате стечения тяжелых обстоятельств. Эти условия ничего общего с деятельным раскаянием не имеют, поскольку уголовный закон не называет ни одного позитивного постпреступного действия.

Не ставя под сомнение целесообразность применения к ст.291 УК РФ, следует отметить, что отнесение освобождения от уголовной ответственности за дачу взятки в случаях, когда имело место вымогательство взятки со стороны должностного лица, к разновидностям деятельного раскаяния также представляется неверным, так как в этом случае законодатель не связывает освобождение от уголовной ответственности с позитивным поведением в социально полезном направлении. То же самое можно сказать и об освобождении от уголовной ответственности в силу применения к ст.204 УК РФ (коммерческий подкуп). В ст.206 УК РФ предусмотрена ответственность за захват заложника. В примечании к данной статье указано, что лицо, добровольно или по требованию властей освобождение заложника, освобождается от уголовной ответственности, если в его действиях не содержится иного состава преступления. Таким образом, если освобождение заложника было осуществлено добровольно, имело место деятельное раскаяние, если же это было сделано по требованию властей, деятельное раска-

яние отсутствует. [6]

Несмотря на содержащееся в ч. 2 ст.75 указание на то, что освобождению от уголовной ответственности по специальным нормам возможно только при наличии условий, предусмотренных в ч.1 ст.75, анализ соответствующих примечаний показывает, что в перечисленных выше статьях Особенной части имеются значительные отступления от предписаний общей нормы. В подобных случаях имеет место коллизия уголовно-правовых норм. В юридической литературе изложены различные подходы к решению вопроса. Так, некоторые специалисты полагают, что правильное разрешение коллизии зависит от понимания соотношения общего и частного. Специальная норма содержит все признаки общей нормы и одновременно свои специфические признаки, выделяющие ее из общей нормы. В связи с этим отсутствие в ряде примечаний описания деятельного раскаяния должно компенсироваться учетом общих правил, предусмотренных в ч.1 и 2 ст.75 УК РФ. [7]

Некоторые авторы вообще не усматривают противоречий между ст.75 УК РФ, полагая, что институт деятельного раскаяния следует рассматривать в совокупности положений Общей, так и Особенной части УК РФ, поскольку, по их мнению, в примечаниях к статьям Особенной части содержатся вовсе не нормы, а только часть нормы о деятельном раскаянии. [8]

Иной точки зрения придерживается В.Д. Филимонов, считающий, что анализ норм, регулирующих освобождение от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием, приводит к выводу, что наличии всех перечисленных в ст.75 УК условий необходимо лишь при совершении преступлений небольшой тяжести (в настоящее время и средней тяжести). Для освобождения от ответственности за совершение иных преступлений это требования не является обязательным.

Для освобождения от уголовной ответственности в силу примечания к норме Особенной части УК РФ необходимо наличие условий, предусмотренных ч.1 ст.75 УК РФ, может служить то обстоятельство, что набор усилий в нормах к Особенной части УК РФ неодинаков. Так, согласно примечанию к ст.126, для освобождения лица от уголовной ответственности за похищение человека необходимо добровольно освободить похищенного. Напротив, для освобождения от уголовной ответственности за незаконное изготовление, приобретение, хранение, перевозку, пересылку либо сбыт наркотических средств или психотропных веществ, согласно примечанию к ст.228, требуется помимо добровольной сдачи указанных предметов также и активное содействие раскрытию или пресечению преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств или психотропных веществ, изобличению лиц, их совершивших, обнаружению имущества, добытого преступным путем. Таким образом, если понимать ч.2 ст.75 УК РФ буквально, то получается, что законодатель в некоторых примечаниях дублирует те или иные условия.

В настоящее время остается неопределенной позиция законодателя, ученых и практиков по целому ряду вопросов, в том числе таких как: достаточно ли для освобождения от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием одного-двух условий (форм), закрепленных в ч. 1 ст. 75 УК РФ, либо требуется совокупность всех перечисленных условий; следует ли устанавливать все формы позитивного поведения, определенные в ч. 1 ст. 75 УК РФ, при освобождении от уголовной ответственности лиц, совершивших тяжкие и особо тяжкие преступ-

ления, в случаях, специально предусмотренных статьями Особенной части УК РФ (ч. 2 ст. 75 УК РФ); является применение норм института деятельного раскаяния правом или обязанностью соответствующих должностных лиц; каковы критерии отграничения рассматриваемого вида освобождения от уголовной ответственности от оснований освобождения, установленных в ст. 76, 78, 90 УК РФ, а также от института добровольного отказа от преступления. В юридической литературе по названным вопросам высказаны различные точки зрения.

Литература:

1. Ланге Н.И. Исследование об уголовном праве Русской Правды. СПб., 1860. с. 188, 142.
2. Уложение царя Алексея Михайловича 1649. СПб., 1838. С. 7
3. Уголовный кодекс РСФСР. М., 1960
4. Уголовный кодекс РФ 1996 г., по состоянию на 7.12.2011 г.
5. Миронов И.В., Освобождение от уголовной ответственности в связи со специальными видами деятельного раскаяния // автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Ростовский юридический институт МВД Российской Федерации. Ростов-на-Дону, 2005
6. Авакумова О.Ю., Освобождение от уголовной ответственности по нормам Особенной части УК РФ // Вестник ВЭГУ. 2006. № 1. С. 67–71.
7. Михайло В. Освобождение от ответственности при вымогательстве или даче взятки // Законодательство. — 2000. — № 9. с. 146
8. Наумов В.В., Деятельное раскаяние // Вестник Московского университета МВД России. 2008. № 2. С. 54–57.

18. КРИМИНОЛОГИЯ И КРИМИНАЛИСТИКА

Взаимодействие органов предварительного следствия с оперативным и другими подразделениями при расследовании уголовных дел по преступлениям против семьи и несовершеннолетних

Плахотнюк Юлия Ивановна, аспирант

Байкальский государственный университет экономики и права (г. Иркутск)

Качество реализации намеченных мероприятий в не-малой степени зависит от того, учтены ли при составлении плана возможности взаимодействия с различными службами органов внутренних дел и другими государственными и общественными организациями. Благоприятные предпосылки для такого взаимодействия возникают при специализации определенных сотрудников следственного и оперативного аппаратов на делах о преступлениях против семьи и несовершеннолетних. Целесообразно разрабатывать единый согласованный план следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий, который после согласования с руководителями соответствующих подразделений утверждается начальником органа внутренних дел, осуществляющего расследование.

Нужно иметь в виду, что вопрос о возбуждении уголовного дела по фактам преступных действий против семьи и несовершеннолетних должен решаться следователем, за исключением единичных, не терпящих отлагательств случаев.

В ходе проведения первоначальных следственных действий оперативно-розыскные мероприятия направлены: на установление лица, совершившего преступление; организацию мер по розыску и задержанию преступников; выяснение отдельных обстоятельств преступления (например, выявления свидетелей, соучастников преступления); изучение личности несовершеннолетнего (получение сведений об условиях жизни и воспитания и так далее); сбор информации о готовящихся преступлениях и о принятии мер к их пресечению; получение данных о похищенных ценностях и имуществе, о возможностях возмещения ущерба, причиненного преступлениями [5, с. 603].

Нежелательно поручать сотрудникам оперативного подразделения проведение наиболее важных следственных действий, требующих, как правило, знание всех материалов дела.

Одним из условий успешного решения профилактических и других задач расследования по рассматриваемой категории дел является взаимодействие с отделом профилактики правонарушений несовершеннолетних. Рекомендуется, в частности, следующие основные формы взаимо-

действия: 1) Получение из отдела сведений о подростках, склонных к совершению преступлений, в ходе проверки версии о совершении неочевидного преступления несовершеннолетними; 2). Истребование справок о личности несовершеннолетнего обвиняемого, условиях его жизни и воспитания; 3). Изучение следователем материалов профилактического дела на несовершеннолетнего; 4). Поручение обследования условий жизни и воспитания несовершеннолетнего, если соответствующие материалы отсутствуют в профилактическом деле. О результатах обследования следователю представляется справка; 5). Совместные сообщения в средствах массовой информации [4, с. 565].

Организация расследования рассматриваемой категории преступлений отличается рядом особенностей, связанных именно с групповым характером совершения. Нередко уже на первоначальном этапе расследования можно выдвинуть версию о совершении преступления группой лиц и в ее развитие — версии об условиях формирования такой группы.

На основе данных версий раскрытие может идти по следующим направлениям:

- патрулирование в районе совершения преступления силами местной полиции, патрульно-постовых служб с целью выявления по имеющимся приметам или кличкам;
- проверка оперуполномоченным, специализирующимся по делам против семьи и несовершеннолетних, преступных или озорных групп из числа состоящих на учете в отделе профилактики правонарушений несовершеннолетних на причастность к совершению преступления;
- беседы инспекторов с преподавателями находящегося в данном микрорайоне учебного заведения с целью установления обучаемых, склонных к совершению правонарушений;
- проверка в районе совершения преступления, ближайших микрорайонах спортивных секций, молодежных клубов;
- проверка подростков и взрослых, недавно освобожденных из мест лишения свободы, на причастность к данному преступлению.

При планировании расследования рекомендуется уделять внимание не только проблемам выявления и использования фактических данных, имеющих значение для дела. Не менее важна и организационная сторона реализации запланированных действий, поскольку многие из них (одновременные задержания, обыски и так далее) являются большими как по объему выполняемой работы, так и по количеству участников. Своевременное разрешение организационных вопросов в значительной степени облегчает проведение расследования [5, с. 604].

По делам данной категории большое значение приобретает взаимодействие следователя с сотрудниками оперативных служб. Так, сотрудникам целесообразно поручать:

- выявление неизвестных участников преступной группы несовершеннолетних и их задержание;
- установление организаторов и их связей с взрослыми преступными группами;
- проверку причастности несовершеннолетних к совершению других преступлений;
- установление потерпевших в случаях выявления незарегистрированных фактов преступной деятельности группы несовершеннолетних;
- поиск свидетелей;
- получение оперативной информации о взаимоотношениях в группе;
- установление мест нахождения (сбыта или хранения) похищенных вещей и их изъятие;
- выявление круга лиц, которые имеют положительные или антисоциальные связи с несовершеннолетними подозреваемыми [1, с. 258].

Взаимодействие с указанными службами поможет следователю получить более полную информацию о самом подростке и его связях, что будет способствовать объективности расследования.

Основой взаимодействия следственных и оперативных работников должно быть установленное законом разграничение их компетенции, чтобы деловой контакт в работе не подменялся незаконной передачей полномочий, когда оперативные работники без поручения следователя выполняли бы следственные действия. Деловой контакт в работе следователя и оперативного работника, обеспечивающий успешное сочетание следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий при расследовании преступления, предполагает:

- четкое разграничение их полномочий;
- совместный выезд на место происшествия в целях выявления и закрепления следов преступления, розыска и задержания преступника;
- совместное участие в разработке плана расследования по делу и плана отдельных, наиболее сложных следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий;
- систематическую взаимную информацию о вновь полученных данных, касающихся обстоятельств расследуемого преступления и лица, его совершившего [5, с. 602].

При бригадном методе расследования целесообразно включать в состав следственно-оперативной группы необходимое количество оперативных работников, которые вместе со следователями, используя специфические методы своей деятельности, направляли бы совместные усилия на успешное решение задачи полного и быстрого раскрытия преступления.

Выделенные для участия в раскрытии преступления работники оперативно-розыскных и экспертно-криминалистических подразделений должны:

- четко и своевременно выполнять поручения и указания следователя о производстве розыскных и следственных действий;
- немедленно уведомлять следователя и прокурора об обнаруженном преступлении и следственных действиях;
- немедленно уведомлять следователя и прокурора об обнаруженном преступлении в случаях, когда производство предварительного следствия обязательно;
- принимать безотлагательные меры к охране места происшествия, выявлению и закреплению вещественных доказательств, розыску преступника по «горячим» следам и осуществлению других неотложных следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий;
- оказывать научно-техническую помощь в выявлении и фиксации следов преступления.

Следователь, в свою очередь, в целях наиболее оптимального сочетания следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий должен ставить в известность соответствующих оперативных работников о результатах выполнения плана расследования, о вновь полученных в ходе следствия данных, которые можно использовать для лучшей организации оперативно-розыскных мероприятий.

В расследовании преступлений могут быть широко и успешно использованы средства и методы судебной фотографии, трасологии баллистики, криминалистического исследования документов, уголовной регистрации, отождествления человека по признакам внешности, психологии и других естественных и технических наук.

Хорошо налаженное взаимодействие следователя и оперативного работника в ходе предварительного следствия по делу создает благоприятные условия для глубокого и всестороннего исследования обстоятельств преступления, способствует успешному выявлению преступных связей обвиняемого и в то же время препятствует возникновению необоснованных подозрений в отношении невиновных лиц.

При реализации плана расследования по уголовному делу нельзя обойтись без планирования отдельных следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий. Этот процесс включает:

- а) получение исходной информации;
- б) формулирование задач, подлежащих разрешению;
- в) выбор тактических приемов, которые должны обеспечивать успешное решение поставленных задач;

г) определение комплекса необходимых технических средств;

д) решение вопроса об использовании оперативных сил, средств и данных, полученных негласным путем;

е) установление круга участников следственного действия или оперативно-розыскного мероприятия и их функций;

ж) уточнение времени и места производства намеченного действия;

з) составление плана производства следственного действия или оперативно-розыскного мероприятия [4, с. 566].

Так, в плане допроса предусматриваются обстоятельства, подлежащие выяснению; формулируются вопросы, которые должны быть поставлены допрашиваемому по каждому из этих обстоятельств. Если на допросе предполагается использовать материалы дела, указывается, какие именно и на каком этапе, в каких целях. В плане должно быть обозначено время, а в необходимых случаях и место допроса [2, с. 104].

Особенности планирования в зависимости от следственной ситуации. Следственная ситуация обуславливается совокупностью обстоятельств, сложившихся на определенный момент расследования и влияющих на программу действий.

Таким образом, качество реализации намеченных мероприятий при расследовании преступлений против семьи и несовершеннолетних в немалой степени зависит от того, учтены ли при составлении плана возможности взаимодействия с различными службами органов внутренних дел и другими государственными и общественными организациями. Нежелательно поручать сотрудникам оперативного подразделения проведение наиболее важных следственных действий, требующих, как правило, знание всех материалов дела. Одним из условий успешного решения профилактических и других задач расследования по рассматриваемой категории дел является взаимодействие с отделом профилактики правонарушений несовершеннолетних, сотрудниками оперативного подразделения.

Литература:

1. Бородин С.В. Преступления против семьи и несовершеннолетних: Новое уголовное право России. Особенная часть. — М.: Норма, 2006. — 303 с.
2. Гаврилин Ю.В., Победкин А.В., Яшин А.Н. Следственное действие / Ю.В. Гаврилин. — М.: МосУ МВД России, Книжный мир, 2008. — 187 с.
3. Герасимов И.Ф. Криминалистика / И.Ф. Герасимов, Л.Я. Драпкин; Под ред. И.Ф. Герасимова. — М.: ИНФРА, 2000. — 408 с.
4. Мозяков В.В. Руководство для следователей. / В.В. Мозяков М.: Экзамен, 2005. — 912 с.
5. Фарберова Ф.С. Защита и охрана прав несовершеннолетних. / Ф.С. Фарберова — М.: Мысль, 1999. — 800 с.

19. УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО

Изучение феномена «эмоционального выгорания» и социальной депривации женщин, работающих в условиях ИТК

Щербакова Наталья Егоровна, педагог-психолог
МАДОУ «Детский сад № 396» (г. Пермь)

Представлены результаты экспериментального исследования синдрома «выгорания» осужденных женщин. В качестве предмета исследования выступили симптомы «эмоционального выгорания», тактики и стратегии копинг-поведения, а также показатели социальной адаптации и их взаимосвязи. Изложены представления о связи анализируемых показателей с неосознаваемыми аспектами психической деятельности. Используются методы психодиагностики: методика диагностики уровня эмоционального выгорания В.В. Бойко; методика диагностики социально-психологической адаптации К. Роджерса и Р. Даймонда; методика «Индикатор копинг-стратегий» Д. Амирхана; методика «Стили совладающего поведения» и опросник способов совладания ОСС.

Ключевые слова: феномен «эмоционального выгорания», социальная депривация, копинг-поведение.

Специфические условия социальной изоляции в виде лишения свободы не могут не отразиться на характере осуждённого человека. Подвергнутый изоляции человек стремится в меру своих возможностей преодолеть её последствия и сохранить внутреннее и внешнее равновесие. У тех, кому это удаётся, чаще наблюдается социально позитивная тенденция в развитии характера, у тех, кому не удаётся это сделать, — социально негативная тенденция в развитии характера [14].

Социальная депривация, понимаемая как ограничение или полное отсутствие контактов человека (или какой-либо группы) с обществом, предстаёт в разнообразных формах, которые могут существенно различаться как по степени жестокости, так и по тому, кто является инициатором изоляции — сам человек (группа) или общество.

Осуждённые женщины по-особому, более обострённо, чем мужчины, воспринимают сам факт изоляции от общества. В силу повышенной возбудимости они легко попадают под влияние групповых настроений. Женщины более тяжело, чем мужчины, переживают отрыв от семьи [14].

Динамика психических состояний у них в период отбывания наказания более выражена, чем у мужчин. В адаптационный период пребывания в исправительно-трудовой колонии для женщин характерно состояние апатии, безразличия, тоски, фрустрации, обречённости. Им свойственны также: неустойчивость характера, восприимчивость к отрицательным влияниям ближайшего окружения, повышенная раздражительность, плаксивость. Нервно-психические срывы у женщин в исправительно-трудовой колонии встречаются чаще, чем у мужчин.

Особое значение для осуждённых женщин имеет выбор профессии, соответствующей их психофизиологическим и возрастным особенностям. Так, молодые осуждённые предпочитают профессии, связанные с большей активностью, чем женщины пожилого возраста [16].

Исключительно важное место в системе ценностей осуждённых женщин занимают семейное благополучие и родственные связи. Распад семьи, неурядицы в семье, отсутствие писем из дома вызывают у них отрицательные психические состояния. Всё это проявляется в нарушениях режима, в неповиновении, отказах от работы и учёбы.

У молодых осуждённых женщин нередко из-за их преступного и аморального поведения возникает разрыв связей с родителями. Они часто озлоблены против близких, считая их виновниками своих неудач.

Многие осуждённые женщины имеют детей и по-разному относятся к ним. Одни из них не испытывают материнских чувств, лишены по суду материнства. Другие любят детей, беспокоятся о них.

Семья имеет антикриминальное значение не только в период отбывания наказания, но и после освобождения. У осуждённых женщин, состоящих в браке, семьи которых сохранились, встречается меньше трудностей в бытовом и трудовом устройстве [16].

Рассмотрим фазы развития стресса у женщин, оказавшихся впервые в местах лишения свободы:

Фаза 1 — состояние неопределённости и шока. Это тяжёлое субъективное переживание, при котором страх и другие негативные эмоции выступают как факторы риска.

Фаза 2 — наступление субъективного облегчения и конструктивное приспособление к ситуации. Эта фаза

занимает адаптационный период, длящийся от трёх до шести месяцев. Женщина понимает неизбежность этой данности, испытывает облегчение, начинает стремиться к проявлению тех или иных способностей, проявляет себя в общественной жизни, определяет для себя определённый стиль поведения.

Фаза 3 — утяжеление состояния. Оно наступает, когда женщина адаптировалась в данных условиях, но она чётко осознаёт о необходимости поступать вопреки каким — либо её желаниям, установкам, правилам жизни.

Фаза 4 — беспомощность и примирение со сложившейся ситуацией. Это тяжёлое психологическое состояние особенно наблюдается у тех женщин, которым назначен большой срок отбывания наказания. Они чётко осознают изоляцию от внешнего мира, трату своего времени и семьи впустую, они не могут оказать помощи своим близким, когда в них так нуждаются. Без них вырастают их дети, без них создаётся новая молодая семья, рождаются и вырастают внуки. Состояние апатии возрастает с каждым месяцем [27].

Таким образом, попадание женщин в места лишения свободы, является огромным стрессогенным фактором, ведущим к депрессии и деструктивным изменениям личности. Им свойственна повышенная тревожность, конфликтность, неуверенность в себе, замкнутость, неадекватная самооценка, скептицизм. Практически все вышеописанные симптомы стресса (дистресса), появляющиеся у женщин, находящихся в местах лишения свободы, соответствуют картине эмоционального выгорания.

Сам факт лишения свободы является мощным эмоциогенным фактором. Но иногда ещё больше влияет на осуждённого чувство раскаяния в совершённом преступлении, обязательным компонентом психологической структуры которого выступает осознание своей вины и потому переживание приговора как справедливого. Если в первом случае выражена карательная сторона наказания, то во втором — его воспитывающая сторона [27].

Преступление, как правило, сопровождается более или менее сильными эмоциональными переживаниями. Предварительное расследование, судебное разбирательство, постановление и исполнение приговора — всё это для личности осуждённого эмоциогенные факторы, которые каждый переживает по-своему. В деле перевоспитания осуждённого эмоции и чувства также играют большую роль. Правильно организованные процессы предварительного расследования и судебного разбирательства должны вызвать у осуждённого чувство справедливости предъявленного обвинения и вынесенного судом приговора. Если эту задачу не удалось решить на данном этапе, то необходимо добиться её выполнения в процессе исполнения наказания [27].

Только на основе всестороннего изучения эмоциональных проявлений осуждённых можно понять их эмоциональные реакции на приговор, разумно спланировать процесс перевоспитания и прогнозировать его результаты.

Необходимо помнить, что многим осуждённым присущи:

- аморальные, низменные чувства;
- повышенная эмоциональная возбудимость;
- неумение, а часто нежелание сдерживать себя;
- повышенная экспрессивность (от лат. *expressio* — выразительность) проявления эмоции;
- отсутствие чувства сопереживания, безразличие к чужому горю;
- выраженная зависимость своих эмоций от влияния группы;
- чувство своей неполноценности, бесперспективности;
- маскировка наигранностью истинных переживаний [28].

Изучая особенности эмоциональных реакций осуждённого, в каждом конкретном случае стараться, возможно, полнее проанализировать:

- конкретную ситуацию, вызвавшую переживание осуждённого;
- соответствие ситуации его потребностям, целям и мотивам деятельности;
- формы проявления переживания;
- мысли, сопутствующие переживанию;
- степень интенсивности переживания;
- степень активности во время переживания;
- степень влияния переживания на деятельность [28].

Весьма ценные сведения об эмоциональных особенностях личности осуждённого можно получить при его изучении в процессе труда.

Психические состояния лиц лишённых свободы разнообразны.

Среди них выделяют оптимальные, стрессовые и депрессивные состояния.

К оптимальным относятся психические состояния, которые позитивно влияют на развитие личности и, при которых деятельность человека наиболее активна и продуктивна. Достижение таких состояний — одно из необходимых условий организации процесса исправления и перевоспитания осуждённых [14].

Менее продуктивно влияет на личность и её деятельность стрессовое (перевозбуждённое) состояние, при котором из-за сильного напряжения может ослабляться самоконтроль.

Всегда негативно влияют на развитие личности и её деятельности депрессивные состояния, представляющие собой длинный ряд последовательно снижающихся настроений, выражающихся в вялости, апатичности, пассивности, безразличии к окружающим и самому себе.

Влияет на состояния осуждённых морально-психологическая атмосфера в коллективе: стиль взаимоотношений, общественное мнение, внутри коллективные бытовые традиции, групповые настроения.

Лишение свободы по — разному воспринимается и переживается впервые осуждёнными и неоднократно судимыми, женщинами и мужчинами, молодыми и пожилыми

людьми, холостыми и семейными, осуждёнными на короткие и длительные сроки и т.д. Но во всех случаях в психических состояниях этих людей есть много общего, что даёт право говорить о типических состояниях осуждённых [14].

Определённая закономерность наблюдается в динамике психических состояний лиц, лишённых свободы. Обращают на себя внимание «критические точки», когда яркое проявление типических психических состояний становится неизбежным: арест, предъявление обвинения, предание суду и судебное разбирательство, оглашение приговора, определение кассационной инстанции, отправление в колонию, первые три-шесть месяцев пребывания в колонии (период адаптации), изменение условий содержания (например, перевод из колонии одного вида режима в колонию другого вида режима), последние месяцы перед освобождением и другое. Психические состояния могут изменяться и в промежутках между «критическими точками». Ни одного осуждённого, например, не могут оставить равнодушными факты предоставления свидания и т.п. [14].

Для осуждённых к лишению свободы характерно состояние ожидания, в котором происходит настройка человека на предстоящие условия жизни и деятельности. Психологическое содержание ожидания может быть различным: это и боязнь возможных страданий, и тревога от неизвестности, и нетерпение, которое может проявляться от бурной радости до аффективно — тормозных реакций. В состоянии ожидания у человека появляется повышенная напряжённость, обостряются психические и физиологические функции.

Нередко осуждённые испытывают очень тяжёлые состояния — безнадёжности и обречённости, когда жизнь кажется им потерявшей всякий смысл и перспективу. В таком состоянии у них подавляются воля, мышление, память. Они или вовсе не реагируют на внешние воздействия, или, напротив, реагируют на них бурно и болезненно и способны совершить самые тяжкие преступления в колонии.

Осужденным свойственны и такие состояния, как незащищённость или мнимая защищённость перед правоохранительными органами. Типическими состояниями осуждённого являются тоска, скука, апатия — состояние равнодушия. Те или иные психические состояния у осуждённых, как правило, не выступают изолированно, а проявляются в комплексе [14].

Психические состояния оказывают влияние на объективность восприятия окружающей действительности. Так, в состоянии надежды осуждённый начинает более оптимистически воспринимать окружающую обстановку и своё положение; в состоянии безнадёжности и обречённости проявляется особый субъективизм его восприятия. Под влиянием апатии, скуки существенно притупляется память, проявляется вялость мысли, навязчивость воображения, неспособность сосредоточить внимание на какой-либо деятельности.

Томительные ожидания вызывают чувства раздражения и отчаяния, особенно когда надежда на условно-досрочное освобождение от наказания или замену наказания более мягким не оправдалась. Тяжёлые психические состояния могут приводить слабovolьных к обезличке, потере своей индивидуальности [10].

Актуальность нашего исследования определяется недостаточной изученностью социальной депривации осуждённых женщин, с одной стороны, и социальным заказом ФБУ ИК ГУФСИН России по Пермскому краю — с другой. Работы по выявлению взаимосвязей симптомов выгорания и стратегий копинга осуждённых отсутствуют.

Экспериментальной базой нашего исследования выступила женская колония Пермского края (отряд испытываемых осуждённых женщин в количестве 64 человек, работающих на швейном производстве в условиях ИТК). Критерием отбора в группу испытываемых служило наличие первой судимости. Средний возраст испытываемых составил 33,7 лет.

Все женщины имеют первую судимость, но разный срок лишения свободы (от 2-х до 10-ти лет лишения свободы). Степень совершённых ими преступлений также различна.

Изучая личностные характеристики испытываемых женщин, для удобства описания, мы объединили их в группы по близости выраженности исследуемых характеристик.

Первая группа женщин в большей степени относится к дезадаптированным, имея при этом слабую выраженность своей искренности, отсутствие доминирования, сниженный внутренний контроль и неприятие, как себя, так и окружающих людей. Они практически не избегают своих проблем, они умеют разрешать сложившиеся проблемы, при этом они редко ищут социальную поддержку со стороны окружения. Им в большей степени присущ проблемно-ориентированный копинг. У них практически отсутствует тактика «принятие ответственности» (то есть признание своей роли в проблеме с сопутствующей темой ее решения), отмечается неумение «планировать решение проблемы», при выраженном «самоконтроле» и «положительной переоценке сложившейся ситуации» (усилия по созданию положительного смысла ситуации, концентрация на росте собственной личности, включая религиозный опыт).

Из трёх фаз сгорания, наибольшую сформированность имеет фаза «напряжения», а фазы «резистенция» и «истощение» находятся в стадии формирования. Фаза «напряжения» сопровождается практически всеми симптомами этой фазы: «переживание психотравмирующих обстоятельств», «неудовлетворённости собой», «загнанности в клетку» и симптомом «тревоги и депрессии». Последний симптом наиболее ярко выражен, он является крайней точкой в формировании тревожной напряжённости при развитии «эмоционального сгорания». Фаза «резистенции» формируется за счёт выраженности симптома «расширение сферы экономий эмоций», а фаза

«истощения» за счёт выраженности симптома «эмоционального дефицита» и симптома «личностной отстранённости или деперсонализации».

Вторая группа испытуемых женщин показала высокий уровень адаптации к сложившимся условиям лишения свободы, хороший внутренний и внешний контроль, при неприятии себя и ведомости со стороны окружающих. Индикатор копинг-стратегий представлен в основном поиском социальной поддержки со стороны окружающих, при неумении как решать, так и избегать сложившихся сложных ситуаций. Стилль совладающего поведения — эмоционально-ориентированный. Самоконтроль женщин этой группы позволяет им применять конфронтативный копинг, который означает агрессивные усилия по изменению ситуации, предполагает определённую степень враждебности и готовность к риску. Эта группа женщин показала сформировавшиеся первые три симптома фазы «напряжения» и складывающийся симптом «тревоги и депрессии». Наибольшую сформированность симптомов, а, следовательно, и саму фазу «резистенции», все симптомы которой показали максимальную выраженность. Женщины осознанно или бессознательно стремятся к психологическому комфорту, стремятся снизить давление внешних обстоятельств с помощью имеющихся в их распоряжении средств. Формирование защиты с участием «эмоционального выгорания» происходит на фоне таких явлений, как: симптом «неадекватного избирательного эмоционального реагирования», симптом «эмоционально — нравственная дезориентация», симптом «расширение сферы экономий эмоций» и симптом «редукции (упрощения) профессиональных обязанностей». Третья фаза эмоционального «выгорания» также практически сформировалась, где отмечается наибольшая сформированность симптома «личностной отстранённости или деперсонализации».

Третья группа испытуемых женщин обладают средним уровнем социально-психологической адаптации, с проявлением эскапизма (уход от проблем) и эмоционального дискомфорта. Они обладают высоким самоконтролем, чаще всего дистанцируются или ищут поддержку среди своего окружения. У них также слабо выражено умение принимать ответственность и умение планировать решение проблемы.

По выраженности показателей «эмоционального выгорания» наибольшие отличия имеют на уже сформировавшихся стадиях «резистенции» и «истощения», за счёт которых отмечается высокий общий балл «эмоционального сгорания», как по его фазам, так и в целом. Такое эмоциональное состояние женщин выступает логическим продолжением развивающегося стресса, когда психотравмирующие обстоятельства очень давят, и устранить их невозможно, к нам часто приходит чувство безысходности. Сосредоточение психической энергии достигает внушительных объёмов и если она не находит выхода, если не сработало какое-либо средство психологической защиты, включая «эмоциональное выгорание», то человек переживает ощущение «загнанности в клетку».

На фазе «резистенции» в большей степени сформировался симптом «неадекватного избирательного эмоционального реагирования», а на стадии «истощения» симптом «личностной отстранённости или деперсонализации», и симптом «психосоматических и психовегетативных нарушений», который проявляется на уровне уже физического и психического самочувствия женщин.

Корреляционный анализ Пирсона подтвердил гипотезу нашего исследования о том, что выраженность симптомов «эмоционального выгорания» обуславливает копинг-поведение и уровень социально-психологической адаптации женщин, находящихся в ситуации лишения свободы.

Таким образом, излагая выводы и опираясь на терминологию, применяемую в методике диагностики уровня «эмоционального выгорания» В.В. Бойко, на данной выборке испытуемых осуждённых женщин мы выявили следующее:

1. Отсутствие «эмоционального комфорта» у женщин объясняет выраженность симптома выгорания «переживание психотравмирующих обстоятельств» ($r = -0,36$ при $p < 0,01$), проявляющегося усиливающимся осознанием психотравмирующих факторов, которые вовсе не устранимы.

2. «Эмоциональный дискомфорт» женщин обусловлен выраженностью симптома «эмоциональной отстранённости» ($r = 0,33$ при $p < 0,01$), при котором личность почти ничто не волнует, почти ничто не вызывает эмоционального отклика — ни позитивные обстоятельства, ни отрицательные (то есть реагирование без чувств и эмоций).

3. Выраженный «конфронтативный копинг» женщин, то есть агрессивные усилия по изменению ситуации, предполагающие определённую степень враждебности и готовности к риску, объясняет их ведомость ($r = -0,37$ при $p < 0,01$).

4. Умение принимать ответственность на себя и умение планировать решение проблемы, объясняют отсутствие «копинга, ориентированного на избегание» ($r = -0,37$ при $p < 0,01$) и «отвлечение» ($r = -0,37$ при $p < 0,01$) женщин.

5. Неискренность в отношениях испытуемых женщин обусловлена выраженностью симптома эмоционального «выгорания» «эмоциональный дефицит» ($r = 0,33$ при $p < 0,01$) и общим баллом по фазе «истощения» ($r = 0,33$ при $p < 0,01$).

6. При выраженности симптома «неудовлетворённость собой» у испытуемых женщин отмечается «копинг, ориентированный на избегание» ($r = 0,38$ при $p < 0,01$), «отвлечение» ($r = 0,39$ при $p < 0,01$) и «социальное отвлечение» ($r = 0,34$ при $p < 0,01$).

7. При симптоме «загнанность в клетку» отсутствует «самоконтроль» ($r = -0,33$ при $p < 0,01$). Особенности ориентации испытуемых женщин в данной среде объясняют такой стиль совладающего поведения, как «отвлечение» ($r = -0,36$ при $p < 0,01$), а выраженность симптома «редукции профессиональных обязанностей» ($r = 0,33$ при $p < 0,01$) и симптом «психосоматических и психовегетативных нарушений» самоотношение и самопредставление осуждённых женщин ($r = 0,37$ при $p < 0,01$).

Заключение

Изучая многообразие проявлений социальной депривации в условиях закрытых исправительно-трудовых учреждений, которое сопряжено с выраженностью симптомов «эмоционального выгорания», и, следовательно, социально-психологической адаптацией, мы отметили:

Высокий уровень выгорания тесно связан с пассивными тактиками сопротивления стрессу. И, наоборот, люди, активно противодействующие стрессу, имеют низкий уровень «выгорания».

Личностные ресурсы в значительной степени определяются способностью к построению интегрированного поведения, что позволяет даже в условиях фрустрационной напряжённости сохранить устойчивость избранной линии поведения, соразмерно учитывать собственные потребности и требования окружения, соотносить немедленные результаты и отложенные последствия тех или иных поступков.

Чем выше способность к интеграции поведения, тем более успешно преодоление стрессогенных ситуаций.

При невротических состояниях и личностных декомпенсациях роль предшествовавшего опыта и особенностей личности наиболее выражены.

Симптомы «выгорания» указывают на характерные черты длительного стресса и психической перегрузки, которые приводят или могут приводить к полной дезинтеграции различных психических сфер и, прежде всего — эмоциональной.

В той или иной ситуации личность прибегает к целому комплексу копинг-стратегий в зависимости от своих личностных особенностей и характера ситуации, то есть существуют паттерны копинга.

По результатам исследования были сформулированы рекомендации по нормализации нервно-психического состояния женщин с высоким уровнем «выгорания» как для самих осуждённых женщин, так и для персонала исправительной колонии по профилактике эмоционального выгорания. Были определены группы женщин, которым рекомендовано психологическое сопровождение в виде работы как в групповом варианте (в тренинговых группах), так и индивидуальном режиме (психотерапевтические встречи с использованием различного арсенала методов: серийное рисование, арт-терапия, сказкотерапия, ролевые игры, песочная терапия и т.п.).

Думаю, что полученные результаты дополняют существующее представление о социальной депривации осуждённых женщин, находящихся в условиях исправительно-трудового учреждения.

В целом, практическая значимость исследования заключается в подготовке рекомендаций для персонала исправительной колонии по профилактике эмоционального выгорания осуждённых женщин, необходимых для психокоррекционных мероприятий по реализации социально-реабилитационных режимов на различных этапах реабилитационного процесса, направленных на профилактику психологических последствий депривации, развитие навыков взаимодействия, целеполагания, формирования жизненной перспективы осуждённых женщин.

Литература:

1. Алексеенкова Е.Г. Личность в условиях психической депривации: Учебное пособие. — СПб., Питер, 2009. — с. 96 (Серия «Учебное пособие»).
2. Анцыферова Л.И. Личность в трудных жизненных условиях: переосмысливание, преобразование ситуаций и психологическая защита // Психологический журнал. 1994. Т.15. № 1. С. 3—19.
3. Асмолов А.Г. Психология личности: Учебник. — М., 1990.
4. Барабанова М.В. Изучение психологического содержания синдрома выгорания // Вестник МГУ. Сер.: Психология. 2005. № 1.
5. Березин Ф.Б., Барлас Т.В. Социально-психологическая адаптация при невротических и психосоматических расстройствах, // Журн. Невропат. и психиатрии им.С. С. Корсакова, 1994, т.94, N 6, с. 38—43.
6. Березин Ф.Б., Соколова Е.Д., Т.В. Барлас Эмоциональный стресс: психологические механизмы, клинические проявления, психотерапия. // Materia Medica. 1996. N 1 (9). С. 5—25.
7. Бодров В.А. Когнитивные процессы и психологический стресс. // Психологический журнал. 1996. Т. 17 № 4 с. 64—74.
8. Бойко В.В. Энергия эмоций в общении; взгляд на себя и других. М., 1983.
9. Бойко В.В. Социально-психологический климат коллектива и личность. М., 1983 г.
10. Водопьянова Н.Е. «Психическое выгорание» // Стоматолог, М., 2002, № 7.
11. Водопьянова Н.Е., Старченкова Е.С. «Синдром выгорания: диагностика и профилактика», «Питер», 1-ое издание, 2005 г., 336 стр.
12. Волкова Н.В. Coping strategies как условие формирования идентичности // Мир психологии. 2004. № 2 С. 119—124.
13. Дементий Л.И. К проблеме диагностики социального контекста и стратегий копинг-поведения // Журнал прикладной психологии. 2004. № 3. С. 20—25.
14. Еникеев М.И. Основы общей и юридической психологии. М., 1996.

15. Замышляева М.С. Оптимизм в структуре психологического совладания личности. Дисс... канд. психол. наук. (На правах рукописи), Кострома: КГУ им. Н.А. Некрасова, 2006.
16. Исправительно-трудовая психология: Учебн. пособие для слушателей вузов МВД РФ /Под ред. К.К. Платонова, А.Д. Глоточкина, К.Е. Игошева. — Рязань: РВШ МВД СССР, 1985. — 360 с.
17. Китаев-Смык Л.А. Психология стресса. М., 1983.
18. Козлова О.В. Тренинг «Преодоление синдрома профессионального выгорания» //Психология зрелости и старения. — 2003. № 1. с. 99—117.
19. Крюгер Ф. Сущность эмоционального переживания //Психология эмоций. Тексты. М., 2004.
20. Крюкова Т.Л. Психология совладающего поведения в разные периоды жизни. Дисс... докт. психол. наук. (На правах рукописи). Кострома: ЮГУ им. Н.А. Некрасова, 2005.
21. Крюкова Т.Л. Методы изучения совладающего поведения: три копинг-шкалы. — Кострома: Авантитул, 2007. — 60 с.
22. Лебедев В.И. Психология и психопатология одиночества и групповой изоляции. — М.: Юнити, 2002.
23. Левитов Н.Д. О психических состояниях человека. М., 1983.
24. Либина А., Либин А. Стили реагирования на стресс: психологическая защита или совладание со сложными обстоятельствами? / Стил ь человека: психологический анализ. — М.: Смысл, 1998. С. 190—204.
25. Орел В.Е. Исследование феномена психического выгорания в отечественной и зарубежной психологии. //Проблемы общей и организационной психологии. Ярославль, 1987. С. 76—97.
26. Психическая депривация: Хрестоматия /Сост. Н.Н. Крыгина. — Магнитогорск: Изд-во МаГУ, 2003.
27. Рабочая книга пенитенциарного психолога. /Под ред. Мокрецова А.И., Голубева В.П., Шамиса А.В. ВНИИ ГУИН, М., Юрист, 1998.
28. Тюрьма — не женское дело. /под ред. Альперн Л.И. Общественный Центр содействия реформе уголовного правосудия, М., 2009.
29. Хекхаузен Х. Личностные и ситуационные подходы к объяснению поведения // Психология социальных ситуаций. 21. Хрестоматия./ Сост. и общая редакция Н.В. Гришиной. — СПб.: Питер. 2001. С. 58—91.
30. Шиханцов Г.Г. Юридическая психология. М., 2008.

20. МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО

Международно-правовые аспекты борьбы с кибернетическими преступлениями

Кривогин Максим Сергеевич, студент
Орловский государственный аграрный университет

Двадцать первый век, век информационных технологий, внес колоссальные изменения в жизни отдельных людей и всего общества в целом. За последние 13 лет увеличилось значение роли информации, возросло число людей занятых в сфере информационных технологий, усилилась общая информатизация общества, возросла роль телекоммуникационных сетей и персональных компьютеров. Данные новшества несут множество положительных моментов: развитие компьютерных технологий обеспечивает личности свободу выбора, возможность создавать и использовать необходимые для жизнедеятельности электронные коммуникации, круглосуточная доступность возможности получения и отправки информации [1, с. 548]. Информационные технологии также открывают и большие перспективы для функционирования коммерческой и государственной деятельности: быстрыми темпами развивается электронная торговля, создаются интернет-биржи труда, появляется возможность оказания электронных государственных услуг и др. Но в то же время технический прогресс позволяет совершать преступления новыми способами и при помощи новых орудий. [2, с. 14].

Наиболее серьезной проблемой является возрастающее с каждым годом число преступлений в сфере интернет — только в Российской Федерации за 2012 год было зарегистрировано на 28 % больше киберпреступлений чем за предыдущий расчетный период [3]. Под термином «киберпреступление» понимается преступное деяние, совершенное в интернете, при котором компьютер является либо орудием, либо предметом посягательств в виртуальном пространстве [4]. Существует множество типов кибернетических преступлений — онлайн мошенничество, клевета, оскорбления, экстремизм в сети, DoS-атаки, дефейс, распространение вредоносных программ, кардерство, фишинг, компьютерный шпионаж и др. [5]. Большинство из вышеперечисленных преступлений совершаются не только в рамках одной, конкретной страны, но также могут иметь и международный характер. Из данного положения можно сделать вывод, что одной из основных проблем, с которой сталкиваются оперативные работники при расследовании киберпреступлений, является сложность установления лица совершившего преступление, его государственно-территориальное местонахождение, а также норму права, в соответствии с

которой злоумышленник может быть привлечен к ответственности.

На сегодняшний день, основным документом, регулирующим вопросы международного сотрудничества в борьбе с киберпреступностью является «Конвенция о преступности в сфере компьютерной информации». В данном документе сформулированы принципы по обеспечению мер к борьбе с киберпреступлениями на национальном и международном уровнях. Международное сотрудничество способствует решению вопросов в отношении выдачи лиц, совершивших кибернетические преступления, общих принципов взаимной помощи, касающихся правил направления информации, запросов о взаимной помощи, конфиденциальности и обеспечении сохранности информации, трансграничного доступа к ней и др. [7].

В соответствии с данной Конвенцией, выдача лиц, другой стороне, возможна за следующие виды совершенных кибернетических преступлений: противозаконный доступ, неправомерный перехват, воздействие на данные и функционирование системы, противозаконное использование устройств, подлог и мошенничество с использованием компьютерных технологий, правонарушения, связанные с детской порнографией, нарушения авторских и смежных прав. Также допускается выдача лиц другим государствам, в случае покушения, соучастия или подстрекательства к совершению вышеперечисленных преступлений. При этом, выдача лиц, совершивших преступления, возможна при наличии у двух сторон предусмотренного наказания в виде лишения свободы на максимальный срок не менее одного года.

Стоит отметить, что в 2005 году было издано распоряжение президента Российской Федерации «О подписании конвенции о киберпреступности». В документе делалась оговорка, о участии РФ в Конвенции, при условии пересмотра пункта «b» статьи 32 [8]. В указанном пункте отмечается возможность доступа и получения через компьютерную систему следственными органами одной Стороны к хранящимся на территории другой Стороны компьютерным данным, если имеется добровольное согласие лица, которое имеет законные полномочия по раскрытию этих данных. Вышеназванный пункт не был пересмотрен, и в 2008 году вышло новое распоряжение президента РФ, в соответствии с которым предыдущее распоряжение

2005 года утратило свою силу [9]. Таким образом Конвенция не была ратифицирована, и на текущий момент её действие не распространяется на Российскую Федерацию.

Не менее важным документом, в рамках стран-участниц Организации Объединенных Наций, является Резолюция «по борьбе с преступным использованием информационных технологий» принятая в 2001 году. В ней отмечается необходимость сотрудничества между государствами и частным сектором в борьбе с преступным использованием информационных технологий. Сотрудничество в борьбе с преступлениями в сфере информационных технологий должно достигаться посредством: введения в законодательство ответственности за информационные преступления, транснационального сотрудничества правоохранительных органов, международного обмена информацией о проблемах преступного использования информационных технологий, обучения сотрудников правоохранительных органов в условиях информационного общества, защиты компьютерных систем от несанкционированного вмешательства, обеспечения сохранности информационных данных и своевременного сбора доказательств при расследовании преступлений.

Отдельно стоит отметить п 1. j) Резолюции, в котором указано, что информационные технологии должны разрабатываться таким образом, чтобы содействовать предупреждению и обнаружению случаев преступного использования, отслеживанию преступников и сбору доказательств [10]. Теоретически, данный пункт предоставляет правоохранительным органам отдельной страны осуществлять обнаружение и поимку преступников за короткий срок и с большей эффективностью. Но существует возможность неправомерного доступа преступников, к вышеуказанным технологиям и использования скрытых возможностей систем с целью совершения информационных преступлений, например хищения персональных данных.

В 1996 году странами Большой Восьмерки было принято решение о создании специальной подгруппы по борьбе с международными преступлениями в сфере высоких технологий — «Лионская группа» [11]. В это же время главы стран одобрили принятие плана, состоящего из десяти пунктов, по противодействию киберпреступлениями. Из наиболее важных пунктов документа, стоит отметить: создание в каждой стране контактного центра, работающего 24 часа в сутки, для сотрудничества в борьбе с информационными преступлениями, оказание помощи квалифицированными сотрудниками правоохранительных органов другим государствам, разработку и использование совместимых стандартов для получения и проверки подлинности электронных данных в ходе судебного расследования, ознакомление с законодательными

методами борьбы с компьютерными правонарушениями стран-участниц [12].

На ежегодной сессии стран НАТО, проходившей в 2009 году, был подготовлен доклад — «НАТО и Киберзащита». В докладе были упомянуты основополагающие принципы, способствующие эффективной защите от возможных кибернетических угроз. Так, на международном уровне, было предложено ввести в законодательства стран, следующие термины: «кибер-война», «кибер-атака», «кибертерроризм». Отмечалась необходимость более плотного сотрудничества стран с частными организациями и Интернет-провайдерами для обеспечения защиты. Кроме того, в рамках развития мер по киберзащите стран НАТО, было рекомендовано способствовать России, Китаю, Бразилии и Индии, к скорейшему их присоединению к «Конвенции о преступности в сфере компьютерной информации» [14].

Так же блоком стран НАТО, в Талине, в 2008 году был открыт современный центр по проведению исследований и учений в области кибер-защиты и ведению военных действий в кибер-пространстве [13].

В рамках сотрудничества государств-участников СНГ, в 2001 году, было выработано соглашение по борьбе с преступлениями в сфере компьютерной информации. По которому, стороны осуществляют сотрудничество в формах обмена информацией, проведению расследований в области компьютерной информации, оказания содействия в подготовке кадров, проведения совместных научных исследований, создания информационных систем, обмена нормативно-правовыми актами и научного-технической литературы по борьбе с компьютерными преступлениями [15]. В документе также указывалось, что сотрудничество между странами СНГ осуществляется на основании запросов компетентных органов об оказании содействия. Время исполнения запроса не должно превышать 30 суток со дня его получения. Отказ в его исполнении допустим, в случае, если его исполнение противоречит национальному законодательству запрашиваемой стороны. Российская Федерация приняла Соглашение с оговоркой — отказ в исполнении запроса допустим, если его исполнение может нанести ущерб суверенитету или безопасности РФ [16].

Международное законодательство играет весьма важную роль в борьбе с кибер-преступлениями. Создание 24/7 контактных центров, законодательное определение понятий кибер-преступления, выдача лиц их совершивших, международное взаимодействие сотрудников компетентных органов, проведение учений и обмен информацией способствуют осуществлению эффективных методов реагирования и борьбы с международными преступлениями, совершаемыми в кибер-пространстве.

Литература:

1. Информационные технологии: учебник / под ред. В.В Трофимова. — М.: Издательство Юрайт; ИД Юрайт, 2011. — 624с.

2. Федотов Н.Н. Форензика — компьютерная криминалистика — М.: Юридический Мир, 2007. — 432 с.
3. <http://lenta.ru/news/2013/02/05/cyber/>
4. Чекунов И.Г. Киберпреступность: понятие и классификация // Российский следователь. 2012. п 2. с. 37—44.
5. <http://www.compress.ru/article.aspx?id=18184&iid=842>
6. Консультант Плюс: Обзор изменений «Уголовного кодекса Российской Федерации» от 13.06.1996 N 63-ФЗ
7. <http://pravo.ru/interpravo/legislative/view/27/?page=20>
8. Распоряжение Президента РФ от 15.11.2005 N 557-рп «О подписании Конвенции о киберпреступности»
9. Распоряжение Президента РФ от 22.03.2008 N 144-рп «О признании утратившим силу Распоряжения Президента Российской Федерации от 15 ноября 2005 г. N 557-рп «О подписании Конвенции о киберпреступности»
10. Резолюция, принятая Генеральной Ассамблеей 55/63. Борьба с преступным использованием информационных технологий
11. http://www.g8.utoronto.ca/justice/justice_uk2005.htm
12. <http://news.bbc.co.uk/2/hi/science/nature/38671.stm>
13. http://www.nato.int/cps/en/natolive/topics_78170.htm?
14. 173 DSCFC 09 E BIS — NATO AND CYBER DEFENCE
15. Соглашение о сотрудничестве государств — участников Содружества Независимых Государств в борьбе с преступлениями в сфере компьютерной информации
16. Федеральный закон от 01.10.2008 N 164-ФЗ «О ратификации Соглашения о сотрудничестве государств-участников Содружества Независимых Государств в борьбе с преступлениями в сфере компьютерной информации»

21. ГОСУДАРСТВО И ПРАВО ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН

Основные направления национальной жилищной стратегии Республики Болгария

Велковски Валдес Валериев, студент

Химикотехнологический и металлургический университет (г. София, Болгария)

Principales tendances de la Stratégie nationale sur l'habitation de la République de Bulgarie

Velkovski Valdes Valeriev, étudiant-master,

Université de technologie chimique et de métallurgie – Sofia, Bulgarie

Introduction

Pour les fins de l'art. 31 de la Charte sociale européenne, le droit au logement est un des priorités majeures de la politique sociale de la Communauté européenne. Droit au logement et à la réalisation de ce droit dans la Charte sociale européenne est associée à des engagements spécifiques des Etats membres de l'Union européenne. Ces engagements sont les suivants:

- favoriser l'accès au logement d'un niveau suffisant;
- prévenir et réduire l'itinérance en vue de son élimination progressive;
- le prix des logements afin qu'ils soient accessibles à ceux qui n'ont pas de ressources suffisantes.

La Bulgarie en tant qu'Etat membre de l'Union européenne depuis 2007, et lors de la négociation de l'adhésion axer sa politique du logement en conformité avec la politique européenne des infrastructures scolaires et de nouvelles normes de vie dans le nouveau millénaire. Satisfaction à l'égard de la maison de chaque citoyen bulgare est une priorité et une direction précise dans un certain nombre de documents gouvernementaux. A titre d'exemple, nous pouvons mentionner ici la Stratégie nationale pour le développement démographique (2012–2030), dans lequel surmonter la crise démographique devrait être atteint grâce à la politique du logement efficace, la politique démographique comme «un ensemble de mesures, les activités et les orientations stratégiques de niveau national et régional visant à stabiliser la situation démographique et le développement du facteur humain» [1, p. 20] comprend la politique du logement principal mécanisme efficace est en place, elle est liée à la stabilisation de la situation démographique.

Afin de déterminer les orientations spécifiques de la politique de logement de la République de Bulgarie, il ya une

stratégie nationale du logement de la République de Bulgarie, qui sera traité ici.

1. Vision et des objectifs stratégiques de la politique de l'habitation nationale

A/ Une vision de la politique de l'habitation nationale

La mise en œuvre de la politique nationale du logement de la République de Bulgarie, conformément à la stratégie nationale de l'habitation est basé sur le concept suivant:

«Création d'une configuration équilibrée et proportionnée et le développement du logement durable en offrant des conditions d'accès à un logement de qualité (possédé ou loué) pour rencontrer des citoyens bulgares».

Système de logement est un élément essentiel de Infrastructure comme un «système de secteurs, les activités et les installations qui servent l'industrie et assurer le bon fonctionnement de la société» [2, p. 26]. Politique d'infrastructure de la République de Bulgarie vise à appliquer moderne et accessible à des normes publiques qui comprennent les infrastructures et le logement, ces normes font partie d'un certain nombre de documents législatifs.

B / Les objectifs stratégiques de la politique du logement

La vision pour le logement est directement liée aux principaux aspects et facile skvaniya de développement durable de la Bulgarie.

Vision et son interprétation dans les buts stratégiques du logement est associé à deux points principaux. Le premier point est la classification du secteur du logement comme un élément essentiel d'une économie et de l'activité économique, et utiliser le net comme une force motrice du développement économique e toutes les phases de transition. Le second point est lié au fait que Logement assure un équilibre entre haute efficacité et de justice sociale.

Sur la base des résultats d'une méta-analyse des caractéristiques du système de logement et le principe de nouveaux logements dans une économie de marché en fournissant l'infrastructure-gistrée sur le portail en fournissant des opportunités dans la stratégie nationale du logement a marqué les objectifs stratégiques suivants de la politique nationale du logement:

- Piraterie des processus de détérioration du parc de logements existant.

- Créer un mécanisme de travail pour la fourniture de nouveaux logements à prix abordable d'achat et de location.

Les priorités et la séquence des actions à mettre en œuvre les objectifs stratégiques de la politique nationale du logement pour faire face aux réformes les plus urgentes et les besoins de logement, en tenant compte des graves déficits financiers de l'État, les municipalités et les ménages.

Les objectifs stratégiques sont atteints dans trois secteurs opérationnels:

- La direction opérationnelle «A»: Elaboration d'un cadre pour le système national pour le logement

- La direction opérationnelle «B»: Aborder les questions prioritaires dans la consommation de logement.

- La direction opérationnelle «C»: Mener une campagne d'information et d'éducation.

2. Directions opérationnelles pour la mise en œuvre des objectifs stratégiques

A/ La direction opérationnelle «A», qui se réfère au cadre du système national de logement est associée à:

- augmenter la capacité des institutions à mener des logements et de mettre en œuvre des stratégies (au niveau national, régional et local);

- réglementation juridique des engagements de l'Etat et les municipalités à l'habitation (financières et organisationnelles);

- créer les conditions de l'accumulation du capital privé pour le fonds de rénovation des logements et construire des logements abordables (prêts bonifiés et dégrèvements fiscaux);

- conditions de formation d'un processus de restructuration et de renouvellement des lotissements.

Pour la direction opérationnelle et de «créer et mettre en œuvre des deux programmes:

a/ Programme A-1 — Construire un cadre institutionnel qui comprend un soutien à des structures spécialisées abritant le ministère du développement régional et les administrations régionales et municipales, le Dr eglamentirane et encourager la création d'«associations de logement» (nouveau type entité sans but lucratif qui, dans de nombreux pays est pris en charge «les fonctions des municipalités pour la construction et l'entretien des logements sociaux), le Dr eglamentirane et encourager la formation d'associations de propriétaires ou propriétaires et les locataires (personnes morales qui sont propriétaires ou les propriétaires et les locataires dans l'immeuble ou dans une région donnée) (En Bul-

garie a adopté Loi sur les condominiums), qui réglemente ces procédures, le Dr développement d'un cadre réglementaire pour les économies d'énergie dans les bâtiments afin de réduire la consommation d'énergie dans les nouveaux bâtiments et la rénovation d'exister (en Bulgarie a adopté la loi l'efficacité énergétique), le Dr fonctions eglamentirane et les relations entre les participants au marché du logement.

Ce programme atteint ces résultats en t: création d'un cadre institutionnel approprié du système de logement, conformément aux objectifs de la politique nationale du logement; définition claire des responsabilités publiques et réels à la maison; le renforcement de la participation des municipalités dans le processus de formation du logement; décentralisation des fonctions et des responsabilités en matière de logement, etc.

b/ Programme A-2 — Améliorer le système de crédit financier et fiscal pour le logement

L'amélioration du système financier et de crédit est de mettre en œuvre les nouveaux mécanismes relatifs à: prêts hypothécaires à échéance plus longue (amendements nécessaires à la loi sur les obligations et des contrats); instruments hypothécaires flexibles (prêts hypothécaires indexés); subventionnés (garanti) prêts pour la réparation et la rénovation de logements (Banque de développement par exemple pour garantir les prêts des banques commerciales, sous certaines conditions, jusqu'à une certaine limite); un système de subventions de l'Etat pour la construction et la réhabilitation de logements; l'amélioration du système de relations salariales, en utilisant le potentiel du logement locatif privé.

L'amélioration du système fiscal consiste à préparer des propositions de changements dans les lois fiscales relatives à: mise en place d'incitations fiscales pour les réparations et les améliorations nécessaires aux bâtiments; accroître les possibilités pour les municipalités de l'enceinte à travers les impôts locaux.

B / La direction opérationnelle «B»

Pour la direction opérationnelle «B» se produira la série suivante de programmes spécialisés:

A / Programme B-1 — Gestion et entretien du parc de logements existants

Essentiellement, ce programme est un investissement. Les principales activités sont liées à l'introduction de nouvelles règles et réglementations qui conduisent à des pratiques de gestion acceptables et logement maintien. L'objet du programme sont les suivants: copropriété; exigences applicables aux ouvrages de construction; l'introduction du passeport technique du bâtiment; introduction de l'énergie marquage des bâtiments;

l'identification des personnes concernées pendant la gestion des logements.

Demande de la réforme de la copropriété comprend une exigence pour l'enregistrement d'une personne morale représentant copropriété, obligeant les propriétaires à faire des contributions mensuelles au budget de l'entretien copropriété des parties communes; contraignante passeport technique du bâtiment, etc À cet égard, après l'adoption de la

stratégie, la législation bulgare, un certain nombre de changements. En dehors de la Loi sur les condominiums et la Loi sur l'efficacité énergétique a été émis pour les passeports obligatoires techniques des bâtiments de la loi sur l'aménagement du territoire, etc.

b / Programme B-2 — Restructuration et rénovation des immeubles d'habitation

Le programme comporte deux niveaux — national et local.

Au niveau national fournit un cadre pour le processus — les règlements juridiques, subsides et aides méthodologiques et de surveillance.

Au niveau municipal, de créer et de mettre en œuvre des projets d'investissement spécifiques de restructuration et de rénovation des immeubles d'habitation.

En s'appuyant sur les éléments créés par les programmes précédents, ce qui crée plus: règles et règlements spécifiques pour la restructuration spatiale des complexes associés à la colonisation des terres; nouveau règlement pour la privatisation des terres (disponible formule «biens pour réparation»).

c / Programme B-3 — Boîtier panneau de mise à jour

Ce programme permettra de créer de nouvelles règles et règlements relatifs à clarifier le rôle du gouvernement central, les municipalités et les propriétaires de maisons préfabriquées comme suit: l'identification et la classification des municipalités de logements disponibles préfabriqué, fonction de l'urgence des actions correctives; prendre de l'Etat la mise à disposition de projets à mettre en œuvre la rénovation de bâtiments préfabriqués; la création des conditions nécessaires juridique, organisationnel et financier qui fera en sorte que les réparations nécessaires et les travaux de construction de la rénovation de bâtiments; réglementer les obligations des propriétaires des bâtiments préfabriqués pour leur participation active dans la réhabilitation.

En Bulgarie, déjà mis en œuvre des projets dans 36 villes à travers le pays afin d'actualiser les bâtiments préfabriqués que le projet est supervisé par le ministère du Développement régional et des Travaux publics. Fonds pour le projet est mis en œuvre par les propriétaires et le Fonds européen de développement régional.

d / Programme B-4 — Assurer l'accès au logement pour les familles à faible revenu

Le but de ce programme est de fournir une occasion pour les jeunes familles et d'autres familles à faible revenu de se déplacer dans le logement / propriété indépendante ou la location /. Parler aux représentants des groupes vulnérables, à savoir les «communautés sociales, y compris les personnes appartenant à des catégories différentes (personnes handicapées, les groupes marginalisés, les réfugiés, etc) qui, pour quelque raison que ce soit empêché un accès égal aux opportunités et ressources disponibles pour achever mode de vie. « [3, p. 56].

Dans des conditions spécifiques s'appliqueront trois modèles:

— «Propriété du logement».

Va réglementer et promouvoir l'égalité, familles à faible revenu à obtenir un premier temps, en fonction de leurs capacités, l'actionnariat en versant une partie du prix d'achat du logement public ou municipal ou un logement aux associations de logement en devenant propriétaires avec eux en tant que propriétaires une part de propriété total. Ils auront la capacité et le droit d'acheter le reste de la propriété de la maison jusqu'à ce qu'ils deviennent propriétaires exclusifs.

fournir, gratuitement ou à des conditions de faveur termes de terres pour les infrastructures zoné pour la construction de maisons;

logements à loyer modique dans un état non négociables
"/ municipales ou des associations de logement /

Ici, la définition des critères d'application pour les besoins d'hébergement et de logement de la hiérarchie, plus grand sera l'avantage de jeunes familles.

e / Programme B-5 — Améliorer les conditions de vie des Roms

La Bulgarie a déjà réalisé, à cet égard, Programme national pour améliorer les conditions de logement des Roms pour la période 2005–2015

C / La direction opérationnelle «C»

Les actions proposées dans la mise en œuvre de divers programmes d'exploitation directions, A 'et B', qui affectent directement les citoyens en leur qualité de propriétaires et les contribuables doivent être suffisamment acceptable pour eux et bien comprises. Pour la direction opérationnelle, Dans «offre les programmes spéciaux suivants: Annexe C-1 — Campagne d'information et d'éducation des citoyens (la réalisation de l'acceptation sociale du logement neuf); Annexe C-2 — Formation des administrations régionales et locales de la nouvelle politique du logement et de la mise en œuvre des programmes.

Le programme comprend: cours à appliquer pour les projets des bailleurs de fonds; formation dans le développement de stratégies locales de logement.

Conclusion

Comme souligné dans la Stratégie nationale sur l'habitation de la Bulgarie, oh Pierre de tous les pays montre que le secteur du logement est un élément essentiel d'une économie et de l'activité économique en général et peut être utilisé comme un moteur du développement économique. Bulgarie ne fait pas exception cet égard. logement sous-jacent de la République de Bulgarie continuera de défendre la présomption que M. logements adéquats sous-jacent est un facteur de premier plan pour la santé de la reproduction et de la population normale et dans ce sens est un bon investissement dans l'avenir Fr.

Et à l'avenir, b alansiranata, proportion croissante logement System z est un facteur et un indicateur pour le développement durable du pays et à l'arrière — déformé, plein de défauts, le stress et secteur du logement processus de dégradation est un gage d'instabilité.

Littérature:

1. Велковска Г., Терминологичен речник по развитие на човека, изд. «Валдес — ВВ — ГВ», С., 2012 г.
2. Велковска Г., Терминологичен речник по регионална икономика, изд. «Валдес — ВВ — ГВ», С., 2012 г.
3. http://www.ec.europa.eu/index_bg.html
4. http://www.europa.eu/index_bg.htm
5. http://www.europarl.europa.eu/news/public/default_bg.htm
6. <http://www.government.bg>
7. <http://www.lex.bg>
8. <http://www.mlsp.government.bg>
9. <http://www.mrrb.government.bg>
10. <http://www.sacp.government.bg/normativna-uredba/mejdunarodni-konvencii/evropeiska-socialna-harta/>

Научное издание

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА (II)

Международная заочная научная конференция
г. Чита, март 2013 г.

Материалы печатаются в авторской редакции

Дизайн обложки: *Е.А. Шишков*

Верстка: *П.Я. Бурьянов*

Подписано в печать 24.03.2013. Формат 60х90 ¹/₈.
Гарнитура «Литературная». Бумага офсетная.
Усл. печ. л. 9,75. Уч.-изд. л. 7,69. Тираж 300 экз.

Отпечатано в типографии «Ваш полиграфический партнер»
127238, Москва, Ильменский пр-д, д. 1, стр. 6